

КНИЖНЫЕ НОВОСТИ

1

КОГИЗ

1 · 9 · 3 · 7

КНИЖНЫЕ НОВОСТИ

ИНФОРМАЦИОННО-
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
★ КОГИЗА ★

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ

№ 1

★

ЯНВАРЬ 1937 г.

★

№ 1

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Великий русский поэт _____	2	Е. Синар — Пушкин в Грузии _____	47
С. Белевицкий — „Наследие Пушкина и коммунизм“ _____	4	С. Шамилов — Азербайджан к юбилею Пушкина _____	49
К. Богаевская — Издания Пушкина _____	7	Ю. Круковский — Пушкин на узбекском языке _____	50
Полные собрания сочинений Пушкина _____	11	Нигер — Пушкин в Северной Осетии _____	51
Хроника _____	14	Ш. Шагретдинов — Пушкин и башкирский народ _____	52
Биографии Пушкина		Б. Т. — Пушкин на украинском языке _____	52
Г. Винокур — Биография Пушкина _____	16	Пушкинские издания в Карелии _____	53
С. Белевицкий — Новые биографии Пушкина _____	21	Гр. Смольяков — В Сталинграде и у калмыков _____	53
Хроника _____	22	Родзаевский — Пушкин в Чечено-Ингушетии _____	54
Новые издания о Пушкине		Переводчики Пушкина	
Н. Мордовченко — В. Г. Белинский о Пушкине _____	23	Арк. Багай — Я перевел сказку Пушкина _____	54
Н. Бродский — „Евгений Онегин“ _____	25	Мамед-Рагим о своих переводах _____	55
С. — Пушкин и русский романтизм _____	26	Хамид Алимджан о своем переводе „Русалки“ и „Кавказского пленника“ _____	55
Н. Д. — Пушкин-журналист _____	28	Я. Виртанен — Моя работа над переводами Пушкина _____	55
А. С. Долинин — Писатели о Пушкине _____	30	М. Мюшфик о своих переводах „Цыган“ и „Полтавы“ _____	55
Хроника _____	31	Пушкиниана	
Пушкин в изобразительном искусстве		Н. И. Мордовченко — Пушкинская текстология _____	56
Э. Голлербах — Два пушкинских альбома _____	34	Н. Мацуев — Книги и периодика 1936 года о Пушкине _____	59
И. Казанов — „Пушкин в искусстве Палеха“ _____	39	П. Эттингер — Пушкин в мировой литературе _____	64
Хроника _____	42		
Пушкин на языках народов СССР			
В. Волкова — Национальные издательства Пушкину _____	43		

А. С. ПУШКИН

1837 - 1937

* *
*

Elegi monumentum.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

А. Пушкин

Великий русский поэт

Глухой зимней ночью 1837 г. жандармы царя Николая I, таясь и крадучись, как воры, увозили из Петербурга мертвое тело Пушкина. Царское правительство пыталось украсть у русского народа его великого поэта, убитого агентом, ставленником дворянской реакции. Давно развеяна наукой официально-либеральная легенда о смерти Пушкина на дуэли из личных мотивов. Поединок Пушкина, затравленного придворной челядью, был завершением длительной борьбы, которую гениальный поэт вел с реакционным дворянством за судьбы русской литературы.

Эта борьба не закончилась смертью Пушкина. Она продолжалась над гробом его. Она велась вокруг произведений поэта и после того, как он получил наконец официальное признание. Царские министры, которые под именем „народного просвещения“ распространяли мракобесие в стране, скрывали от трудящихся подлинного Пушкина.

Дворянская и буржуазная литература внесла свою долю в фальсификацию поэтического облика Пушкина. Из имени его пытались сделать знамя реакционного „чистого искусства“. Во имя Пушкина боролись с революционным движением трудящихся масс.

Задавленным нищетой, каторжным трудом, неграмотным и темным массам было тогда не до поэзии и литературы. Культура была монопольным достоянием дворянства и буржуазии. Называя Пушкина национальным поэтом, они сами себя отождествляли с нацией. Но к этой „нации“ капиталистов и помещиков с глубокой враждой относились миллионы трудящихся.

Великая пролетарская революция впервые по-настоящему создает Пушкину подлинную народную славу национального русского поэта, славу великого поэта народов советской страны. Постановление ЦИК Союза ССР об образовании Пушкинского комитета имеет огромное историческое значение.

Правительство великой страны чествует память Пушкина как создателя русского литературного языка. Это значит, что русский литературный язык стал достоянием миллионов трудящихся, важнейшим орудием дальнейшего культурного роста и развития. Пушкин был создателем прекрасного, могучего, гибкого русского литературного языка, он остается великим учителем, и на любви к Пушкину, на подлинном знакомстве с его произведениями воспитывается советская молодежь.

Пушкин был создателем новой русской литературы. Классическим наследством этой литературы питается нынешняя наша советская литература. Любовь к поэзии неотъемлема от творческой, полной страсти и радостного увлечения жизни, а именно такова жизнь советских народов. Пушкина знает и любит наша передовая молодежь. От Пушкина ведут свою родословную лучшие наши поэты. А о значении лучшего поэта нашей советской

эпохи, о значении Маяковского, сказал недавно товарищ Сталин: „Маяковский был и остаётся лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям — преступление“. Эти слова о Маяковском на высочайшую ступень подняли вопрос о значении нашей поэзии, и постановление ЦИК СССР о Пушкинском комитете продолжает линию, указанную в словах товарища Сталина.

Пушкин — великий русский национальный поэт. Но бессмертные произведения его художественного слова обогатили человечество. Русский народ справедливо гордится своим поэтом: В Пушкине сказались талантливость, сила, вдохновение, страсть великой страны, ее трудящихся масс.

Но не только для русского народа писал Пушкин. Ему дороги были трудящиеся всех национальностей, дорог был каждый язык, каждая культура. Он подчеркивал интернациональные черты в своей поэтической натуре, когда писал пророчески:

„Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык“.

Эта мечта, неосуществимая в буржуазном строе, основанном на угнетении „диких“ языков, осуществляется в советской стране с ее богатейшим развитием национальных культур, с ее великой дружбой народов. Пушкин дорог всем в Советском союзе, и в Пушкинском комитете сойдутся писатели и деятели народов всего Союза. У всех одна задача — самым широким образом распространить поэзию Пушкина, все его произведения среди многомиллионных трудящихся масс Союза.

Состав Пушкинского комитета свидетельствует о великом значении празднеств столетия со дня смерти Пушкина. В Пушкинский комитет входят представители правительства и коммунистической партии, деятели науки и поэзии, театра, литературы и литературоведения. Талантливые поэты народов советской страны входят в Пушкинский комитет, чтобы засвидетельствовать дружбу всех советских литератур, их идейное родство, их взаимную связь. В Пушкинском комитете отразился весь Советский союз замечательным культурным обликом своим, и работа комитета — это еще шаг в дальнейшем углублении и развитии культуры.

Образованием Пушкинского комитета советская власть говорит всей стране о важности художественной литературы, о великом значении поэзии для культурного социалистического строительства. Это указание должна в первую очередь учесть советская школа, в которой, знакомство учащих с русским литературным языком, с русской художественной литературой и в частности с Пушкиным страдает еще существенными недостатками.

В подготовке к историческому празднику советской культуры примет участие вся страна.

Из передовой „Правды“ № 346 (6592) от 17 декабря 1935 г.

Наследие Пушкина и коммунизм

Вышедшая в Гослитиздате книга В. Кирпотина «Наследие Пушкина и коммунизм» посвящена уяснению общих основ мироощущения, мировоззрения и творчества Пушкина на фоне непримиримого конфликта между вольнолюбивым поэтом-гуманистом и частью русского дворянства, служившей социальной опорой для реакционной политики Александра I в последние годы его царствования, достигшей апогея при Николае I.

Книга В. Кирпотина состоит из 11 глав. Мы коротенько наметим основное содержание книги.

«Мировоззрение Пушкина» — название первой главы. «Пушкин, — говорит автор, — дитя европейского просвещения, выросшее на русской почве», а «европейское просвещение несло с собою пробуждение чувства личности, сознание особенности «я» и противопоставления его окружающему миру».

Но чувство личности, противопоставления ее окружающему миру не послужило у Пушкина основой для того крайнего индивидуализма, одним из наиболее ярких выразителей которого в Западной Европе были байронизм и ранний немецкий романтизм. У Пушкина чувство личности, сознание особенности своего «я» находились в гармоническом сочетании с величайшим интересом к окружающему миру природы и к другому человеку. Для Пушкина человеческая личность была только частью великого целого — бесконечной вселенной. Отсюда основные особенности пушкинского мироощущения, мировоззрения и его творчества.

Пушкин не разделял «идеалистического и субъективистского мировоззрения романтиков». Отталкивание от субъективно-идеалистического мировоззрения романтиков в положительном смысле означало призна-

ние независимо от субъекта существующего мира, объективности этого мира.

Если это чувство объективности мира, его независимое от человеческого сознания существование перевести на язык философии, то мы имеем полное основание утверждать, что основой пушкинского мировоззрения был материализм. Но Пушкин не

только чувствовал объективность окружающего мира; он глубоко чувствовал неразрывную связь, существующую между личностью и миром, и прежде всего связь между отдельной личностью и другими людьми, принципиальную равноценность всякой человеческой личности. Иными словами: Пушкин — гуманист, чужое горе, как и чужие радости, находило в его душе живой отклик.

С другой стороны, чувство объективности мира и глубокий интерес ко всему окружающему являются основой пушкинского реализма, его стремления как художника к точному воспроизведению действительности.

Наконец, гармоническое сочетание у

Пушкина сознания особенностей своего «я» с непосредственным ощущением себя частью вселенной создает основу для еще одной особенности мирозерцания поэта — для оптимизма. «Пушкин умел выделять в жизни ее положительную, ее оптимистическую сторону». Это же чувство неразрывной связи личности с миром защищало поэта от страха перед смертью как личным уничтожением: гибнет часть, но остается вечно жить целое.

Мировоззрение поэта выступает, таким образом, перед нами как оптимистическое, не омраченное противоречиями восприятия действительности. «Но судьба этого человека, — говорит автор, — так необыкновенно приспособленного для того, чтобы ужиться с миром, сложилась трагично. Он встретил вражду, гонение, он умер насильствен-

А. С. Пушкин

(С портрета работы О. А. Кипренского)

ной, мучительной и преждевременной смертью. Противоречия его гармонической, уживчивой личности с действительностью нашли себе роковое объективное внешнее выражение. Эти противоречия проникли и внутрь его поэзии и мирозерцания, разлагая их цельность и гармоничность, оспаривая их оптимистичность».

«Самым общим выражением противоречий поэтического мировоззрения Пушкина является противоречие радости и печали» (этими словами начинает автор вторую главу «Радость и печаль»).

В начальный период своего жизненного и творческого пути Пушкин выступает перед нами как певец блаженства, наслаждения, упоения радостями жизни. Но пушкинский эпикуреизм, даже в годы ранней юности — эпикуреизм смягченный, одухотворенный. В круг объектов наслаждения Пушкин включает поэтическое вдохновение, упоение искусством, «кипение молодого разума, познавшего цену высших достижений человеческого познания». Да и сами чувственные наслаждения в переживании поэта и в его творчестве преобразуются: они очеловечиваются, гуманизируются.

Однако очень скоро оптимистическое настроение поэта, его идеал человеческого и человеческого счастья, элементы которого составлялись из наслаждений и тела и духа, столкнулись с жестокой и неразумной действительностью. Первоначальная цельность радостного восприятия жизни уступает место раздумью над противоречиями окружающей действительности. Поэт вынужден искать возможностей приспособления идеала к печальной действительности. Вынужденный идти на уступки этой действительности, поэт все более и более ограничивает свой юношеский идеал. «Если нет счастья, то есть его суррогат — идеал трудовой и независимой жизни».

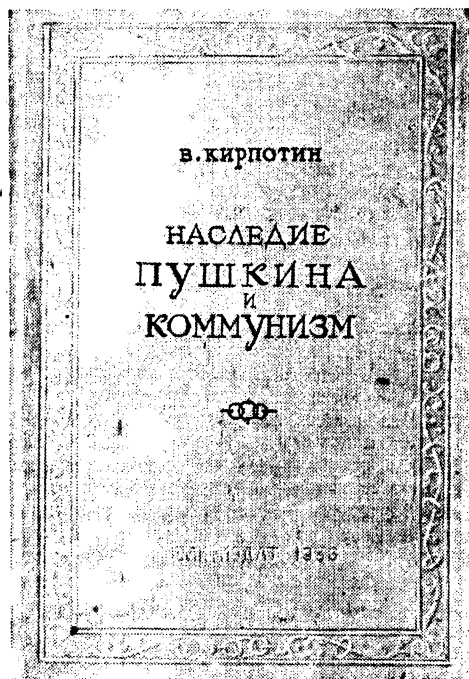
Однако чем дальше, тем все больше поэт убеждается, что и компромисс не спасает. Жестокая действительность так оплела его, что для Пушкина становится неизбежным сознание рокового конца. Непримирым характер его конфликта с действительностью грозит ему гибелью. В творчестве поэта это глубинное осознание своей обреченности нашло наиболее полное выражение в перипетиях судьбы его любимой героини — Татьяны из «Онегина». «Тема крушения счастья, тема обманутых надежд на блаженство развита пластически полно в образе Татьяны». Конец главы посвящен подробному разбору этого поэтического образа. Осознание противоречий действительности в форме противопоставления радости и печали представляет собою у Пушкина лишь первую ступень познания этих противоречий, наиболее общую форму их выражения. «Сознание противоречия радости и печали влекло за собою сознание других противоречий, вводивших творчество поэта в сердцевину политических и социальных проб-

лем несвободного, собственнического общественно-политического организма».

Уяснению того, как совершается у Пушкина переход от осознания противоречия между идеалом и действительностью в его наиболее общей форме к конкретизации этого противоречия как непримиримого конфликта между вольнолюбивым поэтом и окружающей его социально-политической средой, посвящены главы III, IV и V («Идеал политической свободы», «Идеал независимой личности», «Тема возмездия»).

Передовые идеи Запада, под влиянием которых находился поэт, равно как и «проснувшееся чувство личного и собственного достоинства», не могли не возбудить у поэта непримиримой вражды к деспотическому режиму российского самодержавия. Поэт с самого начала оказывается в одном ряду со своими наиболее передовыми современниками — будущими декабристами. Пушкин совершенно естественно, в силу непосредственного осознания неразрывной связи личной свободы со свободой всех, в своем послепетлицейском творчестве становится рупором дворянских революционеров. Пушкин хотя «формально не принадлежал ни к одной установившейся политической группировке, но он не трусил, не малодушествовал в своих выступлениях против абсолютизма».

То же вольнолюбие поэта, его идеал независимой личности, чувство собственного достоинства, приведшие его в лагерь дворянских революционеров — передовых борцов за свободу, совершенно неизбежно вели его к разрыву и с непосредственной опорой самодержавия — реакционными сфе-

рами столичного дворянства, с высшим обществом столицы. Это общество требовало от личности полного ее подчинения предсудкам аристократической «черни», ее косной морали, ее религиозному ханжеству. Это общество не признавало за индивидуумом права на независимость, на жизнь и поведение, сообразные собственным убеждениям. Больше того, это общество не прощало личности нарушения даже правил внешнего этикета. Между тем Пушкин и в жизни и в творчестве являл собою воплощенный протест против невежественной тирании светских мракобесов и ханжей. Вольнолюбивый поэт-гуманист, противник рабства во всех его видах, став в ряды врагов самодержавия, не мог не стать одновременно и врагом окружающего его общества. Стрелы егр поэтической сатиры направлены одновременно и против абсолютизма и против его непосредственной опоры в лице светской черни.

После поражения декабрьского восстания на Сенатской площади и полного, хотя и временного, торжества реакции Пушкин, не отказываясь от своих социально-политических идеалов, видит себя, однако, вынужденным искать путей примирения с действительностью. И эта возможность иногда ему представлялась в форме ухода из общества, ограждения своей независимости путем самоизоляции в деревенском уединении. Особенно настойчиво Пушкин должен был возвращаться к этой мысли после того, как его надежды на Николая I в роли добровольного реформатора в духе просвещенного абсолютизма потерпели полный крах, между тем как путь насильственного изменения устоев самодержавно-крепостнического государства в результате крестьянского восстания поэтом отвергался. Однако и недавний опыт поражения декабрьского восстания и размышления над особенностями исторического развития России приводят поэта к мысли, что и на пути самоизоляции как формы протеста против «царящего зла» его, как отщепенца, ждет историческое возмездие. Гениальным выражением этой мысли явился «Медный всадник».

В краткой заметке невозможно проследить все мысли, развиваемые автором в последующих главах. Укажем лишь, что главу VI («Искусство и общество») автор посвящает выяснению вопроса о том, почему Пушкин имеет все права на звание народного поэта, и в этой же главе автор дает свое толкование отдельным высказываниям Пушкина о социальной роли искусства и пушкинскому пониманию «чистого», социально незаинтересованного искусства; попутно автор дает социальную мотивировку тех противоречий по указанным вопро-

сам, с которыми мы встречаемся у Пушкина — поэта и теоретика искусства.

Оставляя без особого рассмотрения главы VII и VIII («Одиночество Пушкина», «Содержание конфликта Пушкина с действительностью»), так как читатель уже из предыдущего может заключить о характере трактовок этих тем автором, остановимся вкратце на главах IX и X, носящих одно заглавие: «Социальный смысл конфликта Пушкина с действительностью». В этих главах речь идет о классовой природе мировоззрения поэта. По мнению автора, определение Белинского, назвавшего Пушкина дворянским поэтом, является до сих пор из всех существующих определений классового существа творчества Пушкина самым верным, самым близким к истине. Но Пушкин вместе с тем находится в конфликте с дворянским обществом. Ярким выражением этого конфликта является резко отрицательное отношение поэта к основному устою феодального общества — крепостному рабству, его широкая гуманность, исходным принципом которой является признание равенства всех людей. С этой точки зрения мировоззрение Пушкина автор характеризует как прогрессивно-буржуазное, питающее еще «искреннюю иллюзию, что оно выступает представителем интересов всего народа». Отсюда, по мнению автора, однако, отнюдь не следует, что Пушкин выступает поэтическим выразителем уже других социальных тенденций — не дворянских, а буржуазно-капиталистических. Дело в том, что и публицистические высказывания поэта, и ряд поэтических произведений его (например, «Скупой рыцарь») очень определенно свидетельствуют о резко отрицательном отношении Пушкина к одному из наиболее характерных проявлений капиталистического общества — всепоглощающей власти денег. Автор полагает, что разрешение указанных противоречий в мировоззрении поэта мы найдем, если от статического их констатирования мы обратимся к «тенденции (разрядка наша. — С. Б.) классового развития Пушкина» «Классовый смысл эволюции творчества Пушкина, — говорит автор, — необходимо искать по линии от дворянства к крестьянству, по типу эволюции Льва Толстого».

Последняя, XI глава, носящая название «Наследие Пушкина и коммунизм», посвящена выяснению вопроса о значении творчества Пушкина для нас — участников строительства нового, свободного и счастливого человечества. «Поэзия Пушкина, — закончим мы нашу заметку словами автора, — ...учительница окрыленной радости, созидательного оптимизма, связывающего человека с другими людьми, с их идеалами, с их общим устремлением»

С. Белевицкий.

ИЗДАНИЯ ШУШРИНА

Н. БОГАЕВСКАЯ

6 мая 1820 г. коллежский секретарь Александр Пушкин по распоряжению высшего начальства выехал в ссылку в Екатеринбург, бросив начатое им издание своей первой поэмы «Руслан и Людмила» на произвол судьбы. Так на много лет была прервана самостоятельная издательская деятельность поэта. «Руслан и Людмила» издал Гнедич, и в июне 1820 г. поэма увидела свет, по счастливой случайности не пострадав от цензуры. Поэма вызвала в печати большую полемику, резкую критику и восторженные отзывы. Ни одно из произведений Пушкина, даже «Евгений Онегин», не было встречено таким шумом и разнообразием мнений. Изданием «Руслана и Людмилы» Пушкин, неизвестный автор мелких стихотворений, рассеянных в различных журналах, вошел в настоящую литературу. Среди широкой публики поэма имела еще больший успех. Через 2—3 года поэма продавалась по неслыханной цене—25 руб. за экземпляр. Для характеристики книгоиздательских нравов того времени можно привести такой пример. Недавно мной в библиотеке ИРЛИ был обнаружен экземпляр поэмы, на обложке которого обозначено: 1822 г. Нового издания в этом году не было, жульническая перепечатка вряд ли имела место, она была бы замечена друзьями поэта. Очевидно, книгопродавцу Оленину захотелось «освежить» случайно залежавшиеся экземпляры поэмы, и он сделал к ней новую обложку, объявив ее в газетах среди «новых книг» («С.-Петербургские ведомости», 1822, № 30 от 14 апреля. Объявление было опубликовано четыре раза).

Сам Пушкин получил отпечатанную книгу только в 1821 г., о чем писал Н. И. Гнедичу 24 марта 1921 г.: «Платье, сшитое по заказу вашему, на «Руслана и Людмилу» прекрасно; и вот уже четыре дни как печатные стихи, виньета и переплет детские утешают меня. Чувствительно благодарю почтенного А. О. (Оленина); эти черты сладкое для меня доказательство его любезности». При издании была приложена гравюра М. Иванова с рисунка И. Иванова, составленная А. Н. Олениным. Во 2-м издании поэмы в 1828 г. Пушкин выпустил ряд «скольких» мест, боясь, что цензура их не пропустит.

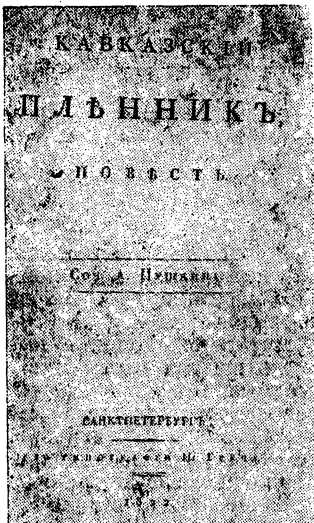
Следующим изданием последовала вторая поэма Пушкина «Кавказский пленник». 29 апреля 1822 г. из Кичинева, посылая Гне-

дичу рукопись при письме с латинским эпиграфом: «Малая книжка! Без меня пойдешь ты (и я этому не завидую) в город, в который, увы, господину твоему не позволено итти! Иди, хоть и не нарядная, какими и подобает быть изгнанникам», Пушкин писал: «Завещаю вам скучные заботы издания... Назовите это стихотворение сказкой, повестью, поэмой или вовсе никак не называйте, издайте его в двух песнях или только в одной, с предисловием или без, отдаю вам его в полное распоряжение». Гнедич действительно «распорядился» как следует с «Кавказским пленником». Он издал его (с приложением отроческого портрета Пушкина работы Гейтмана) и, заработав на этом несколько тысяч, заплатил автору всего-навсего 500 руб. гонорара. Но пройти цензуру «Кавказскому пленнику» оказалось труднее, филистерская мораль цензора Бирукова возмутилась рядом мест, в особенности стихом:

«Не много радостных ночей
Судьба на долю ей послала».

Гнедичу пришлось заменить «ночей» нескладной рифмой «ей дней». Последнее

Титул перво-го издания «Кавказскаго пленника»

лужливого Плетнева или какого нибудь нежного путешественника, скитающегося по Тавриде). Повторяю вам, она ужасно бестолкова, но впрочем довольно сговорчива. Главное дело в том — что б имя мое до нее не дошло и все будет слажено». И действительно, стихи были преподнесены анонимно и благодаря этому прошли цензуру. Вообще с «Пленником» Пушкина преследовала неудача: предполагавшееся в это время 2-е издание не состоялось из-за жульнической проделки Ольдекопа, напечатавшего весной 1824 г. поэму в переводе на немецкий язык, при котором он приложил полностью весь русский текст. Книга была быстро распродана и, несмотря на хлопоты отца поэта и Вяземского, забивших тревогу, при полном авторском беспорядке и равнодушии к нему законов сделать ничего не удалось. Ольдекоп остался безнаказанным и не заплатил Пушкину ни копейки гонорара. Второе издание «Кавказскаго пленника» вышло лишь в 1828 г. Третью свою книгу «Бахчисарайский фонтан» Пушкин, материально очень нуждавшийся, поручил издать Вяземскому как наиболее добросовестному комиссионеру. Последний вполне оправдал возложенные на него надежды, и «Фонтан», вышедший в марте 1824 г. (по той же цене — 5 руб. за книгу) и моментально разошедшийся, принес Пушкину неслыханный для того времени авторский гонорар в размере 3 000 р. «Фонтан» вызвал большой шум в печати, помимо своих художественных достоинств, гонораром и предисловием к нему Вяземского («Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или Васильевского острова»), затронувшим волновавшие тогда вопросы о классицизме и романтизме в литературе (2-е издание «Бахчисарайскаго

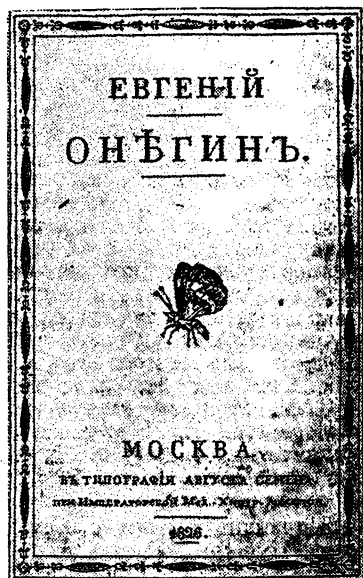
очень расстроило Пушкина, и он писал 14 октября 1823 г. Вяземскому: «Зарезала меня цензура! Я не властен сказать, я не должен сказать, не смею сказать «ей дней» в конце стиха. Ночей, ночей, ради Христа, ночей судьба на долю ей послала. То ли дело: ночей, ибо днем она с ним не видалась — смотри поэму. И чем же ночь неблагоприятнее дня? Которые из 24 часов именно противны духу нашей цензуры?»

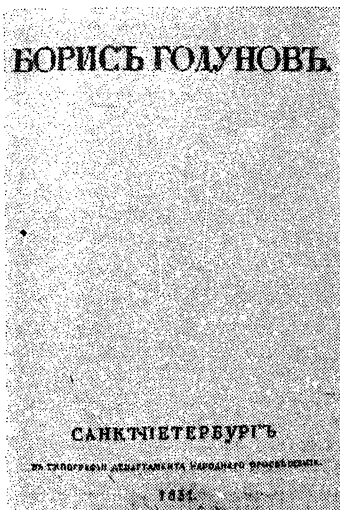
А в «Послании цензору», в том же году (напечатанному много лет спустя после смерти Пушкина):

«А ты глупец и трус, что делаешь ты
с нами?
Где должно б умствовать, ты хлопаешь
глазами,
Не понимая нас, мараешь и дерешь;
Ты черным белое по прихоти зовешь:
Сатиру — пасквилом, поэзию — развратом,
Глас правды — мятежом, Куницына —
Маратом.
Решил — а там поди, хоть на тебя
проси,
Скажи, не стыдно ли, что на святой
Руси
Благодаря тебя не видим книг доселе?»

Для характеристики взаимоотношений Пушкина с цензурой можно привести следующий случай: посылая А. А. Бестужеву 21 июня 1822 г. для напечатания в «Полярной звезде» стихотворение «Овидию», где он прозрачно говорит о своем изгнании, Пушкин писал: «Кланяйтесь от меня цензуре, старинной моей приятельнице; кажется голубушка еще поумнела... Предвижу препятствия в напечатании стихов к Овидию — но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа — повидимому ее настрашали моим именем; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи под именем кого вам угодно (например ус-

Обложка «Евгения Онегина» издания 1826 г.

Обложка первого издания «Бориса Годунова» 1831 г.

глава, в 1829—IV, V (вместе) и VI, в 1830—VII, в 1832—VIII. Наибольший успех имели первые две главы, потребовавшие даже 2-го издания (в 1829 и 1830 гг.). К I главе Пушкин проектировал дать картинку, изображающую его с Онегиным «опершимися на граниг», рисунок ее он послал брату при письме от начала ноября 1824 г. с просьбой найти художника, который бы мог ее исполнить. Но к заданию она не была приложена, а появилась (в исполнении А. Нотбека) в «Невском альманахе» на 1829 г.

30 декабря 1825 г. появляется первое собрание стихотворений Пушкина, составленное им в Михайловском наполовину из старых и наполовину из новых стихотворений, изданное его братом Львом Сергеевичем и Плетневым тиражом в 1200 экземпляров, разошедшихся менее чем в 2 месяца. Это была последняя книга в серии книг, изданных в отсутствие поэта.

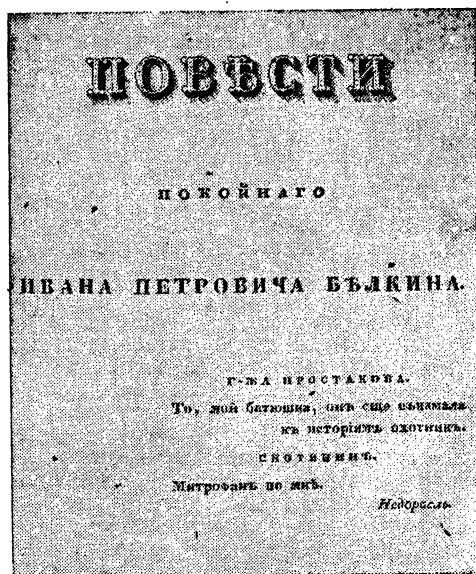
В сентябре 1826 г. Николай I вызывает Пушкина в Москву и «милостиво» объявляет ему прощение. «Сочинений ваших никто рассматривать не будет, на них нет никакой цензуры; государь император сам будет и первым ценителем ваших сочинений и цензором», писал шеф жандармов А. Х. Бенкендорф 30 сентября 1826 г. Пушкину. Для поэта начинается эпоха самостоятельной издательской деятельности. Но надежды его на царя как на цензора не оправдались, и первым ударом последовало запрещение издавать «Бориса Годунова». На рукописи была поставлена «высочайшая» резолюция: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если бы с нужным «очищением» переделал комедию свою в историческую повесть или роман на подобие Вальтер Скотта». Подобное требование звучало как издевательство. «Согла-

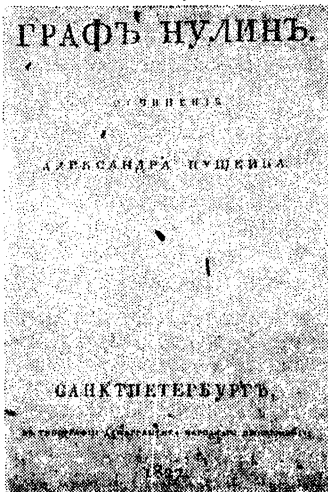
фонтана», иллюстрированное гравюрами Галактионова, вышло в 1827 г., 3-е, без иллюстраций, в 1830 г.). Материальный успех «Бахчисарайского фонтана» сильно пободрил Пушкина и заставил серьезно задуматься над изданиями своих сочинений.

Но в то время как мыслящая Россия раскупала книжки Пушкина, и лучшие журналы объявляли его первым русским поэтом, полицейская Россия делала свое дело. 11 июля 1824 г. последовало «высочайшее повеление» о переводе Пушкина из Одессы в новую ссылку — на жительство в село Михайловское, и снова налаживающаяся издательская деятельность поэта была подорвана. Но интерес к произведениям Пушкина был настолько велик, что даже ссылка не помешала ему выпустить в течение одного только 1825 г. две книги. С этого времени в издательской жизни Пушкина наступает перелом, книги его начинают выходить ежегодно и все увеличиваясь в количестве. С 1825 г. Пушкин, первый из русских писателей, окончательно получает в издании своих произведений основную и прочную материальную базу. В феврале 1825 г. выходит изданная Плетневым I глава «Евгения Онегина» с «Разговором книгопродавца с поэтом», в котором Пушкин устами книгопродавца высказывает печально свою точку зрения на неприличное еще право писателя жить своим трудом:

«Внемлите истине полезной:
Наш век торгац, в сей век железной
Без денег и свободы нет...
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать».

С этого года начинается почти ежегодный выход в свет глав «Онегина» вплоть до 1833 г., когда он выходит полностью в одной книге. В 1826 г. выходит II глава, в 1827—III

Обложка
второго от-
дельного из-
дания „Графа
Нулина“
1832 г.

взволновало Пушкина и в особенности издателя ее Соболевского, и последний объявил в газетах, о выходе 2-го издания, ценной по 42 коп. История этого второго издания осталась до сих пор неясной, известно только, что тогда оно в продажу не поступило, а в 1927 г. в бывшем имении С. И. Киреевского было обнаружено около 1000 экземпляров этого издания. По странной прихоти судьбы 2-е издание «Братьев разбойников» вышло в свет ровно через сто лет.

В 1828 г. выходит впервые «Граф Нулин» в одной брошюре с «Балом» Баратынского и, несмотря на отрицательные отзывы в печати, имеет такой большой успех, что приходится издать его еще отдельными оттисками в 1832 г.

Вышедшая в свет в 1829 г. «Полтава» была встречена уничтожающей критикой. С выходом «Полтавы» кончается успех произведений Пушкина, остальные годы его жизни проходят под знаком несомкнутой брани в печати и равнодушного холода читателей.

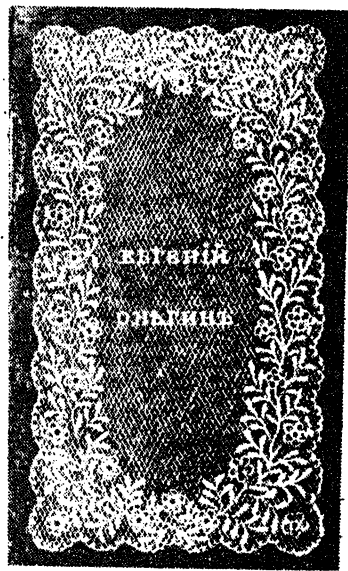
Наконец в 1831 г., после невероятных затруднений, с пропуском целых двух спен и цензурными искажениями, выходит злополучный, недасково встреченный «Борис Годунов». Опоздавший выходом на 5 лет, он потерял для публики свою остроту, и хотя первоначально к нему был проявлен большой интерес (о чем можно судить по тому, как в одно утро было распродано 400 экземпляров), интерес этот скоро остыл и к хулам присяжных критиков присоединился и хор читателей, находивших трагедию неинтересной и подражательной.

сен, что она более сбивается на исторический роман, нежели на трагедию, как государь император изволил заметить. Жалею, что я не в силах уже переделать мной однажды написанное», скупно и сдержанно отвечал Пушкин 3 января 1827 г. На «Бориса Годунова» он возлагал большие надежды, планы его о преобразовании русского драматического искусства рухнули, о постановке трагедии не приходилось и мечтать после запрещения ее даже в печати.

В 1827 г. выходят без имени автора «Цыганы», может быть благодаря этому и не имевшие успеха, но зато обратившие на себя неблагоприятное внимание вездесущего А. Х. Бенкендорфа, о чем последний писал 30 июня 1827 г. жандармскому генералу А. А. Волкову: «Небольшая поэма Пушкина под названием «Цыганы», только что напечатанная в Москве, в типографии Августа Семена, заслуживает особенного внимания своей виньеткой, которая находится на обложке. Потрудитесь внимательно посмотреть на нее, дорогой генерал, и вы легко убедитесь, что было бы очень важно узнать на верное, кому принадлежит ее выбор, — автору или типографу, потому что трудно предположить, чтоб она была взята случайно. Я очень прошу вас сообщить мне ваши наблюдения, а также и результат ваших исследований по этому предмету».

Расследования были произведены, выбор виньетки принадлежал Пушкину, но так как она неоднократно употреблялась книгопродавцем Семеном в заголовках трагедий, то дело осталось без последствий.

По линии отношений с книгопродавцами не всегда шло гладко. В 1827 г. Пушкин выпускает «Братьев разбойников» (напечатанных до этого в «Полярной звезде» на 1825 г.) с ценой 105 коп. Книгопродавец Шляев скупает весь тираж и делает объявление о продаже по 2 руб.; для такой маленькой книжечки цена была невозможной, и издание было обречено на неуспех. Это

Обложка миниатюрного издания
„Евгения Онегина“, вышедшего
19 января 1837 г.

В 1831 же году появляются анонимно «Повести Белкина» и «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина». На этом кончается выход новых изданий Пушкина (кроме, последней главы «Онегина», вышедшей в 1832 г.), остальные 9 книг являются лишь перепечаткой ранее известных произведений (в 1829 — 2 части «Стихотворений», в 1832 — 3-я часть «Стихотворений», в 1833 — весь «Евгений Онегин», в 1834 — «Повести», в 1835 — «Поэмы и повести» в 2 частях и 4-я часть «Стихотворений», в 1837 — 2-е издание «Евгения Онегина»). Исключение составляет одна «История Пугачевского бунта» в 2 томах, вышедшая в 1834 г. Пушкину она приносит одни неприятности: во-первых, сложной цензурной историей с Николаем I; во-вторых, как труд исторический и сухой, она не имеет успеха и — единственное из произведений — приносит автору материальный ущерб.

В декабре 1833 г. Пушкин заключает условие с книгопродавцем Смирдиным на издание новой поэмы «Медный всадник», но

цензуравший ее Николай предъявил требования на изменение словесных мест в поэме, что Пушкин предпочел отказаться совсем от издания, чем исказить ее идейный и художественный смысл. «Медный всадник» был напечатан только после смерти Пушкина в чудовишно искаженном и изуродованном цензурой виде.

В 1836 г. Пушкин начинает издавать давно задуманный им журнал «Современник». «Современнику» Пушкин отдает почти все свои силы и внимание, печатает в нем лучшие свои произведения («Путешествие в Арзрум», «Скупой рыцарь», «Капитанская дочка», статьи и стихотворения). Но журнал серьезный, рассчитанный на читателя с идейными и художественными запросами, «Современник», за отсутствием такового, не имеет большого распространения и не приносит Пушкину желанного удовлетворения.

19 января 1837 г. выходит последняя книга, изданная Пушкиным, — миниатюрное издание «Евгения Онегина», распроданное в те самые три дня, когда толпы народа приходили поклониться телу убитого поэта.

ПОЛНЫЕ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ПУШКИНА

Новое академическое издание

Новое академическое издание полного собрания сочинений Пушкина, реорганизованное согласно постановлению Всесоюзного пушкинского комитета, будет состоять из 15 томов. В томы I, II, III входит лирика. Томы IV—V заключают в себе все поэмы, том VI — «Евгений Онегин», том VII — драматические произведения, том VIII — художественная проза, том IX — «История Пугачева», томы X—XI — критические и исторические статьи и заметки, том XII — автобиография, томы XIII, XIV, XV — переписка.

Максимально точный текст — такова одна из основных задач юбилейного издания. Вторая задача заключается в возможном исчерпании всего литературного наследия Пушкина, в создании действительно полного собрания его сочинений. Новое издание включает в себя все художественные, как законченные, так и незаконченные произведения Пушкина, триаико-публицистические статьи и заметки, исторические работы, дневники и заметки автобиографического характера, переписку и, наконец, значительные количественно и качественно группы материалов, до сего времени не включавшихся в собрания сочинений Пушкина. Таковы материалы к «Истории Петра Белкина» и иные незаконченные исторические работы Пушкина, переводы его с иностранных языков на русский и с рус-

ского на французский, все выписки из книг и документов, писанные рукою Пушкина, и пр.

Каждый том состоит из двух основных отделов — текста и вариантов. В основном тексте помещаются все имеющие самостоятельный характер сочинения и писания Пушкина, его переписка, деловые бумаги, заметки и т. п. Академическое издание ставит задачей разрешение проблемы пушкинского текста таким образом, чтобы в будущем к этой работе уже не приходилось возвращаться.

Каждое произведение Пушкина выверяется по рукописи, если таковая имеется, а в ином случае — по наиболее авторитетному списку или печатному источнику (или их сумме). Выверка эта производится трижды — редактором произведения, редактором тома и, наконец, рецензентом. Подобный метод коллективной работы, основанный на тройном контроле, гарантирует максимальную точность пушкинского текста. Все тексты печатаются по новой орфографии, под которой разумеется орфография, установленная академическими правилами 11 мая 1917 г. Это однако же относится только к тем случаям, когда правописание Пушкина не свидетельствует о какой-либо фонетической, морфологической или лексической особенности, отличающей его язык от современного книжного языка.

Обложка «Сочинений» Пушкина, изданных приложением к «Красной ниве»

В тех же случаях, когда правописание Пушкина является результатом особенностей произношения или же фиксирует ныне исчезнувшие лексические и морфологические явления, оно сохраняется в неприкосновенности. Иностранцы тексты даются в модернизированной орфографии, включая тексты на тех языках, которыми Пушкин владел не в совершенстве и где правописание его характеризует степень знакомства с данным языком (итальянские и английские записи, испанские упражнения). Такие иноязычные тексты даются в точной орфографии Пушкина.

Мы не будем здесь распространяться о сложной и кропотливой работе по препарированию пушкинских текстов, связанной с оформлением неотделанных и черновых произведений, расшифровкой недописанных или сокращенных слов, восстановлением очевидных пропусков, с сомнительными транскрипциями неразборчивых мест, зачеркнутыми и вписанными словами или абзацами и т. п. Во всех подобных случаях редакция руководствуется специальной инструкцией, основная направленность которой заключается в том, чтобы сделать текст максимально доступным для читателя при минимальных отступлениях от пушкинского подлинника.

Отдел вариантов и других редакций ставит своей задачей исчерпать все важнейшие разночтения пушкинских текстов и, по возможности, продемонстрировать процесс творческой работы поэта. Соответственно этому в данный отдел включаются первоначальные наброски произведений, помещенных в основном тексте, планы этих произведений, печатные, беловые и черновые редакции произведений и их частей, значительно отличающиеся от окончательных редакций, относимых в основной текст. В подстрочных примечаниях приводятся важнейшие разночтения черновиков.

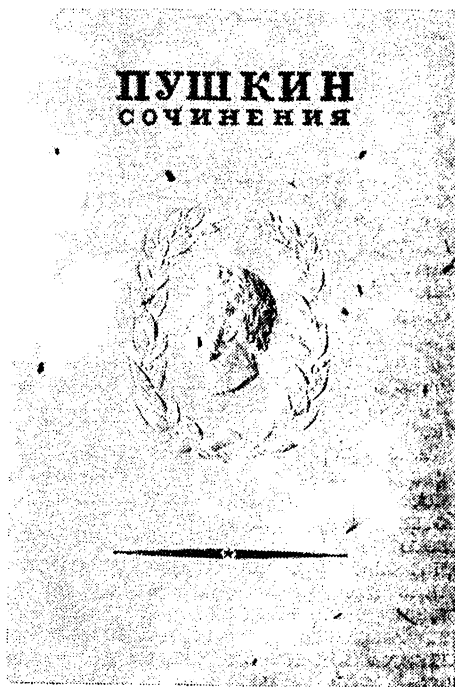
Советское пушкиноведение поставило совершенно новые задачи перед пушкинистами-текстологами. Еще не так давно текстолог считал свою работу над пушкинской

черновой рукописью исчерпанной, когда ему удавалось воспроизвести ее с скрупулезной фотографической точностью, без малейшей попытки теологического и хронологического ее осмысления. В результате получались те, печальная память, «транскрипции», которые для читателя оставались китайской грамотой, а исследователя, неосторожно приблизившего к ним, способны были лишь сбить с толку.

Советский текстолог стремится не только прочесть, но и осмыслить, понять пушкинский черновик, расшифровать и дополнить по контексту непонятное, недописанное, установить закономерность пушкинской правки и, таким образом, восстановить ход его работы. Путем сложной филологической препарации этого ценнейшего материала читатель вводится в творческую лабораторию Пушкина, непосредственно знакомясь с важнейшими этапами его работы.

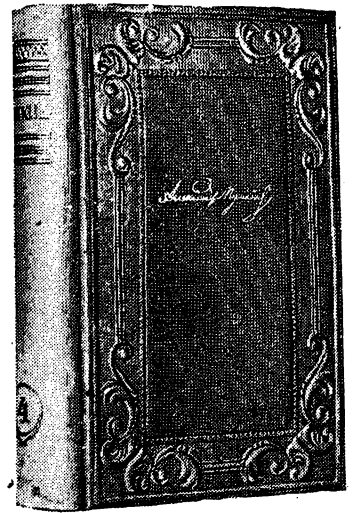
Новое академическое издание отказалось от обширных комментариев, подобных тем, которые дады в вышедшем томе VII. Комментарии эти будут печататься в качестве материалов к академическому изданию отдельных сборниками в научных трудах Института литературы Академии наук СССР.

Неудачное художественное оформление первого варианта издания заменяется новым работы академика Лансере. Издание иллюстрируется прижизненными портретами Пушкина и фотоснимками с его рукописей.

Обложка академического издания

Обложка одного из томов юбилейного издания шеститомника Пушкина в Гослитиздате

Юбилейное шеститомное собрание сочинений Пушкина в издании „ACADEMIA“

К числу значительнейших событий предъюбилейной пушкинианы принадлежит выход первого тома роскошного юбилейного собрания сочинений Пушкина, выпускаемого изд-вом «Academia». Вышедший второй том включает в себя стихотворения 1831—1836 гг., сказки, поэмы, пушкинские записи сказок и народных песен. Все издание рассчитано на 6 томов, в последний из которых войдут письма Пушкина.

Учитывая параллельно ведущуюся работу над академическим изданием сочинений Пушкина, настоящее издание органичивается лишь сводом важнейших печатных и рукописных вариантов и кратким комментарием, объединяющим в предельно сжатой форме исторические, литературные и био-библиографические справки, необходимые для понимания самого текста или условий его создания.

Оставив в основном без существенных изменений текст, установленный в итоге работ советских пушкиноведов, над изданием 1930—1934 гг., редакция сочла необходимым выверить вновь по первоисточникам лишь важнейшие произведения, печатаемые по черновым рукописям, ввести в издание некоторые тексты Пушкина, до сих пор не вводившиеся в собрания его сочинений (фольклорные и альбомные записи, заметка, связанная с чтением Гейне, конспект рассказа Паэса о 18 брюмера и т. п.), а также учесть новейшие находки рукописей Пушкина.

Существенно уточнены в настоящем издании, на основе новейших разысканий, датировки произведений Пушкина, а в то-

мах, объединяющих критические статьи и заметки, устранена излишняя дробность их прежней систематизации.

В основу распределения произведений Пушкина по томам положен жанровый признак, а в пределах каждого тома материал располагается в хронологическом порядке.

Особо следует сказать о художественном оформлении издания. Каждый том богато иллюстрируется фотоснимками с рукописей Пушкина, а также произведениями дореволюционных и советских художников, работавших над иллюстрированием пушкинского творчества. Часть иллюстраций выполнена специально для настоящего издания.

Вышедший том открывается знаменитым портретом Пушкина работы О. А. Кипренского. В томе воспроизведены многокрасочные репродукции с рисунков палехских мастеров И. И. Баканова и Д. Н. Буторина, с акварелей В. Г. Бехтеева, И. Я. Билибина и С. В. Малютина, автолитографии Г. А. Васильева, М. Е. Горшмана и М. С. Родионова, рисунки Ж. Вивьена, И. Н. Крамского, А. И. Кравченко, Л. Ф. Майделя, П. В. Митурича и Н. П. Ульянова.

Средний объем каждого тома—около 40 авторских листов. Переплет украшен барельефом с юбилейной чеканной медали художника-гравера Слуднова.

Совмещая в себе высокие научные и полиграфические достоинства, это полное собрание сочинений Пушкина является вместе с тем и массовым изданием с тиражом в 25 000 экземпляров.

Обложка
массового
издания
Пушкина
в Гослитиз-
дате

заметки, письма, черновые наброски, планы и т. п.

Изданию предпосылается биографический очерк Пушкина, написанный А. Л. Слонимским. Комментарии даются в самой сжатой форме, представляя собой фактические справки и в целом давая хронологическую канву творческой жизни Пушкина. Каждое произведение снабжается своего рода паспортом, содержащим сведения о времени и истории его создания. В отделе лирики каждому году, а в других отделах каждому произведению предпосылается краткая вводная заметка.

Новое издание шеститомника Гослитиздата

Изд-во «Художественная литература» выпускает 4-е издание собрания сочинений Пушкина в 6 томах, под редакцией С. М. Бонди, И. М. Луппола, Б. В. Томашевского и М. А. Цявловского. Первым, в декабре 1936 г., вышел том II, объединяющий стихотворения 1826—1836 гг., сказки и поэмы; за ним вышли томы I, III и IV.

Издание это, впервые выпущенное в 1929—1934 гг. и рассчитанное на широкую читательскую массу, сыграло выдающуюся роль в установлении канонического пушкинского текста, что и являлось его основной, первоочередной задачей. Впервые в этом издании советские пушкиноведы произвели ревизию всего пушкинского литературного наследия, очистив его от чудовищных искажений, напластовывавшихся старыми, дореволюционными изданиями.

В отличие от трех первых изданий, новый шеститомник богато иллюстрируется произведениями лучших ленинградских художников, выполняемыми специально для настоящего издания. К работе привлечены художники: Самохвалов («Медный всадник», «Граф Нулин» и др.), Кибрик (сказки), Рудаков («Евгений Онегин»), Тырса («Пиковая Дама»), Хижинский («Повести Белкина»), Пахомов («Дубровский»).

Пушкин для детей

Изд-во детской литературы при ЦК ВЛКСМ выпускает трехтомное издание избранных художественных произведений Пушкина под общей редакцией А. Л. Слонимского, Б. В. Томашевского и С. М. Бонди. В первый том входит лирика, во второй — поэмы и «Евгений Онегин», в третий — проза и драмы.

Основной фонд этого издания составляют законченные произведения, печатавшиеся при жизни Пушкина. Они дополняются теми произведениями, которые Пушкин не мог увидеть в печати в силу цензурно-политических препятствий или соображений интимно-бытового порядка. Из крупных незаконченных вещей в издание включаются лишь те, в которых ясно определены сюжет и тема («Русалка», «Дубровский», и др.). Не входят в издание исторические и критические статьи, автобиографические

Цифры юбилейных изданий Пушкина

В 1937 году будет закончен начатый в прошлом году выпуск следующих изданий А. С. Пушкина: полное собрание сочинений в издании Всесоюзной академии наук в 18 томах в количестве 540 000 экземпляров; собрание сочинений в издании Гослитиздата в 6 томах в количестве 600 000 экземпляров и в издании «Academia» в 6 томах в

количестве 150 000 экземпляров. Отдельные произведения Пушкина издаются в количестве 3 400 000 экземпляров, в том числе 2 миллиона экземпляров в высокохудожественном оформлении. Кроме того издаются: популярная библиография Пушкина в количестве 500 000 экземпляров; избранные произведения Пушкина и литература о нем на языках народов СССР; переводы произведений А. С. Пушкина на языки английский, французский и немецкий, а также серии изобразительных и других изданий,

посвященных жизни и творчеству Пушкина.

Общий объем юбилейных пушкинских изданий определен в 13,4 миллиона экземпляров и 151,5 миллиона листов-оттисков.

Чтобы представить себе значение этих цифр, достаточно сопоставить их с общим объемом изданий Пушкина за целое десятилетие — последнее десятилетие царской России: 5,1 млн. экземпляров.

Иллюстрированные издания Пушкина

❖ «Драмы» А. С. Пушкина с иллюстрациями Д. Митрохина, Вл. Конашевича и Н. Лапшина будут выпущены Ленинградским отделением Гослитиздата.

❖ В двух иллюстрированных изданиях будет выпущена «Пиковая Дама» А. С. Пушкина: с иллюстрациями В. И. Шухаева — издательством «Academia» с иллюстрациями Н. Тырсы — Ленинградским отделением Гослитиздата.

❖ Издательство «Academia» выпускает серию сказок Пушкина с цветными иллюстрациями художников-палешан.

❖ В серии «Избранные произведения русских и иностранных классиков» Детиздата будет выпущен «Евгений Онегин», с иллюстрациями художника К. Рудакова.

❖ Гослитиздат выпускает шесть произведений Пушкина (каждое отдельной книжкой), иллюстрированных гравюрами А. И. Кравченко. В эту серию войдут: «Египетские ночи», «Каменный гость», «Моцарт и Сальери», «Медный всадник», «Пир во время чумы» и «Скупой рыцарь». Вся серия будет заключена в общий футляр.

❖ «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» выходят двумя иллюстрированными изданиями: в издательстве «Academia» с иллюстрациями Н. И. Пискарева и в Гослитиздате с иллюстрациями Л. С. Хижинского.

❖ Ленинградским отделением Гослитиздата будут выпущены «Поэмы» Пушкина с иллюстрациями художника А. Самохвалова.

❖ «Маленькие трагедии» Пушкина («Скупой рыцарь. Моцарт и Сальери. Каменный гость. Пир во время чумы. Русалка. Сцены из рыцарских времен») с иллюстрациями И. Ф. Рерберга будут выпущены издательством «Academia».

❖ Издательство «Academia» выпускает в 1937 г. два сборника, посвященные Пушкину. Первый — «Печать о Пушкине при его жизни», выходящий под редакцией М. А. Цявловского, представляет собою свод прижизненных отзывов печати о произведениях Пушкина. Большой том, в составлении которого приняли участие К. П. Богаевская, Н. Г. Жарова, Т. Г. Зенгер и другие, начинается заметкой В. В. Измайлова, напечатанной в «Вестнике Европы», № 8 за 1813 г., и кончается из-

вестным некрологом А. А. Краевского, помещенным в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду» от 30 января 1837 г. («Солнце нашей поэзии закатилось»).

Второй сборник — «Дуэль и смерть Пушкина» представляет собою свод хронологически расположенных материалов, имеющих непосредственное отношение к истории дуэли и смерти поэта. Редакция сборника Л. Б. Модзалевского и М. А. Цявловского.

❖ Новое истолкование событий, приведших Пушкина к трагической гибели (ближайшая причастность Николая I к его семейной драме), было впервые выдвинуто Б. В. Казанским в его статье «Гибель Пушкина», помещенной в первой книге журнала «Звезда» за 1928 г. В процессе дальнейших своих исследований и разысканий Б. В. Казанскому удалось реставрировать письмо Пушкина к Геккерену, от которого сохранились лишь разрозненные ключья. Первое сообщение об этой работе и полученных результатах было помещено в третьей книге «Звезды» за 1934 г. в статье «Разорванные письма». Этому же вопросу посвящен и дальнейший ряд работ Б. В. Казанского, помещенный в «Литературном наследстве» (1934 г., № 16—18, «Разработка биографии Пушкина»), в шестом сборнике «Звеньев» («Письмо Пушкина Геккерену») и в первой книге «Временника Пушкинской комиссии» («Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина»).

Сводку и обобщение всех этих работ дает выходящая в «Советском писателе» большая (в 25 печ. листов) работа Б. В. Казанского «Гибель Пушкина», построенная на широком изучении всех существующих материалов о смерти великого поэта.

❖ В издательстве «Советский писатель» выходит книга В. В. Вересаева «Спутники Пушкина», представляющая собою собрание свыше четырехсот литературных портретов родных, друзей и знакомых великого поэта.

❖ Вышедший из печати очередной выпуск серии «Жизнь замечательных людей» (Журнально-газетное объединение) посвящен книге П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», выпущенной, в несколько сокращенном виде, под редакцией и с предисловием М. А. Цявловского. В это издание вошла полностью вся первая часть книги («История последней дуэли Пушкина»), а из второй части — «Документы и материалы» — перепечатаны письмо В. А. Жуковского к С. Л. Пушкину о последних днях жизни и смерти поэта, со вступительной статьей П. Е. Щеголева, и глава «Анонимный пасквиль и враги Пушкина» (из 3-го издания 1927 г.).

❖ Новым изданием печатаются в Гослитиздате «Записки о Пушкине» И. И. Пушкина. Вводная статья («Первый друг Пушкина») и комментарий С. Я. Штрайха. Предыдущее издание этой книги было выпущено Гослитиздатом в 1934 г.

БИОГРАФИИ ПУШКИНА

Ранние биографии Пушкина

Г. ВИНОКУР

Количество биографических работ по Пушкину неисчислимо, но биографий Пушкина очень мало, а хороших биографий Пушкина почти совсем нет. Разница между просто «биографической работой» и собственно биографией очень большая и принципиальная. Существенная особенность настоящей биографии заключается в том, что она является законченным изображением жизненного пути своего героя. Биография — это особый род исторического повествования, которое совершенно так же отличается от монографического биографического исследования, как цельное, законченное изображение исторической судьбы человечества или отдельного народа — от частных исторических исследований и монографий на специальные исторические темы. Биографическое исследование может отличаться большой содержательностью и глубиной, оно может представлять выдающийся научный интерес — и все же оно не будет биографией в подлинном смысле этого термина, если читатель не найдет в нем законченного образа героя во всей полноте его жизненной судьбы. Для того, чтобы написать действительно хорошую биографию, мало быть ученым. Не достаточно исчерпывающим образом знать все факты, составляющие историю жизни избранной личности, надо еще обладать особым умением собрать эти факты в одну цельную картину, умением изобразить и рассказать изученную жизнь как своеобразное историческое событие, представляющее объективную важность и значительность для каждого. Нет сомнения, что биография — это не просто наука, но также и особый вид литературного искусства и что талант биографа — это особый художественный талант.

В России биографическое искусство не имело прочных традиций, настоящих биографических писателей, биографов по призванию было очень мало. Самая проблема биографии не только не обсуждалась в научно-критической и философской литературе, но и не возникала почти никогда как

Автопортрет А. С. Пушкина

серьезная проблема культуры. В результате — поистине обидный факт, заключающийся в отсутствии подлинной биографии Пушкина, биографии величайшего русского поэта и одного из самых замечательных людей, каких знает русская история. Существующие биографии Пушкина, доставшиеся нам в наследство от дореволюционной России, поражают своей несоразмерностью тому, чего вправе ждать читатель Пушкина от биографического изображения его жизни.

Эта несоразмерность особенно ощутительна вследствие того, что биографический материал о Пушкине за столетие, отделяющее нас от его жизни, накопился очень большой и разнобразный. Разумеется, не все периоды жизни Пушкина освещены накопленным материалом в одинаковой степени, и существуют еще в истории этой жизни отдельные загадки и непроясненные моменты. Но в общем не будет преувеличением сказать, что мы знаем жизнь Пушкина довольно хорошо и подробно. Все же это знание само по себе не составляет еще биографии, и очень вредным заблуждением было бы думать, что биография Пушкина невозможна будет до тех пор, пока собираемые сведения о его жизни не достигнут абсолютной полноты.

Такая абсолютная полнота вообще является фикцией. А кроме того самая история вопроса показывает, как потребность в цельном, законченном биографическом изоб-

ражении возникает очень рано, еще при жизни биографического героя, по мере того как его деятельность становится заметной и вырастает в значительное историческое явление. Нет никаких сомнений, что читатели Пушкина еще при его жизни хотели знать его биографию. Но биография Пушкина была настолько «опасным» явлением для николаевской России, самая личность Пушкина была темой настолько острой и сложной, что потребности современной Пушкину читательской аудитории, конечно, не могли быть удовлетворены.

Первые биографии Пушкина, появившиеся после его смерти, это короткие очерки, содержащие почти голый перечень некоторых важнейших фактов жизни и деятельности поэта, притом фактов, тщательно отобранных в цензурнополитическом отношении, без малейшего упоминания о тех «скользких» темах, которыми был так богат жизненный путь Пушкина. Само собою разумеется, что образ поэта получался совершенно фальсифицированный. В статье П. А. Плетнева («Современник», 1838, т. X, стр. 21—52), являющейся первым по времени биографическим очерком о Пушкине, ни разу не упомянуто, например, о ссылке поэта. Соответствующие моменты жизни Пушкина изображены так: «Автор («Руслана и Людмилы») спешил оставить столицу, где успел наскучить рассеянностью... Возвращаясь из южной России в псковскую деревню свою, он посетил Москву и Петербург, где так жадно читались его стихотворения». О том как построен очерк Плетнева, можно судить по его начальным строчкам, в которых к кипучей, трагической жизни Пушкина сказано: «Самая долговременная жизнь человека, который прогел лучшие свои годы в тишине размышлений, в деятельности почти неподвижной, в однообразной беседе с литераторами да с книгами, не может быть обильна любопытными событиями... Пушкин, окончивший столько творений, возбуждавших всеобщее внимание, не успел биографии своей доставить заманчивости разнообразием происшествий внешних». В статье Плетнева есть некоторые ценные замечания о поэзии Пушкина, но биографии в ней по существу нет совсем. Достоинно замечания, что в ней совершенно не упомянута роковая дуэль Пушкина и причина смерти остается не названной.

Первое упоминание о ссылке Пушкина находим в статье Бантыша-Каменского (Словарь достопамятных людей русской земли, составленный Бантышем-Каменским, ч. II, СПб. 1847, прибавление, стр. 58—105). Здесь о ссылке Пушкина рассказывается в следующих выражениях: «Вскоре столица рассталась с любимым писателем: заблуждения пылкой молодости удалили Пушкина в Бессарабию». Ссылка в Михайловск, естественно, является в изображении Бантыша-Каменского следствием новых «заблуждений» Пушкина. В

объяснение дуэли с Дантесом приводятся слова Вяземского о том, что Пушкина «положили в гроб и зарезали городские сплетни, людская злоба и клевета». Основное содержание статьи — изложение внешних фактов литературной деятельности Пушкина.

Первой попыткой подлинной биографии Пушкина является известный труд П. В. Анненкова «Материалы для биографии А. С. Пушкина», составивший первый том «Сочинений Пушкина», изданных Аннековым в 1855 г., и переизданный отдельной книгой в 1873 г. под несколько иным заглавием: «А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений П. В. Анненкова». Первая ее часть была переработана заново самим автором, опубликовавшим ее в 1874 г. в виде книги: «А. С. Пушкин в александровскую эпоху»

А. С. Пушкин

Рисунок Н. Павлова

(первоначально — в «Вестнике Европы»). В этой книге Анненков построил свой рассказ о жизни Пушкина на основании таких материалов, которыми он не мог воспользоваться в 1855 г. в силу цензурных условий (ср. рассказ самого Анненкова о цензурных затруднениях, с которыми ему пришлось иметь дело в 1855 г., в статье «Любопытная тяжба», «Вестник Европы» 1881, кн. 1, перепечатано в книге: «П. В. Анненков и его друзья», 1892, стр. 393—424). Обе анненковские биографии Пушкина, при всей их понятной устарелости в отношении материала и идейной концепции, представляют собой выдающееся явление русской биографической литературы и специально литературы о Пушкине. Строго говоря, эти биографии Пушкина все еще не заменены ничем равнозначным. Анненков, разумеется, не обладал многими сведениями, ставшими с тех пор известными специалистам. Несомненно неверным является и его общий взгляд на Пушкина как на человека, стоящего в личной жизни ниже уровня его поэзии, который спасал себя как личность от «ржавчины порока и страстей» чистым творчеством. В этом творчестве, думал Анненков, Пушкин «давал спасительные уроки самому себе, в нем он обретал и создавал для себя созерцание жизни, далеко превосходящее то, которым отличался в свете». По мнению Анненкова, самая задача жизни Пушкина заключалась в том, чтобы «походить на идеального Пушкина, создаваемого его гением». Ошибочность этого противопоставления «Пушкина в жизни» «Пушкину в поэзии» не требует пространных доказательств. Нельзя рассматривать поэтическую деятельность Пушкина как факт внебиографический, стоящий как бы «по ту сторону» жизни, принадлежащий какой-то особой жизненной сфере. Поэзия

Вид лица пушкинских времен

Пушкина есть основной факт самой биографии Пушкина, а вовсе не только ее идеальная сторона (ср. по этому поводу замечания Д. Д. Благого в статье «Проблемы построения научной биографии Пушкина»; «Литературное наследство» № 16—18). Кроме того, Анненков не всегда обнаруживал понимание того, что «жизнь» не исчерпывается внешними формами «поведения», и закрывал глаза на богатое внутреннее содержание, скрывавшееся за отдельными не импонировавшими ему «поступками» Пушкина. Это уже ошибка самого метода, который, очевидно, был недостаточно историчен.

И тем не менее имя Анненкова как биографа Пушкина всегда будет пользоваться заслуженной симпатией исследователей и читателей Пушкина, потому что книги Анненкова — это действительно биографии. В них мы находим не просто собрание фактов и умелую их обработку, но связный, увлекательный рассказ о жизни Пушкина, проникнутый общей и цельной идейной концепцией. Другого такого рассказа пуш-

Ярополец — дом Гончаровых
С картины худ. Б. Рыбченкова

кинская биографическая литература не знает. Ни в какое сравнение с биографиями Анненкова не могут идти в свое время пользовавшиеся известностью книги В. Стоюнина (Исторические сочинения, к. П. Пушкин. СПб. 1881), А. А. Венкстери (А. С. Пушкин, биографический очерк, М. 1909, первоначально — при Альбоме Пушкинской выставки 1880 г.). Книга Стоюнина, выдающегося русского педагога, стоявшего в рядах либеральной общественности, читается еще и сейчас с известным интересом. В частности нужно отметить, что Стоюнин понимал обреченность Пушкина в той общественно-политической обстановке, в которой ему приходилось жить. В этом отношении стоит отметить заключительные строчки книги: «Нам кажется, что в будущем поэту не оставалось поприща для его вдохновенных трудов. Стремясь вырваться из своих сетей, он все равно нашел бы себе гибель. Не мог петь соловей в когтях у кошки». Однако общий взгляд Стоюнина на Пушкина не отличается глубиной; он почти исчерпывается тем, что Пушкин был «натурой артистической» и «натурой гениальной», причем какое-то исключительное значение Стоюнин явно придает «несчастному наследству», доставшемуся Пушкину от прадеда по матери, — пресловутой «арабской крови». Образ Пушкина у Стоюнина получился неяркий и не-

А. С. Пушкин
С портрета работы худ. Мазера

отчетливый. Все же и эта книжка в истории жизнеописаний Пушкина скорее должна быть отмечена нашим сочувствием, нежели порицанием.

Биографический очерк А. А. Венкстери мало самостоятелен, лишен оригинальной мысли и в литературном отношении также не представляет собой заметного явления. Это бесхитростный и не очень содержательный, к тому же чересчур краткий пересказ главных фактов жизни Пушкина, также с либеральной тенденцией.

Бесомненно отрицательным явлением была книга В. В. Сиповского: «Пушкин, жизнь и творчество» (СПБ, 1907) — пухлый том, кипащий грубыми фактическими ошибками, лишенный всякого руководящего начала и написанный с полным отсутствием способности биографического изображения. Эта книга представляет в полном смысле пустое место в пушкинской литературе и неинтересна даже специалистам.

Книга Сиповского принадлежит уже к той эпохе в истории изучения жизни Пушкина, когда частные биографические исследования уже прочно завоевали себе первенство по отношению к цельным биографиям. Среди лиц, трудившихся над такими частными темами, многие завоевали себе прочную и заслуженную известность. Таков П. И. Баргенов, начавший с 1853 г. печатать отдельные биографические этюды о Пушкине. Из них особенно известна его работа «Пушкин в южной России» (первоначально в «Русской Речи» 1861, затем в «Русском Архиве» 1866 г.: переизда-

Памятник А. С. Пушкину в Москве

Рис. П. Митурича

но отдельной книгой в 1914 г.), представляющая собой очень тщательно, любовно составленный свод устных и письменных свидетельств и преданий о жизни Пушкина в 1820—1823 гг. Большое значение имеет книга Л. Н. Маякова: «Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки» (СПб, 1899), заключающая в себе ряд очень важных мемуарных данных для биографии Пушкина, снабженных интересным комментарием. Выдающимся исследователем жизни Пушкина был недавно скончавшийся П. Е. Щеголев. Его работы по Пушкину собраны в трех книгах: «Из жизни и творчества Пушкина» (1927, изд. 3-е), «Дуэль и смерть Пушкина» (1927, изд. 3-е) и «Пушкин и мужики» (1928). Щеголев обладал всеми качествами для того, чтобы создать цельную биографию Пушкина: широкая историческая и литературная эрудиция, прекрасное историческое чутье и специфически биографическая талантливость в нем сочетались гармоническим образом и заставляли ожидать от него многого. Но в последние годы своей жизни Ще-

голев пошел по не совсем верному пути, увлекшись сверх должной меры частностями пушкинского быта и хозяйства. Книга «Пушкин и мужики» уже была скорее шагом назад. Все же можно думать, что Щеголев сделал для биографии Пушкина не все, что мог бы.

Среди авторов биографических работ о Пушкине не могут быть забыты также М. Семевский, Б. Л. Модзалевский, М. С. Гершензон, В. Я. Брюсов, ныне здравствующие М. А. Цявловский, В. В. Вересаев и др. В работах, принадлежащих этим лицам, весьма разнородных по идейным устремлениям и по научной ценности, содержится много материала и отдельных частных наблюдений, но все это уже не биографии, а только материалы для биографии или этюды об отдельных моментах жизни Пушкина. Создание подлинной биографии Пушкина, стоящей на высоком уровне накопленных знаний и отвечающей тому пониманию Пушкина, которое вырабатывается нашей эпохой, остается задачей ближайшего будущего.

Вид Коломны в пушкинские времена

Из илл. ко II изданию «Домика в Коломне»

Новые биографии Пушкина

С. БЕЛЕВИЦКИЙ

Гослитиздат в ближайшее время выпускает ряд небольших, рассчитанных на массового читателя биографий Пушкина: В. Вересаева, В. Кирпотина и др. Вместе с тем выйдет в свет обширная биография поэта, написанная проф. Н. Л. Бродским. Книга проф. Бродского, помимо жизнеописания поэта в узком смысле этого термина, содержит обширный комментарий к наиболее значительным произведениям Пушкина, причем критерием значительности для биографа служат не только размеры произведений и их жанр (роман, трагедия, поэма и т. д.), но, главным образом, значительность содержания. Исследователь уделяет иногда много внимания анализу содержания того или иного лирического стихотворения, если этот анализ дает ему ключ к раскрытию отдельных элементов мировоззрения Пушкина, к обнаружению характера взаимоотношений Пушкина с окружающей его социальной средой, к выяснению различных моментов и нюансов в его отношении к самодержавной власти, к разрешению некоторых кардинальных вопросов пушкиноведения: об отношении поэта к крепостному крестьянству, его взаимоотношениях с представителями группы дворянских революционеров, об оценке им тех или иных крупных исторических событий, как революция в Испании, греческое восстание, революция 1830 г. во Франции, польское восстание 1831 г., «холерные бунты» в Новгородской губернии и т. п.

Все построение книги пронизано мыслью, что самым существенным моментом в биографии великого исторического деятеля является сама его деятельность: ее характер, ее историческое значение, ее обусловленность определенными внешними (социально-историческое окружение, идеологические влияния) и внутренними (мировоззрение, психология) причинами.

В отношении момента «чистого» жизнеописания отбор фактов и событий, их группировка, характеристика эмоциональной или интеллектуальной реакции на них со стороны поэта производится биографом под углом зрения наиболее полного и разностороннего выявления «духовной» лично-

сти поэта, ее роста и развития, усложнения, ее противоречий и различных попыток их преодоления.

В изображении автора Пушкин прежде всего выступает пред нами как обладатель интеллекта изумительной силы. Н. Л. Бродский приводит ряд убедительных доказательств, подтверждающих справедливость замечания современника о поэте: «такого мозгу не вмещала еще ни одна русская голова».

Эта изумительной мощи интеллектуальная сила сочеталась с необычайной по широте диапазона восприимчивостью к окружающему в самом широком смысле этого слова. К Пушкину в изображении биографа по всей справедливости может быть применено античное изречение: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо».

В обычном представлении, не без содействия «ученых» и неученых прошлых биографов поэта, образ Пушкина нередко ассоциируется с образом пушкинского же Моцарта — «гуляки праздного».

Не умаляя исключительной природной старенности величайшего гения русской поэзии, Н. Л. Бродский рядом фактов и документов доказывает, что величайший гений одновременно был и великим тружеником. Что замыслы отдельных произведений Пушкина вынашивал годами, что он с исключительной кропотливостью работал

А. С. Пушкин

Гравюра на дереве А. А. Суворова.

А. С. Пушкин
Рис. карандашом Ж. Вивьена (1826)

над их тщательной отделкой, много раз меняя редакции, стремясь к предельной точности и смысловой адекватности отдельных слов и выражений, — эти особенности Пушкина-писателя теперь известны уже широкому кругу образованных читателей. Но биограф убедительно доказывает, что Пушкин обладал обширнейшей начитанностью в области гуманитарных наук, что он в своих занятиях пользовался 16 языками. Большая или меньшая осведомленность поэта во всех современных ему течениях исторической, социальной и философской мысли несомненна. Пушкин-историк, Пушкин-публицист, Пушкин — истолкователь своего и чужого художественного творчества стоит на высоте наиболее прогрессивной исторической и философской мысли своего времени. Его мировоззрение не только насыщено исторично, — оно в известной мере диалектично. Пушкин несомненно отведал живой воды из гегелевского источника. Недаром вернувшийся из Берлина молодой И. В. Киреевский, о котором вполне уместно сказать, что он там «с головой окунулся в море гегелевской диалектики», с величайшим интересом вел с Пушкиным многочасовые философские беседы.

Используя обширный и разнородный материал — эпистолярный, мемуарный и официальный (дознания по различным политическим делам уже в последекабрьский период), биограф приходит к выводу, что

Пушкин «с веком наравне» был не только в области теоретической мысли. В социально-политических условиях николаевской России Пушкин был одним из наиболее прогрессивно мыслящих людей. При этом Пушкин, вопреки существующим еще и поныне версиям о его чуть ли не политическом ренегатстве в последекабрьский период, в изображении Н. Л. Бродского, основанном на большом документальном материале и на анализе соответствующих художественных произведений поэта, выступает перед нами стойким в своих прогрессивных социально-политических взглядах и устремлениях.

Видимые политические колебания — либо результаты кратковременных иллюзий Пушкина, надеявшегося одно время на то, что царь Николай может добровольно пойти на некоторые социально-политические реформы, либо имеют свое основание в глубокой, лишь немногим доступной правильной оценке объективно сложившейся исторической ситуации.

Пушкин был и неизменно остался другом декабристов. От раннего своего свободолюбия он никогда не отрекался, равно как никогда не отказывался от своих революционных творений, в свое время служивших одним из наиболее мощных орудий пропаганды идей дворянских революционеров.

Воспитанный на идеях просвещения, «крестник Вольтера», как он сам себя называл, Пушкин до самой трагической кончины своей остался принципиальным врагом политического и социального рабства.

Книга Н. Л. Бродского выйдет в конце февраля. Объем книги более 30 авторских листов.

Хроника

♦ Новое двухтомное переиздание известной книги В. В. Вересаева «Пушкин в жизни» выходит в ближайшее время в издательстве «Советский писатель». Художник-оформитель книги — Н. В. Ильин. Тираж — 10 000 экз. Цена за оба тома, включая стоимость переплетов и футляра, 35 руб. Настоящее издание является шестым по счету. Предыдущее издание было выпущено издательством «Academia» в 1932 г.

♦ В 1937 г. в серии «Жизнь замечательных людей» будет выпущена биография А. С. Пушкина, написанная Д. П. Мирским. Объем книги — 15 печ. листов. Тираж — 40 000 экз.

В. Г. Белинский о Пушкине

Н. МОРДОВЧЕНКО

Творчество Пушкина—одна из центральных тем в литературном наследии Белинского. Классические одиннадцать статей Белинского о Пушкине в «Отечественных записках» 1843—1846 гг. явились эпохой не только в истории истолкования пушкинского творчества, но и в истории русской критики вообще. Белинский впервые поставил проблему Пушкина как центральную проблему истории русской литературы, он дал схему развития допушкинской поэзии, начиная от Ломоносова, он показал, что «писать о Пушкине — значит писать о целой русской литературе: ибо как прежние писатели русские объясняют Пушкина, так Пушкин объясняет последовавших за ним писателей». Из положений и оценок Белинского, как известно, исходили в своей трактовке пушкинского творчества Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, к Белинскому по-разному апеллировали и защитники «эстетической критики» 50-х гг. и разрушители дворянской эстетики 60-х гг. На пушкинских статьях Белинского воспитывались целые поколения, статьи эти давно вошли в школьный обиход, и до сих пор несомненно живо громадное значение этих статей.

И даже теперь, когда нам нужно указать лучшее из того, что написано о творчестве Пушкина и что можно было бы безоговорочно рекомендовать и школьнику, и вузовцу, и, наконец, массовому советскому читателю, любящему Пушкина и жадно стремящемуся понять и осмыслить его творчество в целом, — мы в первую очередь называем статьи Белинского. Между тем, статьи Белинского о Пушкине давно уже стали библиографической редкостью.

В самом деле, в советские годы отдельным изданием эти статьи были выпущены только однажды, в 1923 г., Государственным издательством (в трех выпусках). Данное издание за истекшие тринадцать лет, разумеется, давным давно исчезло с книжного рынка. Статьи Белинского в этом издании предварялись краткой вступительной заметкой и были снабжены небольшим количеством элементарных подстрочных примечаний.

Тексты статей и эти краткие примечания являлись перепечаткой из третьего тома «Собрания сочинений Белинского» под ред. Р. В. Иванова-Разумника, изданного

А. С. Пушкин

Грав. Ф. Константинова

Литературно-издательским отделом Наркомпроса в 1919 г.

Из пореволюционных собраний сочинений Белинского статьи о Пушкине вошли в два издания: в только что названное собрание сочинений под ред. Иванова-Разумника и в незаконченное «Полное собрание сочинений» Белинского под ред. С. А. Венгерова. В последнем издании статьи о Пушкине вошли в XI том, вышедший в 1917 г. (статьи первая, — пятая), и в XII том, вышедший уже после смерти С. А. Венгерова в 1926 г. под ред. В. С. Спиридонова (статья шестая — одиннадцатая). Комментарии ко всем одиннадцати статьям о Пушкине были отнесены на XIII, заключительный, том «Полного собрания сочинений» Белинского, еще до сих пор не вышедший из печати (печатается в изд. «Academia»). Не говоря о том, что в Венгеровском издании статьи о Пушкине разбиты на два тома, а это затрудняет пользование статьями, оба эти тома и на книжном рынке и в библиотеках почти так же редки, как и три выпуска статей о Пушкине в гизовском издании 1923 г.

Самым ходовым изданием статей о Пушкине являлся до настоящего времени третий том «Собрания сочинений» Белинского под ред. Иванова-Разумника, где эти статьи объединены. Положительные стороны издания Белинского под ред. Иванова-Разумника заключаются, между прочим, в доброкачественности текстов. Недостатки — в отсутствии комментаторского аппарата, так как два-три десятка подстрочных примечаний к статьям о Пушкине, которые даны в этом издании, не могут исчерпать нужных для читателя разъяснений. С другой стороны, наличие в издании специаль-

ного вступительного очерка к статьям о Пушкине только дезориентирует читателя. Очерк этот, написанный Р. В. Ивановым-Разумником еще в 1913 г., по своим идеологическим установкам, конечно, совершенно чужд марксистско-ленинской трактовке как творчества Пушкина, так и наследия Белинского. Необходимость нового комментированного издания статей Белинского о Пушкине назрела давно, и как нельзя более своевременно это издание теперь, накануне столетней годовщины со дня гибели Пушкина.

Подготовленный нами и выпускаемый в конце 1936 г. — начале 1937 г. Гослитиздатом сборник статей Белинского о Пушкине не является простой перепечаткой одиннадцати знаменитых статей великого критика. В этом сборнике впервые объединено в основном все, что писал о Пушкине Белинский. В сборник кроме статей из «Отечественных записок» 1843—1846 гг. вошли все рецензии Белинского 1831—1841 гг. на отдельные томы сочинений Пушкина и пушкинского «Современника», все специально посвященные Пушкину библиографические и информационные заметки, а также два отрывка о Пушкине из обзоров Белинского «Русская литература в 1840 г.» и «Русская литература в 1841 г.».

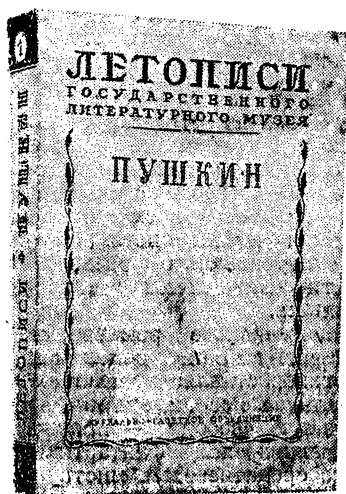
Если одиннадцать статей Белинского о Пушкине в «Отечественных записках» 1843—1846 гг. являются итогом многолетних изучений Белинским творчества Пушкина, то не менее важны для нас и ранние отрывы Белинского о Пушкине, его статьи и рецензии 1831—1841 гг., поскольку они отражают эволюцию великого критика в постановке проблемы Пушкина. Так, рецензия Белинского 1835—1836 гг., написанная еще при жизни Пушкина и тесно связанная с шеллингианскими философско-эстетическими положениями «Литературных мечтаний» 1834 г., с знаменитым «отрицанием» Белинским русской литературы, вводит нас в обстановку литературно-общественной борьбы 30-х гг., участником которой был еще сам Пушкин. «Литературная критика» Белинского 1838 г. значительно интересна для нас тем, что Белинский, частично отказываясь здесь от своих суждений о Пушкине 1834—1836 гг., заново ставит проблему Пушкина в плане гегельянского «примирения с действительностью». В обзоре «Русская литература в 1840 г.» творчество Пушкина впервые вводится Белинским в историческую перспективу: в Пушкине Белинский впервые видит начало русской литературы. К указанному обзору хронологически примыкает обширная рецензия Белинского на три дополнительных тома сочинений Пушкина издания 1841 г., а характеристика Пушкина, данная в обзор

ре «Русская литература в 1841 г.», дополняет и уточняет намеченную Белинским историческую постановку проблемы Пушкина как центральной проблемы истории русской литературы. Напомним, что именно в этой статье, в обзоре «Русская литература в 1841 г.», Белинский следующим образом охарактеризовал силу и долговечность пушкинского гения: «Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, из останавливающимися на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за нею эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего».

На протяжении всей своей деятельности Белинский возвращался к Пушкину непрерывно: упоминания и высказывания о Пушкине содержатся не только почти во всех знаменитых ежегодных обзорах Белинского, начиная с «Литературных мечтаний», но и во многих статьях и рецензиях, специально к Пушкину не относящихся. Все важнейшие из этих попутных высказываний Белинского о Пушкине учтены в примечаниях к сборнику, где использована в отношении к Пушкину и переписана Белинского. В примечаниях, кроме того, даны в предельно сжатой форме исторические и литературные справки, необходимые для понимания самого текста, для уяснения особенностей подхода Белинского к отдельным вопросам пушкинского творчества или для уточнения тех или иных предположений и утверждений Белинского по части творческой истории, источников и хронологии произведений Пушкина.

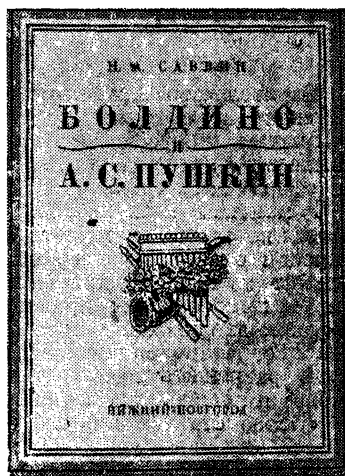
Тексты статей и рецензий Белинского, вошедших в состав сборника, заново проверены по первопечатным текстам, а все цитаты — по тем источникам, которыми пользовался Белинский. С особой тщательностью мы сочли нужным подойти к проверке цитат из произведений Пушкина, ибо цитаты эти даны Белинским по текстам, обезображенным и обескровленным царской цензурой, оснащенной громадным количеством опечаток и ошибок первых редакторов и издателей Пушкина. Мелкие извращения пушкинского текста в цитатах Белинского, восходящие к типографским опечаткам, мы сочли возможным выправить без всяких оговорок. Существенные и крупные дефекты пушкинских текстов, которыми пользовался Белинский, в частности цензурно-полицейские купюры в ряде вещей Пушкина («Медный Всадник», «Борис Годунов» и др.), которых Белинский не мог знать, оговорены и отмечены в примечаниях.

Обложка пушкинского тома
„Летописей“ Гос. лит. музея.

Обложка книги о Пушкине,
изданной Горьковским край-
издатом

„Евгений Онегин“

Учебно-педагогическое издательство (Учпедгиз) к пушкинским дням выпускает в свет 2-е издание книги Н. Л. Бродского „Евгений Онегин“. Роман А. С. Пушкина.

Мы обратились к Н. Л. Бродскому с просьбой сообщить нам об отличиях второго издания его книги от первого издания. Печатаемое ниже сообщение Н. Л. Бродского является ответом на нашу просьбу.

Н. БРОДСКИЙ

По-настоящему, это первое издание моей книги, ранее имевшей титул: «Комментарий к «Евгению Онегину»». Во втором издании книги многое исправлено и еще более дополнено. В результате объем книги вырос более чем в два раза. Форму изложения материала можно назвать комбинированной: обычный тип монографического исследования перемежается с разрывными и отдельными кусками романа.

«Евгений Онегин» до сих пор блещет непревзойденной красотой речи, гениальной широтой охвата социальной жизни, множеством типических образов и картин, ярким применением принципов критического реализма. Но за сто с лишним лет после первого издания романа так много изменилось и в истории материальной и духовной культуры нашей страны, и в языковой форме ее отражения, что вскрыть подлинное значение тех или иных словесных формул романа можно только в результате приближения пушкинского слова к современности поэта. В своей книге я сделал попытку историческим анализом восстановить термины романа, впоследствии обросшие новыми значениями и утерявшие прежние оттенки. Результат получился любопытный: ложные, превратные оценки, господствующие до сих пор в научных и псевдонаучных сочинениях «пушкинистов» и «непушкинистов», рассеялись; многое, что казалось ироническим отношением поэта к героям, заменилось противоположной

оценкой. Таковы термины: педант, шалун, повеса и т. п. Идеиный смысл романа я стремился уяснить путем привлечения современных поэту мемуаров, писем и других материалов. Факты биографии Пушкина привлекались обильно. Большое внимание я уделил десятой главе романа. Новейший комментатор и редактор романа Б. В. Томашевский внес такое множество искажений, субъективного произвола в свои публикации, что решительная борьба с браком, с подменой настоящего авторского текста фальсификаторскими домыслами потребовала специального рассмотрения сожженной декабристской главы. После первого издания моей книги, где я подверг рецензии обычную манеру печатать десятую главу и доказал антиисторичность суждений многих авторов о якобы «издательском» отношении Пушкина в 1830 г. к декабризму, пушкинисты-текстологи покинули канонические позиции, но зато каждый стал печатать эту главу по-своему (М. А. Цявловский, Г. О. Винокур и др.). Надеюсь, наша критика обратит внимание на разброд текстологов и укажет действительный смысл, заключенный в десятой главе. Книга иллюстрирована 111 снимками бытового характера. Не могу не отметить самого внимательного отношения к выпускаемому труду со стороны Учпедгиза в лице С. М. Браиловской и А. Н. Дубикова.

Пушкин и русский романтизм

С.

Издательство Академии наук СССР выпускает в свет книгу Б. С. Мейлаха «Пушкин и русский романтизм». Книга выходит под редакцией Н. Г. Свириной, в оформлении художника К. Иванова.

Романтизм Пушкина, без учета особенностей которого не может быть решен вопрос и о характере его реализма, принадлежит к числу важнейших и наименее изученных проблем пушкиноведения. Буржуазно-дворянская литературная наука неоднократно признавалась в своем бессилии разрешить проблему романтизма вообще и романтизма Пушкина в частности.

«Более ста лет говорят о романтизме и более ста лет истории и литературные критики пытаются ответить на вопрос — что такое романтика», — неудовлетворенно заявлял В. С. Соловьев. Невозможность диалектического решения противоречивости романтизма методами домарксистского литературоведения нередко приводила исследователей к отказу от решения этой проблемы.

Вопрос о сущности русского романтизма, а также и романтизма Пушкина может быть решен только марксистско-ленинским литературоведением. Однако работ о романтизме Пушкина до сих пор еще нет.

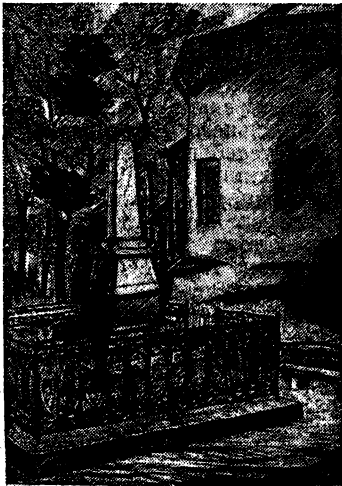
Выпускаемая издательством Академии наук СССР монография Б. С. Мейлаха «Пушкин и русский романтизм» является первым исследованием на эту тему.

Как указывает автор в введении к книге, одной из важнейших причин, мешающих правильному пониманию романтизма, яв-

ляется подход к нему как к чему-то неизменно данному. Между тем русский романтизм, так же как и западный, не был единым; в нем боролись различные эстетические и социальные направления. Русский романтизм следует рассматривать как одну из идеологических систем, возникших в эпоху интенсивного развития борьбы капиталистических элементов с элементами феодальными.

Ориентация прогрессивного романтизма на капитализировавшийся Запад романтизм реакционный противопоставляет идеализацию старой феодальной России, а призыву к борьбе за реальную свободу — призыв к уходу в мир религиозной фантастики, идеализированного средневековья, мистического «откровения». Именно процессами классовой борьбы и обусловлена дифференциация среди русских романтиков. Как показывает Б. С. Мейлах, прогрессивное и реакционное направления наметились в русском романтизме с самого начала его возникновения. Каждому из этих направлений свойственны особые литературные принципы, особая поэтика. Эти направления не существовали мирно рядом, а боролись между собою, взаимно влияли одно на другое и стремились использовать, каждое в своих интересах, отдельные стороны тактики враждебного литературного лагеря. Романтизм прогрессивный, ведущий свои традиции от Радищева и его учеников, нашел свое ярчайшее воплощение в деятельности литераторов, входивших в тайные общества декабристов или идейно близких к ним — А. Бестужева, В. Кюхельбекера, К. Рылеева, В. Раевского, А. Одоевского, А. Корниловича, П. Вяземского, А. Грибоедова, Н. Языкова и других. Романтизм реакционный был подготовлен широким потоком мистической литературы, идущим еще с конца XVIII века, и выразился наиболее полно в творчестве В. Жуковского и его эпигонов, а затем в деятельности ряда литераторов, объединившихся вокруг журнала «Московский вестник».

В работе «Пушкин и русский романтизм» устанавливается, что борьба романтиков за свободу творчества от догматических правил классицизма (в которой Жуковский участвовал вместе с прогрессивными романтиками и в том числе с литераторами-декабристами) не снимала противоречий между ними по существенным моментам эстетики. Отмечая заслуги Жуковского в «создании слога», литераторы-декабристы решительно размежевывались с ним в принципиальных творческих вопросах. Резко отрицательные отзывы о Жуковском в статьях В. Кюхельбекера совпадают с мнением К. Рылеева, считавшего, что «мистицизм, которым проникнута большая

Мониде А. С. Пушкина в Б. Святогорском монастыре. Иллюстрация из пушкинского альбома, выходящего в Издгизе

часть его (Жуковского) стихотворений, мечтательность, неопределенность и какая-то туманность, которые иногда в нем даже прелестны, растлили многих и много злонадеяли», а также с оценками А. Бестужева, Н. Бестужева, А. Грибоедова, А. Одоевского и других. Литературные расхождения между прогрессивными романтиками и Жуковским явились формой политической вражды. Недаром в одном из писем, написанных после декабрьского восстания, Жуковский назвал декабристов (и в частности Бестужевых, Кюхельбекера, Рылеева, Корниловича) «сволочью», «шайкой разбойников», «бандитами», способными на «беспельное зверство».

Каковы же были позиции Пушкина в борьбе прогрессивного и реакционного направлений романтизма? В результате анализа большого фактического материала (журналистики пушкинской эпохи, неопубликованных архивных документов, произведений, переписки и мемуаров писателей первой трети XIX века, рукописей Пушкина и ряда его современников) Б. С. Мейлах приходит к заключению, что Пушкин творчески возглавлял направление прогрессивного романтизма. Значение Пушкина в истории «декабристского» периода русской революции не ограничивается его политическими стихами: новатор формы и содержания, отстаивавший право на свободу творчества от контроля и требований самодержавной монархии, создатель ясного и простого языка, разбивший всем своим творчеством догматизм феодально-крепостнической идеологии, он был на литературном фронте фактическим участником одного из первых этапов освободительного движения в России. Это подтверждается и ролью, которую играло творчество Пушкина в борьбе прогрессивных романтиков и, в частности в деятельности изученного Б. С. Мейлахом по неопубликованным материалам крупнейшего литературного объединения декабристов — «Вольного общества соревнователей Просвещения и Благотворения». Однако необходимо учитывать, что если в вопросах эстетических Пушкин в ряде моментов был впереди К. Рылеева, А. Бестужева, В. Кюхельбекера и других, борясь не только за романтическую, но и за реалистическую литературу; то в некоторых политических вопросах он был умереннее ряда своих современников из либерально-оппозиционного лагеря.

Буржуазно-дворянское литературоведение на протяжении многих лет утверждало, что после декабрьского восстания эстетические взгляды Пушкина соответствовали программе именно того течения русского романтизма, которое противопоставляло «земному бытию» запредельный мир, а искусству реальной действительности — служение «чистой красоте». Разоблачению этой фальсификации посвящена третья глава монографии.

В противовес утверждению Плеханова, что в определенные исторические эпохи теория «чистого искусства» может играть прогрессивную роль, Б. С. Мейлах, анализируя ряд материалов по истории русской критики конца XVIII и начала XIX вв., показывает, что и до 1825 г. и после поражения восстания декабристов апологеты этой теории сознательно использовали ее как орудие борьбы с деятельностью прогрессивных писателей, считавших искусство одним из средств активного изменения социальных порядков.

В результате историколитературного и текстологического анализа всех произведений Пушкина, посвященных отношениям «поэта» и «толпы», автор показывает, что они весьма далеки от реакционноромантической теории «чистого искусства». Характерно, что стихотворения Пушкина «Чернь», «Поэту» и другие, в продолжение почти столетия считавшиеся как бы манифестами «чистого искусства», написаны именно в те годы, когда вопрос о примате фантазии над действительностью был категорически решен Пушкиным отрицательно. Пушкин не противопоставлял искусства реальной действительности, как это делали реакционные романтики его вре-

Памятник Пушкину-лицеисту в Детском селе. Фото из пушкинского альбома, выходящего в Изогизе

мени. В стихотворениях «Чернь», «Поэту» речь идет не о свободе поэта от изображения реальной действительности, а о свободе от социального заказа «холопа знатного в звезде». Эти идеи использовались Пушкиным с целью проведения вполне осознанной реальной литературной политики. Так, например, работая над поэмой на материале мешаевской среды, Пушкин был намерен путем использования идей стихотворения «Чернь» в особом лирическом отступлении мотивировать право на воспевание «низкого героя» — безродного коллежского регистратора.

Переходя к вопросу об источниках интерпретации Пушкиным идеи независимости поэта от «толпы», Б. С. Мейлах указывает, что интерпретация эта носит ярко выраженный рационалистический характер. Не столько немецкая философия реакционного романтизма, сколько философия французских просветителей наложила отпечаток на все произведения Пушкина о «поэте» и «толпе». Понимание им «высокой» роли поэта, призванного быть впереди «на всех набегах просвещения» и «глаголом жечь сердца людей», является прямым отражением учения французских энциклопедистов о роли личности писателя в истории. Статья «Génie», помещенная в Энциклопедии Дидро и утверждающая, что гений — высший человеческий индивид, возвышающийся над всем миром, перекликается с рядом мыслей Пушкина. В параллель к стихотворению Пушкина «Пока не требует поэта» в книге приводятся произведения Дидро, где развиваются те же идеи о бегстве гениального человека в природу, где им овладевает пророческий

«священный трепет». Наконец, противопоставление поэта «непросвещенной толпе», да и самая этическая, а не социальная трактовка «толпы» как сборища «плохих людей» встречается в ряде произведений Дидро, Вольтера, Руссо и в некоторых статьях Энциклопедии. Особо отмечается в книге влияние поэзии Андре Шенье на стихи Пушкина о «поэте» и «толпе».

В четвертой главе дан анализ автографов ряда стихотворений Пушкина, которые до сих пор рассматривались литературоведами как реакционно-романтические. Этот анализ показывает, что в процессе творческой работы Пушкин стремился очистить произведения от элементов реакционного романтизма и строить образы по принципам реализма.

В заключении автор останавливается на характере пушкинского оптимизма и на историческом значении творчества Пушкина. «В творчестве Пушкина, — заключает Б. С. Мейлах, — гениально осуществлен тот сплав реализма и устремленного вперед романтизма, который так дорог нам, разрушившим «тюрьму народов» и строящим величественное здание будущего».

Книга иллюстрирована photographиями ряда неопубликованных автографов Пушкина, из которых особый интерес представляют автографы стихотворений: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», «Чернь», «Бесы», «Поэт идет, открыты вежды», «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы». «Из Пиндемонте». Открывается книга портретом Пушкина работы П. Ф. Соколова (с оригинала акварелью, хранящегося в Пушкинском доме).

Пушкин-журналист

Н. Д.

6 июня 1832 года А. И. Тургенев прислал из Любека литературный альбом с надписью: «Пушкину-журналисту». Это было напутствием к новой деятельности. Пушкин был уже журналистом, но об этом знали лишь очень немногие друзья и враги. В сознании современников ор до самой смерти все еще оставался поэтом. Все его журнальные предприятия встречались с недоверием. Занятия его журналистикой воспринимались как ошибка. Гоголь писал о Пушкине-журналисте: «В нынешнее время приняты за опозоренное ремесло журналиста не слишком лестно для неизвестного человека, но гению этим заняться — значит омрачить чистоту и непорочность души своей». Такого же мнения держалось и дореволюционное пушкиноведение. Поэтому журнальное наследие Пушкина, составляющее более трети полного собрания его сочинений, оставалось

долгое время неизученным. Некоторые пушкиноведы старались Пушкина-журналиста расцепить на Пушкина-историка, Пушкина-публициста, Пушкина-критика и т. д. Эти аспекты возникли не от подлинных методологических и исторических знаний, и их можно оставить на совести тех, кто о них писал.

Журнальная деятельность Пушкина заслуживает изучения уже по одному тому, что в ней больше, чем в его художественном творчестве, раскрывается идеология поэта, борющегося с консервативным монархическим строем своего времени.

К периодике Пушкин начал присматриваться еще в лицее. С этого времени идет его непрерывное вращение в журнальную деятельность, оборвавшееся на издании «Современника». Он прошел огромный путь от «чистой литературы» до профессиональной журналистики. Этот путь был покая-

не только бытовых, но и творческих трудностей.

Журналистская деятельность Пушкина имела несколько фаз развития. В первой из них Пушкин занят переоценкой русской периодики. Он отмечает частнический характер русской журналистики, отсутствие руководства общественным мнением, неавторитетность суждений, невежественность журналистов, незнание языка и грубость их полемики. Русской журналистике он противопоставляет демократическую журналистику Запада, являющуюся «голосом политических партий».

Во второй фазе он ищет сродный по духу журнал, пытаясь поочередно работать с консервативным «Сыном отечества», с издаваемой декабристами «Полярной звездой», с демократическим направлением «Московского телеграфа» и т. д. В этих неудачных поисках он приобрел большой опыт и знание журнального дела.

Не найдя подходящего журнального лагеря, к которому можно было бы примкнуть, он пытается, опираясь на друзей, сам издавать журнал. К этому третьему периоду относится организация «Литературной газеты», попытка после запрещенной ее создать газету «Дневник», полупериодическое издание «Современный летописец» и т. д. Эта многолетняя борьба за свой журнал закончилась выпуском «Современника». Но и тут его ждали неудачи и осуждения. Пушкин, так упорно стремившийся с помощью журнала «преобразовать литературу» и оказать «влияние на развитие общества», остался одинок в своих стремлениях. Литературные единомышленники и друзья откололись от него и оказались в лагерь консерваторов—сторонников монархии. Журнал, полный тонких недоговоренностей и намеков, оказался чисто литературным предприятием и не имел успеха. Число подписчиков не росло, а уменьшалось. Читатели требовали занимательности, новых идей, а не зашифрованных иносказаний. Многие устарело и в нем самом. Идеи эпохи декабризма обветшали. На смену им плло трезвое демократическое поколение Белинского. «Современник» надо было перестраивать, и Пушкин пытается это сделать. Он привлекает новых сотрудников. Приглашает Кольцова, выписывает из Москвы Белинского и т. д. На этой фазе деятельности его застала смерть. Журнальный путь Пушкина оборвался на попытке его измениться вместе с временем. Непрерывно эволюционируя, он сумел дольше, чем кто-либо из современников, удержаться во главе литературного движения. За это свойство его называли Протеем. И, быть может, это меньше не изменило бы ему и в журналистике, как не изменяло в поэзии. Пушкин умер на границе перехода к революционно-демократической журналистике.

А. С. Пушкин

Бюст работы Н. Ромазанова. Мрамор

Его творческий путь журналиста был также насыщен исканиями. Журнальная работа его многообразна не только по широте кругозора, но и по работе над оформлением материала. Он умел не замыкаться в узкий круг литературных проблем и нащупывать основные пружины, действующие во времени. Его работа была основана не на выборе объектов для статей и рецензий. Достаточно перелистать каталоги Смардина, чтобы убедиться, что Пушкин прошел мимо многих важных книжных и литературных событий своего времени, объекты для него были не самоцелью, а мотивировкой. Так, например, «Записки Видока» взяты им как предлог для замаскированного выступления против реакционной журналистики, возглавляемой Булгариным. Для него важны не факты, а общения, скрытые за фактами. Он выступает как новатор и бунтовщик по основным вопросам эпохи. Сюда относятся его статьи «Разговор», «Александр Радищев» и др. о революционных тенденциях русского общества, заметки об отношениях дворянства и демократии к монархии, о положении крестьян, о роли писателя в обществе и других важных проблемах времени. Исторические работы, как, например, «История Пугачевского бунта», «Описание Камчатки» и т. д., он строит полемически, как журналист.

В своих публицистических набросках Пушкин также остается в рамках журна-

листки, не выходя в чистую публицистику. Это еще отмечал Н. Лернер в своей книге «Проза Пушкина». «Пушкину,—писал он,—чужда чистая публицистическая деятельность». В отношении форм Пушкин пользуется не только традиционными жанрами журналистики (статья, рецензия, фельетон, заметка), но и создает новые, вольная литература в журнальный обиход. Он пишет памфлетные сказки, публикует построенную как отрывок из романа «Ро-

славлев» полемическую статью и т. д. Журнальный путь его не менее многообразен и полноценен, чем его поэтическое творчество. И сейчас едва ли не самое важное понять и освоить это его наследие. Этой попытке и посвящена работа Н. П. Дмитриева «Пушкин-журналист», краткое содержание которой здесь изложено. Размер работы 6—8 печатных листов. Книга предполагается к изданию по литературоведческому сектору Гослитиздата.

Писатели о Пушкине

А. С. ДОЛИНИН

Книга под этим заглавием, печатающаяся в Гослитиздате, представляет собою часть материала мною собранного в ходе работы над темой, которую я уже давно задумал под заглавием: «Пушкин в поколениях».

Я пришел к этой теме в нашу советскую эпоху, полную жизни и движения, под тягостным сознанием, что мы, историки русской литературы, все еще страдаем серьезной болезнью — отсутствием чувства дали: мы слепы к перспективе. В сущности мы не имеем права даже называться историками; мы только комментаторы—даже в больших работах, когда пишем книги. Занимаемся ли мы большой или средней величины фигурой—Гоголем, Толстым, Достоевским или Жуковским, мы всегда привязаны точно веревкой к этой фигуре и ее эпохе, за пределы которой боимся выходить.

Лучшие из нас, наиболее добросовестные, хоть трудятся: они спускаются в ту более или менее далекую эпоху со всеми своими «орудиями производства», роются, копаются, — они честно хотят воспроизвести старое здание со всеми его деталями. А когда здание восстановлено, то как часто оказывается, что некого куда посадить: фигура исчезла среди обломков. Это еще самый счастливый случай, если кому-нибудь удастся воссоздать хотя бы некое подобие старинного фона и на нем неплохую модель.

Мы не историки, а археологи, мы работаем среди развалин, и пыль застилает перед нами жизнь в движении, в поколениях. Мы вообще не любим жизни и живых; как и подобает археологам, мы любим иметь дело с мертвым и мертвецами. Так умерщвили историки очень многих, умерщвили и Пушкина, и никто, кажется, не похоронен так глубоко, как он, под грудой наваливающихся на него обломков. Оно и понятно: в течение ста лет справляли не

один его юбилей, и каждый юбилей наваливал на него новые груды обломков.

Эту похоронную роль люди более чуткие уже почувствовали на московских торжествах в июне 1880 г. по случаю открытия памятника Пушкину. Глеб Успенский с горечью рассказывает о том, как его там терзали в течение двух с половиной суток «ежеминутным повторением: Пушкин, Пушкина, Пушкину», отдаляли от него Пушкина все дальше и дальше в глубь прошлого массой фактов, подробностей, материалов, «исключительно относившихся к его времени». И никто из историков не сумел поставить его в связь «с последующими и настоящими течениями русской жизни и мысли», — «выяснить идеалы и заботы, волновавшие умную голову Пушкина, при помощи равнозначущих идеалов сегодняшнего дня», «воскресить их (эти идеалы) среди теперешней действительности».

Между тем, как продолжает дальше Глеб Успенский, это «было бы самым действительным средством к выяснению всей обширности его значения».

Жизнь большого человека именно в поколениях, в истории, в движении, в творчестве следующих за ним деятелей, больших и малых, которые дальше продолжают его традиции, расширяют и углубляют их, волнуясь теми же заботами; иногда и порывают с ними, с этими традициями, борются, отталкиваются от них, но всегда, так или иначе, с ними считаются, из них исходят.

Пушкин и, скажем, романтики 20—30-х годов; Пушкин и писатели-декабристы; Пушкин и Вяземский, Пушкин и Жуковский, Пушкин и Баратынский, Пушкин и Гоголь — это все темы его поколения. Идут затем сороковые годы, пятидесятые, шестидесятые и так далее вплоть до наших дней: какую жизнь он жил для пи-

сателей всех этих эпох? Как они воспринимали его, чем они ему обязаны? Связать Пушкина «с последующими и настоящими течениями русской жизни и мысли» в продолжение пока XIX века — такова задача, которая передо мною возникла. То, что входит в состав этой книги, высказывания о Пушкине самих писателей и есть одна из «материальных» основ для моей темы.

Мною приведены в этой книге высказывания о нем — в письмах и в специальных статьях — около пятидесяти художников слова — беллетристов и поэтов, начиная от старших современников Пушкина — Державина, Дмитриева, Карамзина и кончая исключительными по своей ценности, особенно для нашего времени, высказываниями А. М. Горького.

Картина жизни Пушкина в поколениях выступает очень ярко. Державин знает его только по «Воспоминаниям в Царском селе», написанным в державинском же стиле, и он восклицает: «Державин не умрёт». Карамзин и карамзинисты, бессильные в борьбе с Пушкиным, глухо ропщут в своих кабинетах на его «либерализм». Здесь восприятие однообразное. Пестрота начинается с современников пушкинской же эпохи: декабристы Рылеев, Бестужев-Марлинский, Кюхельбекер, к ним отчасти примыкает и Вяземский 20-х годов, когда он еще ходил в либералах, — все они сознают в Пушкине огромную силу, борются за него в печати, борются иногда с ним самим, поощряют, подсаживают ему те или другие темы. А писатели и поэты, стоящие вдали от «политики», романтики и полуромантики, тоже следят за ним не менее зорко, тянут его в свою сторону: Баратынский, Веневитинов, Одоевский, выступают и архаист Катенин, Языков, Гоголь, который особенно углубленно вдумывается в творчество Пушкина, постоянно себя с ним сравнивая.

Смерть Пушкина, воспринятая с такой горечью лучшей частью русского общества, находит отклик, помимо известного стихотворения Лермонтова, и у таких поэтов, как Тютчев, Кольцов, Жуковский, Огарев и целый ряд других.

И дальше идут замечательные высказывания Герцена, Гончарова, Тургенева, Достоевского, Салтыкова, Некрасова, Чернышевского, Писемского и т. д.

Заботы, волновавшие русское общество в 60-х и 70-х годах, когда классовая борьба впервые приняла формы уже острые, несколько отодвинула у писателей тему о Пушкине; она появляется вновь в 70-х годах и чем дальше, тем больше оживает. Короленко громко заявляет о своем отходе от Писарева, от его беспощадной расправы с Пушкиным; на пушкинских торжествах по случаю открытия памятника выступают со своими итоговыми речами все лучшие писатели и поэты: Достоевский, Тургенев, Гончаров, Островский, Фет, Полонский, Майков, Плещеев и т. д.

Особо стоит Лев Толстой, отношение которого к Пушкину ярко отражает все его искания и колебания: рядом с суровым отрицанием Пушкина с точки зрения патриархального крестьянства есть у него высказывания, полные восторга и благоговения.

Так проходят в книге все более или менее крупные писатели XIX века со своими думами, со своими взглядами на искусство; на Пушкине каждый из них проверяет свой путь, отдает себе отчет, чем он сам обязан ему в своем творчестве и чем обязана ему русская литература в целом.

Так в книге «Писатели о Пушкине» раскрывается жизнь Пушкина в поколениях. Чем жив Пушкин для нашего поколения, для человека нашей советской страны, об этом говорит Горький. Им и заканчивается книга.

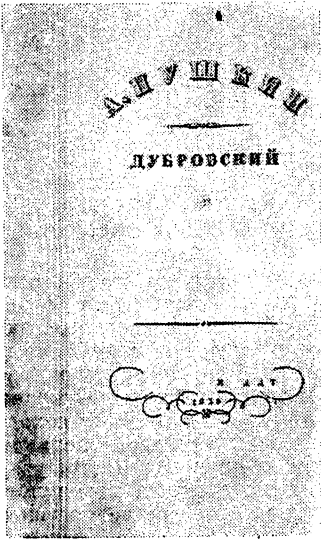
Пушкин в художественной литературе

❖ Первая часть романа Ю. Н. Тынянова «Пушкин» будет вынуждена Гослитиздатом тиражом в 150 000 экз. Этот же роман (обе части в одной книге), небольшим сравнительно тиражом (20 000 экз.), будет выпущен и издательством «Советский писатель».

❖ Вторым изданием выходит в «Советском писателе» роман Ив. Новикова «Пушкин в Михайловском».

❖ Отдельным изданием будет выпущена Гослитиздатом трагедия в стихах Андрея Глобы «Пушкин», первоначально напечатанная в восьмой книге журнала «Красная новь» за 1936 г.

❖ М. Д. Мариц (автор «Сухих ветвей», «Праздника на улице» и «Северного сияния») написала четырехактную пьесу «Терновый венец», посвященную последнему периоду жизни А. С. Пушкина и его трагической кончине. Название пьесы взято из известного стихотворения М. Ю. Лермонтова и определяет ее содержание.

Обложка мас-
сового издания
Пушкина в Гос-
литиздате

❖ Издательство «Искусство» готовится к печати переработанное и значительно расширенное издание книги Абрама Эфроса «Рисунки поэта». Новое, третье по счету, издание будет содержать около 800 рисунков Пушкина. Объем текстовой части 20 печ. листов. Второе издание этой книги, выпущенное издательством «Academia» в 1933 г., содержало лишь 135 рисунков поэта.

Рукописи Пушкина

❖ Первый выпуск фототипического воспроизведения рукописного наследия А. С. Пушкина, хранящегося в собрании Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве, посвящен так называемому «Пушкинскому альбому», то есть той тетради его рукописей, которая у исследователей известна под именем «Тетради № 2374». Выбор этого альбома в качестве первого выпуска публикаций объясняется тем, что собранный в нем материал дает возможность с наибольшей полнотой проследить все многообразие творческого процесса Пушкина. Хронологически альбом охватывает годы 1833—1834. Тематически в нем объединяются: работа над «Медным всадником», лирика указанных лет, черновики «Сказки о золотом петушке» и «Анджело», план «Капитанской дочки» и др.

Транскрипция альбома сделана С. М. Бонди и Т. Г. Зенгер. История его заполнения написана С. М. Бонди. Палеографическое описание альбома выполнено Г. П. Георгиевским. В составлении комментария приняли участие А. А. Ахматова, С. М. Бонди, Д. Д. Благой, Н. К. Козмин, Л. В. Модзалевский, В. В. Тома-

шевский, М. А. Цявловский, А. М. Эфрос и Д. П. Якубович.

Книга выпускается издательством «Academia».

❖ Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина подготавливает к печати исчерпывающее описание всех рукописей, хранящихся в собрании библиотеки. Работы по подготовке книги ведутся С. М. Бонди при участии Г. О. Винокура, Н. В. Измайлова, Т. Г. Зенгер, Л. В. Модзалевского, В. В. Томашевского и М. А. Цявловского.

❖ Здесь же должно быть отмечено и выпускаемое издательством «Academia» «Описание рукописей Пушкина, хранящихся в Пушкинском доме Академии наук СССР». Построенное на тех же принципах, что и выпущенное в 1929 г. описание рукописей Публичной библиотеки («Рукописи Пушкина в собрании Государственной публичной библиотеки в Ленинграде»). Составил Л. В. Модзалевский. «Academia»), новое описание рукописей отличается вместе с тем более высоким общим уровнем работы: более точной спецификацией бумаги автографов, более широкими историко-библиографическими пояснениями к отдельным рукописям и т. д.

Содержание каждого описания складывается из полнотного описания текста, общей характеристики письма, анализа позднейших наслоений, краткого перечня владельцев той или иной рукописи до ее поступления в Пушкинский дом и краткой библиографии публикации.

Описание выполнено Л. В. Модзалевским и В. В. Томашевским, при участии Н. К. Козмина и Д. П. Якубовича.

Пушкинские дни в клубе и школе

❖ Всесоюзный дом народного творчества им. Н. К. Крупской выпускает для клубов и домов народного творчества особый «Сборник материалов к годовщине гибели А. С. Пушкина», составленный А. Корбон и О. Олидором. Весь материал расположен в сборнике по разделам: I. Передовая «Правды» от 17/XII—35. II. Постановление ЦИК СССР об учреждении Пушкинского комитета в связи со столетием со дня гибели поэта. III. Подготовка к пушкинским дням. (Хронологическая канва жизни и творчества Пушкина, перечень основных изданий Пушкина, литература о нем и т. д.). IV. Как читать Пушкина. (Примерный семинар по изучению его творчества). V. Организация бесед и громких чтений. VI. Программы пушкинских вечеров. VII. Пушкин в музыке. (Рекомендательный список). VIII. Иллюстрации.

❖ В помощь клубам и работникам библиотек выпускается Профиздатом не-

Большой сборник «Пушкин», выходящий под редакцией М. А. Цявловского и Г. А. Волкова. В сборнике помещены статьи: Г. А. Волкова — о формах и методах ознакомления с творчеством Пушкина; А. П. Казакевича — о подготовке библиотек к пушкинским дням; Л. В. Крестовой — о работе кружков по изучению жизни и творчества Пушкина (программы, темы для самостоятельных работ, рекомендательный указатель литературы); И. Р. Эйгес — о проведении литературно-музыкальных вечеров; методические указания по устройству выставок в пушкинские дни и т. д.

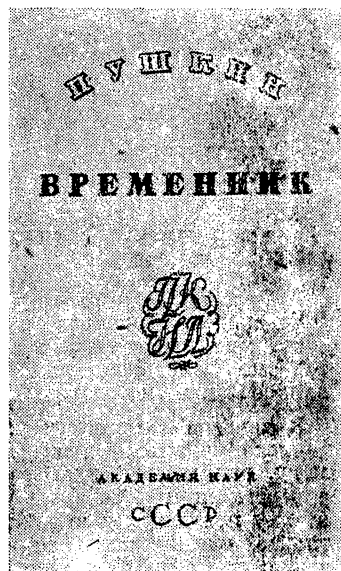
❖ Специально для школ выпущена Учпедгизом книга С. П. Луначарской «Юбилей А. С. Пушкина в школе. Пособие для учителей начальной и средней школы», утвержденное Наркомпросом РСФСР. Сборник составлен из следующих материалов: Значение А. С. Пушкина в русской литературе. О дополнительном изучении Пушкина в школе. Изучение Пушкина в литературных кружках. Программа внеклассного чтения по Пушкину. Школьные вечера, посвященные Пушкину. Пушкинские экскурсии. Выставка иллюстраций школьников к произведениям Пушкина. Выставка в школе «Жизнь и творчество Пушкина». Пушкинские вечера для детей в профсоюзных клубах. Пушкинский юбилей в массовой внешкольной работе с детьми. Темы докладов в юбилейный год. Приложение: 1. Библиография. 2. Список главнейших опер, написанных на темы произведений А. С. Пушкина. 3. Из критических заметок Пушкина.

Книги о Пушкине

❖ Издательством «Советский писатель» будет выпущена книга А. Г. Цейтлина «Пушкин-мастер», посвященная характеристике отдельных сторон писательской манеры Пушкина. Приводим содержание книги: 1. Мастерство Пушкина. Итоги и перспективы его изучения. 2. В лаборатории творчества. 3. Идеичность Пушкина, 4. Характеры. 5. Портрет. 6. Пейзаж. 7. Бытопись. 8. Сюжетика. 9. Язык. 10. Стих. 11. Сатира. 12. Юмор. 13. Лиризм. 14. Жанры. 15. Лирика. 16. Эпическая поэзия. 17. Драматургия. 18. Проза. 19. Стиль Пушкина. 20. Мастерство Пушкина и русская литература XIX—XX столетий. Объем книги — около 20 печ. листов.

❖ Этой же проблеме посвящена и печатающаяся в Гослитиздате книга А. Лежнева «Проза Пушкина. Опыт стилистического истолкования». Проза Пушкина исследуется в книге со стороны языка, ритма,

Титул I тома
„Времен-
ника“

образа и эстетических воззрений Пушкина, сопоставляется с прозой его современников и т. д.

❖ Под редакцией М. В. Храпченко выходит в Гослитиздате большой «Пушкинский сборник», составленный из следующих статей: 1. В. Я. Кирпотин. Пушкин и современность. 2. М. В. Храпченко. Эстетические взгляды Пушкина. 3. С. С. Динамов. Пушкин и Шекспир. 4. М. М. Юнович. Поэт и действительность. 5. М. В. Нечкина. Пушкин и декабристы. 6. Д. Д. Благой. Лирика Пушкина. 7. Д. И. Бернштейн. Драматургия Пушкина. 8. М. К. Добрынин. Евгений Онегин. 9. Н. Л. Бродский. Медный всадник. 10. М. Агсенов. Пиковая Дама. 11. У. Р. Фохт. Проза Пушкина. 12. П. С. Попов. Типические характеры в творчестве Пушкина. 13. Л. И. Тимофеев. Стих Пушкина. 14. Е. Н. Михайлова. О народности творчества Пушкина. 15. А. М. Еголин. Пушкин в советском литературоведении.

❖ Историко-философско-литературный институт выпускает в Гослитиздате, под редакцией А. М. Еголина, сборник «Пушкин», в который войдут статьи: М. В. Храпченко «Пушкин и его время», Я. Металлова «Пушкин и Байрон», Г. Поспелова «Образы и композиции «Евгения Онегина», С. Петрова «Капитанская дочка», А. М. Еголина «Пушкин и Некрасов», Г. Бровмана «Пушкин и Белинский», Н. Искринского «Атеизм Пушкина», А. В. Бакушинского «Пушкин в искусстве», М. Коваленской «Иконография Пушкина», В. Ф. Переверзева «Сказки Пушкина» и другие.

ПУШКИН В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Два пушкинских альбома

Редакция «Книжных новостей» предложила мне рассказать о содержании двух альбомов, посвященных А. С. Пушкину, над составлением которых я работал.

В качестве автора текста и художественного редактора этих монографий я не могу, разумеется, вдаваться в оценку их содержания или хотя бы внешности. Имея в виду исключительно информацию, отмечу только принципиальные установки, принятые в названных изданиях.

Работа по подготовке обоих альбомов ведется уже около двух лет — срок, казалось бы, достаточный. Однако, если учесть ответственность подобных изданий, сложность работы по сборанию и окончательному выбору материалов, неясность и спорность некоторых проблем пушкинской

А. С. Пушкин (в ранней юности).
Портрет работы художника Гейтмана

иконографии, необходимость тщательных проверок и убедительных аргументаций в комментариях, срок этот надо признать минимальным.

По своему содержанию и характеру юбилейные пушкинские альбомы Изогиза и Учпедгиза значительно отличаются один от другого: они преследуют разные цели, идут к ним различными путями и в соответствии с этим своеобразно распределяют репродукционный материал.

В области иконографии Пушкина есть вещи «общеобязательные». Нельзя, например, игнорировать знаменитые портреты, исполненные Тропининым и Кипренским, или группу писателей (Пушкин, Гнедич, Жуковский, Крылов), изображенную Черневым, нельзя обойтись и без такого (несколько загадочного по своему происхождению) портрета, как гравюра Гейтмана (1822), изображающая Пушкина в ранней юности. Эти портреты стали «классическими», они широко известны, множество раз репродуцировались, но, несмотря на их популярность, использованность, общеизвестность, без них нельзя обойтись ни в одном издании, посвященном Пушкину. Естественно, что они помещены в обоих пушкинских альбомах — изогизовском и учпедгизовском.

В отношении посмертных портретов Пушкина возможен свободный выбор, но и тут

«Моцарт и Сальери»

Рис. худ. Кравченко

А. С. ПУШКИН

В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ
И АСУПИТЕЛЬНАЯ СТАТУС
В А Д Е С И Ц К О Г О
ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕДАКЦИЯ
А Д С Л О Н И М С К О Г О
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ
И КОММЕНТАРИИ
Э Ф ГОЛАБЕВА

ОГАЗИЗОГИЗ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСКУССТВ
1972

есть произведения, ставшие «каноническими», несмотря на то, что их художественные достоинства иногда довольно спорны. Таковы, например, «биографические» картины — различные сцены из жизни Пушкина. «Пушкин и Пущин в с. Михайловском» (картина Ге, 1875), «Возвращение Пушкина с дуэли» и «Встреча Пушкина с телом Грибоедова» (акварели Бореля, 1885 и 1892), «Дуэль Пушкина с Дантесом» (картина Наумова, 1884), «Пушкин слушает декламацию Мицкевича в салоне Волконской» (картина Мясоедова, 1890), «Пушкин на балу в Москве» (картина Кардовского, 1911), «Пушкин на лицейском экзамене» (картина Репина, 1911) и т. п. — все эти произведения содержат те или иные иконографические или исторические ошибки, ни одно из них нельзя назвать вполне безупречным, — тем не менее они необходимы как иллюстрации к биографии Пушкина. В комментариях к ним даны соответствующие разъяснения и поправки.

Советские художники, написавшие за последние годы ряд картин, воспроизводящих различные, наиболее значительные моменты в жизни Пушкина, внесли много нового в трактовку образа Пушкина (Кончаловский, Петров-Водкин, Шестопалов, Шведе-Радлова и др.). Даже такая многократно использованная тема, как «Дуэль Пушкина с Дантесом», получила новую интерпретацию в картинах Горбова и Матросова (воспроизводятся в изогизовском альбоме), подчеркнувших трагизм события, жестокость судьбы, постигшей Пушкина. У Наумова эта же сцена изображена с эпическим спокойствием — недаром в 1884 г. в журнале «Шут» появилась карикатура на картину Наумова (Пушкин жалуется, что его не только подстрелили, но еще и переехали санями): в картине неудачна ком-

позиция трех фигур (Пушкин, Дантес и Д'Аршиак), неудачно и расположение саяней.

В отношении огромного иллюстративного материала, связанного с произведениями Пушкина, приходится быть особенно осторожным: здесь принципиально не следует гнаться за полнотой, если бы мы захотели более или менее полно представить художников, иллюстрировавших сочинения Пушкина в последней четверти прошлого века, нам пришлось бы воспроизвести множество иллюстраций, имеющих только внешнее (по названию и сюжету) касательство к Пушкину. Присяжные иллюстраторы «Нивы» и других иллюстрированных журналов в большинстве случаев не чувствовали, не понимали Пушкина и были ремесленниками своего дела, а не артистами.

Ряд прекрасных иллюстраций дали за последнее время некоторые советские художники — Кравченко, Пахомов, Рерберг, Тырса, Кузьмин, Рудаков и др. Часть этих рисунков будет показана в изогизовском альбоме наряду с воспроизведением лучших иллюстративных работ «мироискусников».

Бесспорное значение имеют все иллюстрации к произведениям Пушкина, изданные (или исполненные) при жизни поэта. Они далеко не равноценны по качеству,

„Египетские ночи“

Рис. худ. Кравченко

Из современных иллюстраций к «Барышне-крестьянке»

например, иллюстрации Галактионова к «Бахчисарайскому фонтану» несравненно выше иллюстраций Нотбека к «Евгению Онегину», однако в историческом плане они одинаково интересны, особенно для такого издания, где акцент делается на историческом развитии иллюстрационного искусства, а не на сюжетной стороне иллюстраций.

Альбом Исагиза «А. С. Пушкин в изобразительном искусстве» состоит из двух основных отделов: 1) иконографии Пушкина и 2) иллюстраций к произведениям Пушкина. В иконографическом отделе представлены исключительно портреты самого Пушкина и картины биографического характера. Здесь нет ни портретов современников поэта, ни документов, ни видов местностей, связанных с памятью о Пушкине. В иллюстративном отделе весь материал расположен не в порядке хронологии пушкинского творчества, а в порядке последовательного появления тех или иных иллюстраций.

Ввиду того, что в данном альбоме акцентируется именно изобразительное искусство, а не биография Пушкина и не история его произведений, единственно правильным принципом распределения материала казалось мне размещение его в едином хронологическом порядке, несмотря на некоторые внешние неудобства этого принципа. Неудобства заключаются в следующем. В иконографическом отделе, начиная с 1837 г. и до наших дней, отсутствует как-либо биографическая последователь-

ность: после портретов Пушкина в гробу (работы Мокрицкого, Бруни, Козлова, Жуковского) вновь появляются портреты живого Пушкина, после картин, изображающих Пушкина в 1820—1830-х годах, появляется Пушкин-лицеист (картина Репина) и т. д. Такая «путаница» совершенно неизбежна, если мы хотим показать историю отражения образа Пушкина в изобразительном искусстве на протяжении столетий.

В иллюстративном отделе принцип «художественной» хронологии естественно приводит к тому, что иллюстраций разных художников к одному и тому же произведению (например, к «Евгению Онегину») размещены в разных местах альбома.

Преимущества указанного принципа заключаются в том, что мы имеем развернутую картину эволюции образа Пушкина в изобразительном искусстве и такую же «наглядную историю» иллюстративных интерпретаций пушкинских образов и сюжетов. Это сообщает всему изданию монографическую цельность и позволяет строить комментарий в плане систематического повествования о судьбе пушкинской иконографии и об иллюстраторах сочинений Пушкина.

Репродукции, помещенные в альбоме, группируются следующим образом: 1) прижизненные портреты Пушкина, 2) посмертные портреты Пушкина (с 1837 г. до наших дней), 3) Пушкин в скульптуре (этот отдел является в сущности подразделом предыдущего, но выделен по формальному признаку), 4) рисунки Пушкина, 5) иллюстрации, исполненные при жизни Пушкина, 6) иллюстрации, изданные с 1837 по 1937 г.

Прижизненные портреты Пушкина даны в альбоме с почти исчерпывающей полнотой, посмертная же иконография представлена наиболее типичными и удачными работами. В альбоме воспроизведен ряд портретов Пушкина, исполненных за последние годы советскими художниками В. А. Фаворским, Л. С. Хижинским, Н. И. Шестопаловым и др., воспроизведены и некоторые недавние скульптуры — работы В. Н. Домогацкого, Н. Я. Данько, В. В. Козлова.

Иллюстративный материал представлен также в порядке выбора лучших работ. Здесь показаны исполненные в пушкинское время иллюстрации Галактионова (к «Бахчисарайскому фонтану»), Майделя (к «Цыганам»), Нотбека (к «Онегину») и др., в том числе ранние гравюры на пушкинские темы. Из позднейших иллюстраций воспроизведены работы Брюллова, Агина, Соколова и др., далее показаны иллюстрации Серова, Врубеля, Сурикова, Репина, Лансере, Александра Бенуа и др. В заключении широко отражены произведения советских художников, иллюстрировавших Пушкина (рисунки Кардовского, Конаше-

вича, Тырсы, Пахомова, Рудакова, Кравченко, Рерберга и др.).

Из множества рисунков самого Пушкина выбраны важнейшие, наиболее характерные автопортреты поэта и ряд его набросков иллюстративного (по преимуществу) характера.

Не вошли в альбом различные изделия художественной промышленности, в частности работы палешан (артель с. Палех) — включены в альбом, ввиду того, что им посвящено особое издание Изогиза.

Комментарии к альбому имеют целью освещение не только того изобразительного материала, который собран в данном издании, но и вообще всего изобразительного материала, так или иначе связанного с Пушкиным. Разумеется, обзор «внеальбомного» материала по необходимости краток и не стремится к исчерпывающей информации в отношении незначительных или случайных художественных явлений.

Как ни велик соблазн опубликования в альбоме ряда еще неизданных произведений, вариантов, этюдов и пр., пришлось воздержаться от введения в альбом подобного материала, ибо это безмерно расширило бы объем издания и лишило бы его определенных рамок. Воспроизведение неопубликованных работ иллюстраторов прошлого века завело бы нас очень далеко, не говоря уже о большом количестве неопубликованных портретов и иллюстраций, исполненных за последние десятилетия. Подобная задача представляется мне весьма увлекательной и своевременной, но решать ее нужно другим способом, а именно — надо публиковать неизданные работы отдельных художников (на пушкинские темы), не соединяя при этом разных имен, не связывая их в общую монографию о Пушкине.

Консультативное участие в работе над альбомом Изогиза принимал член Пушкинского комитета проф. М. А. Цявловский, он был первым рецензентом написанного мною комментария, и я считаю своим долгом с признательностью отметить его авторитетный и положительный отзыв о сделанной мною работе.

Должен упомянуть и о том, что Пушкинский дом Академии наук СССР широко предоставил мне возможность ознакомиться с его материалами, в частности в первоначальной работе по учету материала для альбома ценное содействие было оказано мне сотрудницей Пушкинского дома Е. П. Населенко. В дальнейшем, по окончании подбора материала и его описания, в редакционной работе участвовал А. Л. Слонимский (литературная редакция).

Общее количество репродукций в изогизовском альбоме — около 200, из них 12 трехцветных и 8 фототипий. Многие репродукции даны в страничном размере, что позволило при большом формате альбома дать целый ряд довольно крупных изобра-

Из современных иллюстраций к «Посланию в Сибирь»

жений. Хромотипией (трехцветной) воспроизведены такие классические портреты Пушкина, как работы Кипренского и Тропинина, такие популярные картины, как «Пушкин в группе писателей» Чернепова, «Пушкин на лицейском экзамене» Репина, «Дуэль Пушкина с Дантесом» Наумова, две картины Шестопалова и др., из иллюстративных мотивов трехцветной даны «Бахчисарайский фонтан» К. Брюллова и «Дуэль Онегина и Ленского» Репина.

Фототипическая репродукция применена к наиболее тонким по технике гравюрам, не поддающимся полноценному воспроизведению цинкографией, — таковы, например, гравюра Уткина (с портрета работы Кипренского), гравюра Галактионова к «Новоселью» (по рисунку А. Брюллова) и т.п.

Графическое оформление альбома исполнено художником М. В. Ушаковым-Поскопным (титулы, шмуцтитулы, заставки, концовки, начальные буквы) и художником Л. С. Хижинским (переплет). Печатается альбом в типографии имени Ивана Федорова.

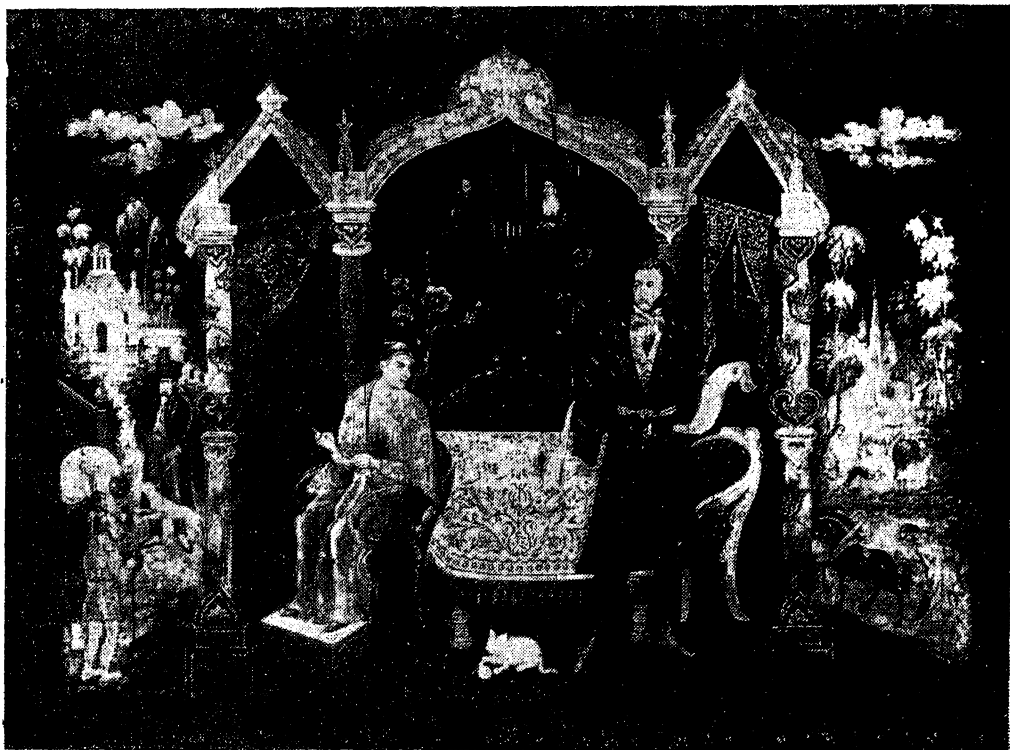
Альбом, издаваемый Учпедгизом, «А. С. Пушкин в портретах и иллюстрациях» построен по иному плану, чем изогизовская монография: здесь выдержан принцип биографической хронологии, т. е. портреты Пушкина и картины, относящиеся к его жизни и деятельности, чередуются с портретами его друзей, родственников, идейных вдохновителей, с видами местностей, в которых он жил, с документами, автографами и т. д.

Альбом составлен мною совместно с проф. В. Е. Евгеньевым-Максимовым, работавшим главным образом над методологическим и педагогическим обоснованием программы этого издания. Отнюдь не игнорируя вопроса художественной ценности изобразительного материала, вошедшего в пушкинский альбом Учпедгиза, пришлось с особым вниманием относиться к сюжетной стороне иллюстраций, к их показательности и т. д. Это издание отличается от изогизовского не только иным планом расположения иконографии, но и другим способом размещения иллюстраций: последние размещены в порядке развития творчества Пушкина и сгруппированы по отдельным произведениям. Этот принцип также не избавляет, к сожалению, от известной построты: устраняя «мешанину» в биографической хронологии, он вносит некоторую непоследовательность в художественную структуру альбома, заставляя давать (иногда рядом) иллюстрации разных художников к одному и тому же произведению. Стилистическое единство в этом случае тем менее достижимо, чем больший промежуток времени отделяет иллюстраторов друг от друга. Поскольку учпедгизовский альбом преследует скорее дидактические, учебные цели, чем искусствоведческие, предпочтение отдано картинам

и иллюстрациям, в которых преобладают повествовательные моменты. Здесь было бы неуместно гнаться за полнотой в подборе работ современных художников, и потому неудивительно, что материал, собранный в альбоме, носит главным образом ретроспективный характер.

Поскольку учпедгизовский альбом, утвержденный Наркомпросом, предназначен преимущественно для школ в качестве наглядного пособия в курсе русской литературы, издательство не могло игнорировать экономические вопросы (книга такого рода должна быть изданием, общедоступным по цене). В связи с этим альбом Учпедгиза в полиграфическом отношении скромнее, чем издание Изогиза. Тем не менее альбом достаточно богат репродукциями (более 100), в числе которых имеются четыре трехцветки. Графическое оформление альбома принадлежит художнику П. Н. Григорьевскому.

Если текст, написанный мною для изогизовского «Пушкина», рассчитан главным образом на искусствоведов, художников и литературоведов, то текст к учпедгизовскому «Пушкину» написан мною в расчете на педагогов и носит характер «путеводителя» по альбому. Пространные комментарии специального характера, казавшиеся мне уместными в искусствоведче-

Пушкин и няня

Иллюстрация из книги Г. В. Жидкова „Пушкин в искусстве Павла“

ской работе, заменены здесь кратким, сжатым изложением важнейших сведений об иконографии Пушкина и об иллюстрациях.

Единоличный выбор того или иного материала для издания, имеющего учебное назначение, был бы неизбежно субъективным и односторонним. Этого недочета, надеюсь, удалось избежать благодаря тому, что я работал в сотрудничестве с проф. В. Е. Евгеньевым-Максимовым, а также имел возможность пользоваться весьма полезными указаниями проф. Д. Д. Благого и проф. Н. К. Пиксанова (рецензировав-

ших нашу работу), а также советами проф. П. Н. Медведева.

Если вспомнить, что в пушкиноведческой литературе в сущности не было до сих пор ни одного издания, аналогичного по типу двум издаваемым ныне альбомам, можно предполагать, что эти первые опыты вызовут дискуссию. Думается, что немалый труд, вложенный в это дело редакционными коллективами обоих изданий, имеет право на строгий, но милостивый суд.

Э. Голлербах

Пушкин в искусстве Палеха

Характеризующим этапом «встреч» творчества Пушкина с изобразительным искусством явилось то, что в число художников, связавших свою творческую деятельность с наследием великого русского поэта, вошел большой сплоченный коллектив художников — мастеров Палеха.

«У Пушкина — что ни строчка, то картина», — говорят художники-палешане. Естественно поэтому, что Пушкин стал наиболее любимым и близким им писателем.

Как же подошли палешане к образам Пушкина? Какова история пушкинской тематики в искусстве палехских мастеров?

Народная песня, с детства хорошо знакомая палешанам — жителям села, первая дала тематической и образный материал для их творчества, она же явилась и первопричиной «встречи» художников Палеха с величаво простым творчеством Пушкина.

Первым произведением великого поэта, привлечшим творческое внимание палешан, была «Сказка о рыбаке и рыбке», воспринятая и понятая палешанами также в силу ее органической связи с фольклором. Очень многие мастера-палешане писали на данную тему; Катухин, Голиков, Вакуров, Зубков, Баженов, Буторян и др. Произведения этих мастеров могут быть разделены на две группы. В первой — композиция включает один-два сюжетных мотива сказки. Эту группу открыл своей работой палешанин Катухин. Вторая группа дает разработку всей сказки в одной композиции. Во главе произведений этого типа стоит расписанный Голиковым портсигар на мотив «Сказки о рыбаке и рыбке». Работа Голикова чрезвычайно характерна для установившегося затем типа сложных палехских композиций на литературные темы. В центре на черном фоне входа в пещеру — старик со старухой; это живописная параллель пушкинскому вступлению к сказке, называющей основных действующих лиц ее. Старик изображен плетущим или чинящим сеть, старуха — за пря-

жей. Так палешанин Голиков, вслед за пятой и шестой строками текста, уточняет характеристику действующих лиц. Горка, в которой находится пещера, омывается вскипающими валами волн, — ведь «у самого синего моря» жили «старик со старухой». Эта центральная сцена композиции окружена шестью изображениями, данными в более мелких масштабах. В первом — ры-

«Кавказ подо мною»

Иллюстрация из книги Г. В. Жидкова
„Пушкин в искусстве Палеха“

Оак, закинувший сеть в море, далее следует возвращение старика домой, где у входа в пещеру лежит уже новое корыто, потом показаны старуха—крестьянка, старуха—столобовая дворянка, старуха—грозная царица, заключительным оказывается эпизод, завершающий пушкинский текст:

«Глядь: опять перед ним землянка,
На пороге сидит его старуха,
А перед нею разбитое корыто».

Следующей пушкинской сказкой, над которой начали работать палешане, была «Сказка о царе Салтане». Любопытно отметить, что внешним толчком к написанию композиций «Три чуда» на тему упомянутой сказки послужило худ. Маркичеву его посещение оперы Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» в Большом театре. Осмысливая значение впечатлений, полученных от спектакля, для создания своих работ, Маркичев, указывает, что ему стало особенно ясно, какие богатства зрительного порядка могут быть вызваны к жизни тем, кто пойдет по пути живописного раскрытия содержания пушкинской сказки.

Вот смысл работ Палеха над пушкинскими темами, в частности над сказками.

Издаваемая в Изогизе книга Г. В. Жидкова «Пушкин в искусстве Палеха» посвящена вопросам истории и мастерства пушкинских работ художников-палешан.

В разделе «Поэмы» Г. В. Жидков увлекательно рассказывает о том, как палешане от отдельных композиций к сказкам подошли к работе над поэмами Пушкина «Руслан и Людмила», «Цыганы», «Граф Нулин», дав здесь целые серии композиций. Художник-палешанин Баканов,

работая над поэмой «Руслан и Людмила», дал не отдельные иллюстрации к отдельным листам поэмы, а последовательно развивающуюся серию композиций на темы поэмы: «Свадебный пир Руслана и Людмилы», «Людмила в саду Черномора», «На склонах тихих берегов» и, наконец, «Дела давно минувших дней». Вот наименование композиций худ. Баканова, в которых очень тонко раскрываются пушкинские образы. Это не простое изобразительное закрепление ситуаций поэмы. Нет, худ. Баканов подходит к самому существу произведения, улавливает его стиль, проникает к самому существу произведения.

Другой художник-палешанин — Буторин также дает ряд композиций на ту же тему поэмы: «Бой Руслана с Рогдаем», «Бой с головой», «Руслан и Черномор».

Очень интересным документом палехской пушкинианы является композиция Дыдыкина «Ратмир у стен волшебного замка». Даже эту тему, казалось бы, связанную с фиксацией одного определенного момента, художник, верный палехским традициям, развивает в плане рассказа.

Но если художник Дыдыкин является типичным палешанином, в смысле принципа развития темы, то в такой же мере он типичный мастер Палеха и в других отношениях. И прежде всего, наряду с другими крупнейшими палехскими живописцами, он выступает как художник, имеющий свое, совершенно особенное творческое лицо. У него свой колорит, свое толкование человеческой фигуры, свое понимание мотивов архитектурного стаффажжа и т. п.

Искусство Палеха заключается в первую очередь в том, что это искусство имеет свое творческое лицо, свои образы, востановленные, правда, на тематике и образах великого поэта. Особенно это проявилось в работах над малыми стихотворными жанрами Пушкина. Первыми из небольших произведений Пушкина, иллюстрированных палешанами, были «Песнь о вещем Олеге» и «Воевода». Над этой темой неустанно работал художник Ватагин, написавший целый цикл превосходных композиционных вариантов.

Очень небольшое стихотворение Пушкина «Буря» принадлежит, как известно, к числу тончайших его лирических вещей. Повествовательному началу в данном произведении отведена очень незначительная роль, что создает чрезвычайные трудности для иллюстратора, поставившего задачу преломить содержание поэтического текста в своем палехском искусстве. Поэтому приходится особенно подчеркнуть большую удачу художников-палешан, работавших над «Бурей». Художник Баканов создает композицию на тему стихотворений «К морю», «Кавказ».

«Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины...»

Действительно, в человеке, стоящем на вершине горы, зритель узнает Пушкина.

Одновременно продолжалась работа над созданием произведений по целому ряду стихотворений, тесно связанных с фольклором: «Казак», «Жених», «Марко Якубович», «Яныш Королевич», «Сестра и брат».

Интересно отметить работу палешан над пушкинскими произведениями в постановках театра. Первым таким произведением великого поэта явилась «Русалка». Ее поэтические образы, красочный язык и неразрывная связь с народным эпосом не могли не привлечь внимания палешан.

Но основное решение проблемы драматизации образов палехского искусства связано с постановкой «Бориса Годунова». Это произведение должно быть признано существеннейшим этапом в творческом развитии не только Буторина, но и всего коллектива палешан. Композиция Буторина захватывает зрителя, сила ее воздействия неразрывно связана с драматическим раскрытием психологического содержания изображаемых персонажей.

Многолетняя упорная работа палешан над произведениями Пушкина не могла, конечно, не поставить перед ними задачи воссоздания образа самого поэта. Возникают попытки написать его портрет. Первый опыт в этом направлении был сделан Н. Зиновьевым. Затем в этом плане работали Серебряков, Мызников, Паликин, Вакуров и др. Но, говоря об образе Пушкина, нужно иметь в виду не столько портреты его, сколько произведения, в которых в качестве действующего лица фигурирует

сам поэт. К примеру: «У лукоморья дуб зеленый», «Кавказ», «К морю». Нужно прямо сказать, что три этих произведения Баканова, Вакурова и Буторина принадлежат к числу лучших, созданных Палехом за последние годы, и являются подлинным украшением Государственного музея палехского искусства.

Пути развития палехского искусства за последние годы ведут к созданию возможностей для решения самых сложных задач в области работы живописца над пушкинским наследием. Смысл развития палехского советского искусства прежде всего заключается в идейном росте людей, создающих это бесценное своеобразное искусство.

«Можно ли было думать, — писал А. М. Горький, — что через иконошник, консервативнейшее ремесло наиболее консервативной области искусства — живописи, мастера Палеха и Мстеры придут к их современному отличному мастерству, которое вызывает восхищение даже в людях, избалованных услужливостью живописцев».

Книга Г. В. Жидкова «Пушкин в искусстве Палеха» показывает те пути, по которым пушкинские произведения, сперва фольклорные и народно-эпические, а затем драматические, проникали в своеобразное творчество палешан. Чрезвычайно интересной является в этой книге раз-

„К морю“

Иллюстрация из книги Г. В. Жидкова „Пушкин в искусстве Палеха“

работка вопроса влияния пушкинской тематики и углубления палехского искусства, связи пушкинского творчества с народным искусством.

Книга прекрасно оформлена и иллюстрирована репродукциями с палехских произведений.

Редактор книги М. Алтекарь.

Книга имеет объем 17 п. л., тир. 5 000 экз.

И. Казаков

Юбилейные издания Изогиза

К столетию со дня смерти гениального русского поэта А. С. Пушкина Государственное издательство изобразительных искусств массовыми тиражами выпускает большую серию красочных и тоновых портретов поэта работы художников Тропинина, Кипренского, Соколова и других. Портреты поэта будут также отпечатаны с надписями на языках народов СССР: казахском, узбекском, чувашском и т. д.

К юбилейным же дням будет выпущено пять названий красочных репродукций с картин: «Пушкин на экзамене в лицее», худ. Реин, «В лицейском саду», худ. Серов, «Пушкин в селе Михайловском», худ. Ге, «Бахчисарайский фонтан», худ. Брюллов, и, наконец, «У лукоморья дуб зеленый», худ. Крамской.

Значительным вкладом к пушкинским дням явятся многокрасочные плакаты художников Буева, Иорданского, Клипча, Клуписа — «Слава великому русскому поэту». Этот плакат будет отпечатан для большинства национальностей Советского союза.

Для круга читателей, интересующихся жизнью и творчеством Пушкина, отражением его личности и произведений в изобразительном искусстве, большой интерес представят издания художественных альбомов.

Альбом «Даты жизни и творчества Пушкина» богато иллюстрирован. В альбом вошло более чем 130 художественных иллюстраций, показывающих жизнь и деятельность великого поэта. «Пушкин в изобразительном искусстве» — этот альбом будет издан в хорошем футляре, объеме 15 печ. листов.

Альбом выходит под литературной редакцией Р. Слонимского, художественное оформление принадлежит худ. Голлербаху.

Особый интерес для широкого круга читателей представляет альбом «Выставка».

Это замечательное художественное издание состоит из 12 стандов: Пушкин и современность. Детство и лицей. От лица до ссылки. Ссылка: Крым, Кавказ и Кишинев. Ссылка: Одесса, Михайловское. Декабристы и Пушкин. Годы странствий. Болдино, Петербург. Последние дни поэта. «Выставка» оформлена ценнейшим и редким красочным иллюстративным материалом, наглядно показывающим жизнь и творчество поэта. Наряду с иллюстративным материалом в «Выставку» вмонтированы выдержки из произведений Пушкина, отзывы о поэте классиков марксизма, а также представителей мировой и советской литературы.

Пушкинские места и реликвии

❖ Выпускаемое МОССХом трехтомное издание «Пушкин в изобразительном искусстве» будет содержать всю пушкинскую иконографию. В альбом войдут как рисунки самого поэта, так и прижизненные и посмертные портреты Пушкина и иллюстрации к его произведениям — от его современников и вплоть до наших дней. Издание будет выпущено в виде альбома, размером 27 × 33 см, под общей редакцией И. К. Луппола. Комментарии и статьи написаны М. Цявловским, А. Эфросом, И. Грабарем, Б. Томашевским и др. Том первый будет содержать около 600 рисунков Пушкина и 30 красочных портретов Пушкина работы современных ему художников. Содержание второго тома составит иконография Пушкина за 1837—1917 гг. В третий том войдут иконография и иллюстрации советского времени. Тираж издания намечается в 5 000 экз.

❖ Этим же издательством будет выпущено 6 альбомов под общим названием «Пушкинские места». Каждый альбом состоит из 12 рисунков, значительная часть которых будет выполнена многоцветной печатью. В оригинальных иллюстрациях альбомов зарисованы наиболее важные места, связанные с жизнью и творчеством поэта: Болдино, Михайловское, Тригорское, Святогорский монастырь (работы художника П. Ф. Осипова), Ярополец, Полотняный завод (обе работы — художника Б. Ф. Рыбченкова), Кавказ, Москва, Петербург и Царское село.

Национальные издательства Пушкину

Задачей настоящей статьи является ознакомление с тем, какие произведения Пушкина выходят на различных национальных языках СССР, в республиках и областях, какие писатели работали и работают над переводами на родные языки бессмертных произведений великого русского поэта.

В Казахстане к переводам произведений Пушкина привлечены лучшие писатели и поэты Казахстана. Еще в 1935 г. Казгосиздатом были впервые изданы «Избранные стихи» Пушкина в переводе Джансугурова, Жарокова и Турманджанова, отдельной книгой вышли также «Кавказский пленник» и «Цыганы» в переводе Жарокова и «Гавриилиада», переведенная Джансугуровым.

К пушкинским дням в Казгосиздате выйдет тиражом в 10 тысяч экземпляров однотомник поэм Пушкина в хорошем оформлении. В него войдут «Евгений Онегин» в переводе Джансугурова, «Руслан и Людмила» в переводе Таджибаева, «Кавказский пленник» и «Цыганы» в переводе Жарокова, «Полтава» в переводе Турманд-

жанова, «Медный Всадник» в переводе Давлетбаева и др. Выйдет также однотомник пушкинской прозы: «Капитанская дочка» и «Дубровский» в переводе Майлина, «Станционный смотритель», «Метель» и др.

Кроме того отдельными книгами для массового читателя выйдут: «Евгений Онегин» в переводе Джансугурова и для детей «Сказки» Пушкина в переводе Майлина и Таджибаева, «Дубровский», «Капитанская дочка» и сборник лирических стихов.

Главным редактором однотомников поэзии и прозы Пушкина является крупнейший казахский поэт-орденоносец Сажен Сейфуллин.

Небезынтересно отметить, как отзывались поэты Казахстана о Пушкине в своих переводах.

Казахский поэт, переводчик «Полтавы» Утебай Турманджанов так говорит о творчестве Пушкина:

«Пушкин велик тем, что он бесплодно передает в своем творчестве народные мотивы, сказки, фольклор. Эти черты мы должны заимствовать у него в первую очередь. Наш казахский народ всегда любил Пушкина, даже до революции пели его стихи в аулах. Мы, поэты освобожденного народа, горячо любим Пушкина».

„Цыганский табор“

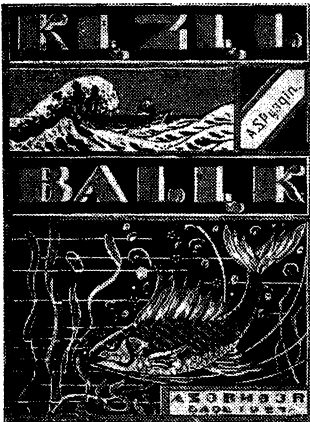
Рисунок Т. Т. Шевченко к несостоявшемуся изданию „Цыган“ Пушкина

Обложка
„Станцион-
ного смо-
трителя“
А.С.Пушкина.
На ассирий-
ском языке.
Гослитиздат.
1936 г.

Другой казахский поэт, переводчик «Медного Всадника» М. Давлетбаев так характеризует свою работу над переводом:

«Для того чтобы перевести произведение Пушкина, мне пришлось изучить переводы других национальных поэтов (например, переводы дореволюционного поэта Токаева и др.). Переводя Пушкина, я пришел к заключению, что, передавая формальную сторону произведения, нужно сделать ее понятной всем без исключения, такой, чтобы ощущался подлинный гений Пушкина. Поэму «Медный Всадник» я пытался перевести понятным языком, стараясь сохранить и содержание, и форму этого великого произведения, но не вдаваясь особенно в тонкие технические формальности».

Обложка
сказки Пуш-
кина — „Зс-
лотая ры-
ба“. На
туркском
языке. Баку.
Азернешр.
1927 г.

В Киргизии над переводами произведений Пушкина работали и работают лучшие поэты и писатели Киргизии. Ранее были переведены «Цыганы» (перевод Маликова), «Сказка о рыбаке и рыбке» (перевод Абдукаимова). Сейчас переводится «Капитанская дочка» (переводит Кирбашев), «Кавказский пленник» (переводит Баялинов), «Сказка о попе и работнике его Балде» (переводит Османов). Переводы войдут в выпускаемый к пушкинским дням Киргизским государственным издательством сборник избранных сочинений Пушкина.

В Туркмении впервые выходят на туркменском языке: «Пиковая Дама», «Порести Белкина», «Дубровский», «Капитанская дочка». Под редакцией крупнейшего туркменского поэта Ораза Ташназарова отдельным сборником выйдут лирические стихи Пушкина в переводе известных туркменских поэтов Карбабаева, Ата Ниязова, Чарыева и др.

В Бурят-Монголии к переводам произведений Пушкина привлечены Солбо-нэ Туя, Дашинамаев, Ширабон, Батоцыренов, Егоров и другие лучшие писатели и поэты. К юбилею Бурят-монгольское государственное издательство выпускает сборник «Избранных произведений» Пушкина объемом 20 печатных листов, куда войдет ряд стихов, сказок, а также «Пиковая Дама», «Дубровский», «Борис Годунов» и другие.

Усиленно готовится к пушкинскому юбилею и Армения, крупнейшие писатели и поэты которой переводили отдельные произведения Пушкина еще при жизни поэта и позже. Современные крупнейшие писатели и поэты советской Армении перевели «Полтаву» (пер. поэта-орденоносца Наира Зарьян), «Медный Всадник» (пер. Е. Чаренца) и «Кавказский пленник» (пер. Г. Сарьяна).

Переведены также: «Пиковая Дама», «Египетские ночи» (пер. Сукиасян), «Дубровский» (пер. Атаян), «Путешествие в Арзрум» (пер. Геворжян). Все эти произведе-

Обложка
„Напитан-
ской дочки“.
На узбек-
ском языке.

ния Армении издает как отдельными книгами, так и сборником произведений Пушкина. Отдельными книгами уже вышли (тираж 4 000 экз.) «Капитанская дочка» (пер. Сукиасяна), тиражом в 3 000 экз. выпущен сборник стихов и сказок Пушкина.

Вместе с этим выходят также работа Г. Ахумяна «Русские писатели о Пушкине», «Критические статьи о Пушкине» Дабаяна и сборник критических статей Туршяна.

Народы Дагестана также готовятся к юбилею. Дагестанское государственное издательство выпускает на аварском, лезгинском, заргинском, кумыкском и лакском языках стихи, поэмы и повести Пушкина. Массовым тиражом на этих 5 языках будут выпущены «Сказки» Пушкина.

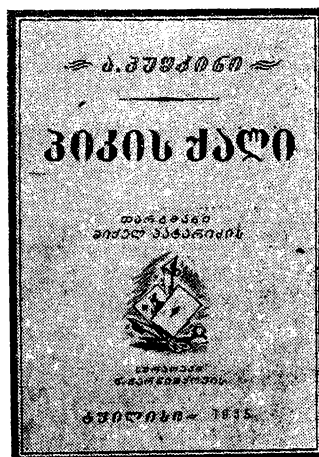
Белоруссия, где произведения Пушкина неоднократно переводились и издавались отдельными изданиями, сейчас также готовится к столетней годовщине гибели великого русского поэта. Народный поэт Белоруссии Янка Купала перевел «Медног Всадника», народный поэт Якуб Колас — «Полтаву», поэт А. Александрович переводит «Руслана и Людмилу», М. Хведорович — «Кавказского пленника». Все переводы войдут в издаваемый Белгосиздатом сборник избранных произведений Пушкина. Помимо этого будет также выпущен сборник его лирических стихов и для детей — книга «Сказок».

В Крыму над переводами произведений Пушкина работали лучшие писательские силы. Крупнейший и старейший писатель Умер Инчи перевел «Капитанскую дочку», поэт Шемьи-Заде — «Бахчисарайский фонтан», Шамиль Алядин — ряд лирических стихов Пушкина, в частности крымских. Писатель Ю. Болат перевел «Дубровского», Осман Амит — «Сказку о рыбаке и рыбке». Все переводы будут выпущены Крымгосиздатом к пушкинским дням.

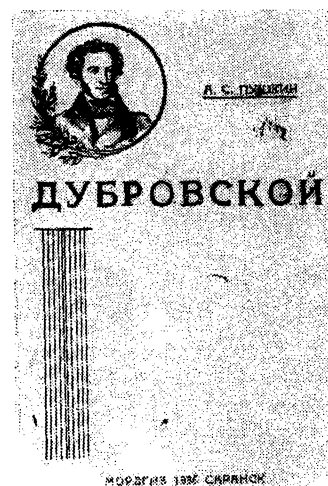
В Татарии, где отдельные произведения Пушкина, в частности его стихи, неоднократно уже переводились и печатались, сейчас широко готовятся к пушкинским дням. В Татгизе уже вышли: в переводе Шамова — «Капитанская дочка», Максудова — «Дубровский», Адрамовой — «Повести Белкина». Переводятся крупнейшими татарскими писателями «Борис Годунов», «Полтава», «Бахчисарайский фонтан» и даже «Евгений Онегин», над переводом которого работает известный татарский писатель Фатхи Бурнаш. Татарские поэты Туфан, Ерикеев, Файзи перевели ряд стихов Пушкина. Все переводы будут выпущены Татгизом к пушкинским дням. Помимо этого выйдет богатый иллюстрированный сборник для детей — «Сказки» Пушкина.

В Башкирии над переводами произведений Пушкина работали известные писатели и поэты Башкирии: Амири, Баймов, Гареев, Салям, Марат, Хай и др. К юбилею Башгосиздат выпускает тиражом

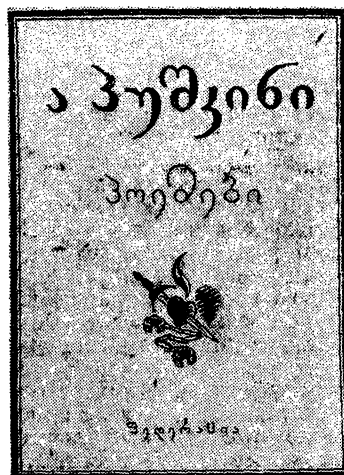
Обложка
„Пиковой
Дамы“. На
грузинском
языке.

Обложка
„Дубровского“, изданного Могизом (1936 г.). На молдавском языке.

Обложка издания Пушкина на грузинском языке.

Болдино

Рис. Г. Берендгофа

в 10 тысяч экземпляров сборник стихов и поэм Пушкина, куда войдут «Цыганы», «Русалка», стихи «Деревня», «К Чаадаеву», «Послание в Сибирь», «Зимний вечер» и др. Отдельным изданием выйдет также «Капитанская дочка».

Чувашский народ, прежде почти не знавший Пушкина, получит к пушкинским дням ряд произведений великого поэта на родном языке. Крупнейший чувашский поэт Хузангай, долгое время работавший над переводом «Евгения Онегина», сдал в производство свой перевод, получивший высокую оценку среди чувашских писателей и на различных литературных и масовых вечерах, где читались отрывки «Евгения Онегина» в переводе Хузангая. Писатель Янгас перевел «Скупого рыцаря», Асли — ряд лирических стихов Пушкина. Переводятся также «Борис Годунов», «Капитанская дочка», «Сказки». Все переводы будут выпущены Чувашгизом.

Марийский народ, почти не имевший на родном языке произведений Пушкина, к юбилейным дням получит ценный подарок. Произведения великого поэта в переводе на мари-луговой язык выходят в Москве в Гослитиздате в 5 сборниках: 1) лирика, 2) сказки, 3) поэмы, 4) драмы и 5) проза. Над переводами работали и работают крупнейшие писатели и поэты луговых марийцев: Чавайн, Шабдар, Олык Ипай, Ялкайн и др. На горно-марийский язык горно-марийский поэт Першуг перевел стихи Пушкина: «Зимнее утро», «Зимний вечер», «Послание в Сибирь», «Узник», «Кавказ», а старейший писатель Игнатьев переводит рассказ «Барышня-крестьянка». Наряду с этим переводится сейчас «Сказка о рыбаке и рыбке» и «О поне и работнике его Балде».

Мордовский народ уже получил на родном языке некоторые произведения Пушкина. На языке мордва-эрзя вышел в Мордгизе в переводе писателя Е. Пятаева «Дубровский», в переводе Лукьянова — «Капитанская дочка», на мокша-мордовском языке «Капитанская дочка» вышла в переводе известного писателя Макса Бебана.

Маленький народ коми, брошенный в глухие леса, также скоро будет читать «Капитанскую дочку» в переводе крупнейшего писателя коми-зырян Виктора Савина, ряд лирических стихотворений великого поэта в переводе поэта Шахова.

Все переводы на коми-зырянский язык будут выпущены Комгизом.

Для цыган Московским Гослитиздатом уже выпущены отдельные произведения Пушкина: «Дубровский» в переводе известного цыганского переводчика и писателя Светлова, «Станционный смотритель» в переводе Панкова.

Маленькие народы, еще так недавно сплошь неграмотные и получившие письменность всего несколько лет тому назад, теперь также смогут прочесть на родном языке произведения великого русского поэта.

Для народов Алтая Западносибирское издательство выпускает на ойротском языке «Капитанскую дочку», на хакасском и шорском языках издаются сказки Пушкина в переводе лучших квалифицированных переводчиков этих народов.

Наконец, для народов советского Дальнего Севера, в прошлом забытых и оставшихся, Ленинградское отделение Гослитиздата печатает сказки Пушкина на языках: мансийском, нанайском, ненецком, эвенкийском, нивском, хантейском и нымыланском. Переводчики — лучшие культурные силы этих маленьких народов.

Уже этот перечень народов СССР, на языки которых переведены и переводятся сочинения великого русского поэта, красноречиво говорит, что сбываются пророческие слова Пушкина:

«Слух обо мне пройдет по всей Руси
великой,
И назовет меня всяк сущий в нем
язык.
И гордый внук славян, и финн, и ныне
дикий
Тунгус, и друг степей — калмык».

Смешными нам теперь кажутся цифры, опубликованные недавно в центральной печати: в царской России 1907—1917 гг. в переводе на национальные языки было издано всего лишь 13 книг великого поэта с общим тиражом в 35 тысяч экземпляров. После победоносной Пролетарской революции с 1917 вплоть до 1935 г. на национальных языках было выпущено 300 тысяч экземпляров книг Пушкина.

В 1936 г., по подсчетам Пушкинского комитета, произведения великого поэта переводились свыше чем на 50 языков народов СССР. К юбилейной годовщине выйдет свыше миллиона переводных пушкинских изданий.

В. Волкова

Пушкин в Грузии

К пушкинским торжествам в Тбилиси грузинским филиалом Академии наук СССР издается большой историко-литературный сборник «Пушкин в Грузии» на грузинском и русском языках. Сборник состоит из трех разделов с многочисленным иллюстративным материалом. Первый раздел посвящен описанию Грузии в пушкинскую эпоху. Второй раздел посвящен пребыванию Пушкина в Грузии. Сюда вошли статьи и различные архивные материалы о пребывании поэта в Тифлисе и т. д. В этом разделе ряд специальных тем: «Пушкин в Грузии по воспоминаниям современников», «Кавказские знакомые Пушкина», «Пушкин и Грибоедов», «Декабристы в Грузии», «Комментарии к «Путешествию в Арзрум» и др. Третий раздел сборника расскажет о «Грузии в творчестве Пушкина». Сюда же войдут статьи: «Пушкин в театре и в грузинской музыке», «Переводы произведений Пушкина на грузинский язык», «Пушкин и грузинская литература», «Грузия в русской литературе пушкинской эпохи», «Пушкин в оценке грузинских критиков» и др. В составлении сборника принимают участие видные ученые, писатели и литературоведы Грузии. Сборник дает возможность ознакомиться с целым рядом новых исторических материалов, фактов, касающихся пребывания поэта на Кавказе, что значительно пополняет все то, что было до сих пор известно о проживании великого поэта в Тифлисе, и несомненно будет иметь большое значение как для читателя, изучающего творчество поэта, так и для пушкиноведа. Грузинский поэт Г. Леонидзе в своей статье-комментарии к «Путешествию в Арзрум», рассказывая о встречах и знакомствах Пушкина во время пребывания в Тифлисе, сообщает новые интересные данные о грузинской песне Д. Туманишвили, переданной поэту в 1829 г. Песня эта, широко известная в народе, была (пока еще не известно кем) переписана для Пушкина. Рукопись ее находилась у Пушкина в бытность его в Арзруме. Сейчас выяснены некоторые подробности, связанные с получением этой песни и жизнью поэта в Тифлисе. 27 мая 1829 г. А. С. Пушкин приехал в Тифлис и остановился в трактире (так назывались раньше гостиницы), находившемся на нынешней Пушкинской улице.

Одной из серьезнейших причин поездки поэта на Кавказ было его стремление избавиться от установленного за ним строгого полицейского надзора. Но найденные недавно в архиве Главного управления кавказского наместника за 1827—1831 гг. и в Центрархиве Грузии документы показывают, что и в Тифлисе, и в Арзруме Пушкин не избавился от тайных «допечений» царской полиции.

Еще 12 мая, когда Пушкин, ехавший на перекладных, находился где-то около Георгиевска, высшее должностное лицо на Кавказе — главнокомандующий армией генерал Паскевич, получивший из Петербурга от генерал-майора Остен-Сакена секретное донесение, отдал тифлисскому военному губернатору Стрекалову приказание:

«Известный стихотворец, отставной чиновник X класса Александр Пушкин отправился в марте из С.-Петербурга в Тифлис, а как по высочайшему Е. И. В. повелению состоит он под секретным надзором, то прошу не оставить распоряжением вашим о надлежащем надзоре за ним по прибытии его в Грузию».

Этим, однако, дело не ограничилось.

Кроме Стрекалова, наблюдать за Пушкиным должен был тифлисский гражданский губернатор, получивший 14 мая предписание «по прибытии Пушкина обратить на поведение его строгое внимание и доносить секретно об образе его жизни».

Пушкин, пробывший в Тифлисе около двух недель, несомненно знал о слежке за ним и был настороже. Он даже не рисковал отправлять к родным письма по почте и отправлял их оказией через приятелей, ехавших в Петербург. За это время не сохранилось ни одного письма Пушки-

Рис. В. Чемберс к «Тиковой Даме».

на. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин довольно скуп описывает свое пребывание в Грузии. Многие лица, друзья, общественные деятели, с которыми он встречался, скрыты в «Путешествии в Арзрум» под инициалами или под одной буквой.

За поэтом шпионили всюду, где он только ни бывал. Сам генерал Стрекалов, пригласивший Пушкина к себе на обед, не упускал случая «лично обращаться на образ его жизни подлежащее внимание».

Шеф жандармов генерал Бенкендорф, которому после восстания декабристов было поручено наблюдать за поэтом, был сильно обеспокоен отъездом Пушкина в Арзрум. Он не оставлял Пушкина в покое и в его поездке на Кавказ, добившись установления за ним негласного надзора.

Пушкин в Тифлисе был приветливо встречен грузинскими литераторами, служилыми людьми, лицейскими товарищами. Его окружали вниманием и любовью. Некий К. И. Савостьянов, встречавшийся с Пушкиным в это время, рассказывал впоследствии в письме к В. Горчакову о том, что каждый почитатель Пушкина приглашал поэта на обед, вечер или завтрак, старался с ним встретиться, поговорить, «всякий жаждал беседы с ним». Поэта увлекали грузинскими песнями, пленяли непосредственным колоритом народного творчества. Две недели его пребывания в Тифлисе пронеслись, как сон. Однажды встреча поэта была устроена в одном из загородных садов за Курой. К. И. Савостьянов, рассказывая об этом вечере, пишет: «Все веселилось от души, смеялись и одушевление всех было общее... Пушкин в этот вечер был в аполтезе душевного веселия, никогда и никто его не видел в таком счастливом расположении духа, он был не только говорлив, но даже красноречив, между тем как обыкновенно он был более молчалив и мрачен. Как оригинально Пушкин предавался этой смеси азиатских увеселений, как часто он вскакивал с места после перехода томной персидской песни в плясовую лезгинку, как это пестрое разнообразие европейского с восточным ему нравилось и как он от души предавался ребячьей веселости. Несколько раз повторялось, что общий серьезный разговор останавливался при какой-нибудь азиатской фарсе, и Пушкин, прерывая речь, бросался слушать или видеть какую-нибудь тамашу грузинскую или имеретинского импровизатора с «вольной»».

«...Тут и вурна, тамаша, и лезгинка, и заунывная персидская песня «Ахало».

В этих записках современника особенно важно отметить сейчас упоминание песни «Ахало». Пушкин в «Путешествии в Арзрум» во второй главе, по всем данным, писал именно о ней, приводя тут же в переводе отдельные строфы. В «Путешествии в Арзрум», описывая свое пребы-

вание в Грузии, он отмечал: «Голос песен грузинских приятен; мне перевели одну из них слово в слово: она, кажется, сложена в новейшее время, в ней есть как-какая-то восточная бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство. Вот вам она:

«Душа, недавно рожденная в раю! Душа, созданная для моего счастья! От тебя, бессмертная, ожидаю жизни.

От тебя, весна цветущая, от тебя, луна двунедельная, от тебя, ангел мой хранитель, от тебя ожидаю жизни.

Ты сияешь лицом и веселишь улыбкою. Не хочу обладать миром: жочу твоего взора. От тебя ожидаю жизни.

Горная роза, освеженная росой! Избранная любимица природы! Тихое, потайное сокровище! От тебя ожидаю жизни».

Текст этой песни, как было установлено грузинским поэтом Г. Леонидзе, принадлежит перу известного грузинского поэта конца XVIII и начала XIX веков Дмитрия Туманишвили. Д. Туманишвили умер в 1827 г., создание же песни относится к последним годам XVIII века. Грузинский текст этой песни имеется в Центральном музее Грузии в одном из рукописных сборников. Песня, называвшаяся «Ахал агнаго суло да» (душа, вновь рожденная в раю), пользовалась большой популярностью в народе до начала XX века и уже ныне переложена на ноты.

В песне 35 строк, разделенных на 7 строф. А. С. Пушкин перевел отдельные строки из первой, второй, третьей и шестой строф.

В связи с этим исключительный интерес представляет найденная в Пушкинском доме в его личном архиве запись этой грузинской песни, переданная А. С. Пушкину в 1829 г. в дни его пребывания в Тифлисе. Обнаруженная рукопись с текстом песни представляет собой лист писчей бумаги. На лицевой стороне в два столбца неизвестной рукою написан грузинский текст и дословный перевод на русский язык под заглавием «Весенняя песня». На обороте листа Пушкиным сделан карандашом ряд рисунков, связанных с пребыванием в Тифлисе: профиль грузинки и др. Нужно полагать, что Пушкин не знал, что песня принадлежит поэту Туманишвили, и считал ее произведением устного грузинского творчества.

Сейчас перед пушкиноведами возникает новый вопрос: кем была переписана для Пушкина эта песня? Разрешение этого вопроса прольет в некоторой степени свет на связь поэта с представителями тогдашней грузинской общности.

Оговариваемся еще раз, что сборник «Пушкин в Грузии» выходит в Тбилиси к пушкинским дням.

Е. Сикар

Азербайджан к юбилею Пушкина

Азербайджанский турецкий народ всегда с любовью и с наслаждением читал произведения великого русского поэта А. С. Пушкина. Первые удачные переводы Пушкина («Цыганы», «Кавказ», «Утопленник», «Пророк» и др.) на азербайджанский язык были сделаны еще до революции, в начале XX столетия одним из талантливых азербайджанских поэтов Аббас Сиххатом.

Но в те времена азербайджанский народ находился под ужасным гнетом русского царизма и был совершенно безграмотным. Поэтому переводы произведений великого поэта не могли распространяться в массовых тиражах. Среди широчайших масс трудящегося населения Пушкина знали очень немногие. Самые незначительные его произведения были доступны детям начальных и средних школ.

И только после победы Великой пролетарской революции и осуществления ленинско-сталинской национальной политики в советском Азербайджане Пушкин стал популярным и доступным широким массам трудящихся. Произведения Пушкина стали издаваться в тысячах экземплярах и распространяться во всех уголках советского Азербайджана.

В связи с подготовкой к столетию со дня трагической гибели великого поэта в Азербайджане с особым энтузиазмом готовятся к этому дню. Пушкинский комитет при СНК АССР, под руководством тов. У. Рахманова, развернул большую работу по изданию пушкинских произведений, библиографических и исследовательских материалов о Пушкине на турецком языке. Все переведенные на турецкий язык произведения Пушкина (стихи, проза, драмы) будут изданы «Азербешром» в трех томах, тиражом в 10 000 экз. каждый.

В том I войдут «Борис Годунов», «Цыганы», «Медный всадник», «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник» и «Полтава». В этот же том входят и стихи Пушкина: «Кавказ», «Узник», «Памятник», «Деревня», «Пророк», «Анчар» и др.

В том II входят: «Калитанская дочка», «Пиковая Дама», «Дубровский», «Повести Белкина».

В том III — «Евгений Онегин».

В работе по переводу произведений Пушкина сейчас принимают участие лучшие силы писателей советского Азербайджана. Талантливый поэт-орденоносец Самед Вургун после двухлетней упорной работы перевел главное произведение Пушкина «Евгений Онегин». Эта триумфальная победа в области перевода классиков русской литературы на азербайджанский язык несомненно открывает новую полосу в развитии нашей национальной литературы.

Силуэт А. С. Пушкина

Работы Е. Е. Лансере

До появления турецкого перевода «Евгения Онегина» в виде отдельной книги ежедневная газета «Коммунист» (турецкий) уже начала систематически печатать сделанный Самед Вургуном перевод.

Поэт М. Мюшфик перевел «Цыган» и «Полтаву» Пушкина, а Ахмед Джавад — «Медного всадника», М. Рза Кули Заде — «Бахчисарайский фонтан», а другие поэты и писатели — «Пиковую Даму», «Бориса Годунова», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Сказку о царе Салтане», «Сказку о золотом петушке» и др.

Будет издан также сборник стихов, посвященных Пушкину.

Поэт и литературовед М. Рафили подготавливает для печати в связи с юбилеем Пушкина свою книгу «Пушкин и Азербайджан». Здесь, впервые публикуются оригинальные, и очень ценные документы, показывающие связь Пушкина с поэтами и писателями тогдашнего Закавказья. И кроме того выйдет книга того же автора на турецком языке «Жизнь и творчество А. С. Пушкина».

Наши молодые советские поэты и писатели теперь будут иметь широкие возможности непосредственно на своем родном языке изучать произведения и учиться у Пушкина художественному мастерству и добросовестному отношению к литературному творчеству. Воистину Пушкин был и, остается одним из великих учителей наших азербайджанских поэтов и писателей.

Мы думаем, что юбилей таких великих поэтов, как Пушкин, Руставели и Сабир, безусловно будут способствовать еще более тесному сплочению народов нашего великого Советского союза под знаменем пролетарского интернационализма и социалистической культуры.

Председатель ССП Азербайджана
С. Шамилов

Пушкин на узбекском языке

На лондонском фестивале народного танца выступала народная артистка Узбекистана танцовщица Тамара Ханум. Англичане были поражены, узнав, что в далеком Узбекистане, который они и не мыслили иначе, как варварской, дикой страной, в Узбекском академическом театре ставится «Гамлет» Шекспира. С горечью они должны были признать, что в самом Лондоне ни одна пьеса Шекспира не ставится уже в течение десяти лет. Так решается вопрос о культуре прошлого и ее истинном наследнике.

Нет ничего удивительного, что тот же узбекский театр им. Хамса в пушкинские дни поставит «Бориса Годунова». Нет ничего удивительного и в том, что великий русский национальный поэт становится поэтом народов советской страны. Узбекский рабочий и искл.ник впервые познакомится с творчеством одного из гениальнейших мировых писателей.

...На высокогорном курорте Чимган, в 100 километрах от Ташкента, был разбит необычный лагерь. Там жила группа узбекских писателей — переводчиков Пушкина, которым правительство Узбекистана создало специальные условия для работы над переводами. Писатели пробыли в Чимгане два месяца. К 1 октября 1936 г. работа по переводам была ими закончена. Директор Узгиза т. Гияз Ходжаев дал обещание, что к юбилейным дням читатель получит Пушкина на узбекском языке.

Что же переведено на узбекский язык из произведений великого поэта?

Прежде всего — «Евгений Онегин». Перевод его выполнен одним из лучших поэтов Узбекистана т. Айбеком, который начал эту работу ещё в 1935 г. В распоряжении переводчика был год — срок, может быть, и недостаточный для перевода этого важнейшего произведения Пушкина, к тому же наиболее трудного для перевода, но благодаря напряженной работе т. Айбек со своей задачей справился.

Поэт Усман Насыр, один из наиболее культурных поэтов Узбекистана, обладающий солидной эрудицией в области мировой и русской литературы, что помогло ему глубже понять Пушкина, перевел «Бахчисарайский фонтан» (кстати, это уже вторая крупная переводческая работа Усмана Насыра — им недавно очень удачно переведен «Демон» Лермонтова).

«Русалку» и «Кавказского пленника» перевел поэт Хамид Алимджан.

Над «Борисом Годуновым» (перевод еще не закончен) работает Чолпан, переводчик «Гамлета», один из лучших знатоков поэзии.

Из стихотворений Пушкина для перевода выбраны лучшие образцы его общественно-политической поэзии и лирики: «Чаадаеву», «В Сибирь», «Деревня», «Узник», «Поэт», «Анчар», «Вновь я посетил...»,

«Памятник», «Я помню чудное мгновенье», «Зимний вечер», «Осень», «Для берегов стчизны дальной» и др., всего до 2 000 строк. Шейх-Задэ переводит «Моцарта и Сальери».

Темир Фаттах переводит «Цыган», Ихъбек — сказки Пушкина.

Из прозы Пушкина переводятся «Капитанская дочка», «Станционный смотритель» и «Дубровский». Первые две вещи уже были один раз переведены и изданы Узгизом. Но перевод оказался настолько слабым, что явилась потребность заново перевести эти вещи. Эту работу выполнил один из лучших узбекских прозаиков — т. Абдулла Кахар.

Очень сложно обстоит вопрос с биографией Пушкина. Узбекистан не располагает своими «пушкинскими» силами, чтобы самостоятельно выполнить эту трудную работу. Москва до сих пор популярной биографии не дала. Вот почему Узгиз решил выйти из положения, переведя биографию, написанную Томашевским, предпосланную к пушкинскому однотомнику.

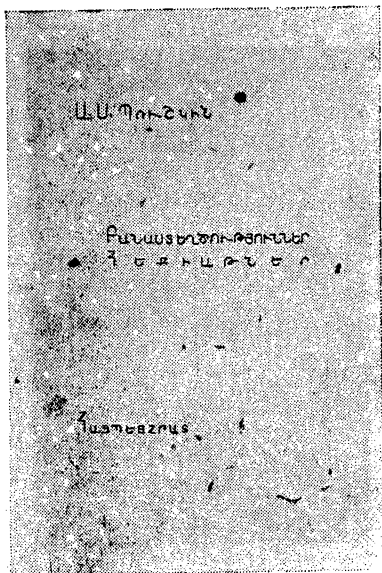
* * *

Республиканская юбилейная комиссия наметила ряд мероприятий по проведению столетия со дня смерти Пушкина. Театры дадут пушкинские постановки и концерты. При Госэстраде организованы две вокальных и одна речевая группы, дающие выездные пушкинские концерты. В парках культуры и отдыха Ташкента будут проведены пушкинские вечера-карнавалы. Музей искусств готовит художественную выставку «Пушкин и его эпоха». В ряде школ организованы пушкинские кружки и проводятся вечера.

Следует отметить работу Государственной публичной библиотеки Узбекистана, которая уже провела ряд лекций о Пушкине, вечер-концерт «Пушкин в музыке». Сейчас библиотека готовит большую выставку.

Ещё в 1877 г. в Государственную публичную библиотеку, поступило собрание старых изданий XVI—XVIII вв. из фонда библиотеки Главного штаба. Многие из этих книг принадлежали И. П. Липранди (имеют его автограф), с которым Пушкин был близок, находясь в Кишиневе. Известно, что Пушкин в Кишиневе много работал и читал. Возможно, что он пользовался и книгами Липранди. Вместе с Липранди Пушкин ездил в Бендеры, интересуясь могилкой Мазепы, иначе говоря, он уже тогда интересовался событиями петровского времени — походом Карла XII на Украину, «изменой» Мазепы, Полтавской битвой. Очень естественно поэтому предположить, что Пушкин лично был читателем того экземпляра книги о Карле XII (изд. 1741 и 1745 гг.), который был у Липранди и находится в Публичной библиотеке.

Секретарь Пушкинской юбилейной комиссии Ю. Круковский

Обложка издания А. С. Пушкина. На армянском языке.

Пушкин на украинском языке

Лучшие поэты и переводчики советской Украины работают над переводом на украинский язык произведений Пушкина. Поэт Максим Рыльский, давший в свое время мастерский перевод «Медного Всадника», закончил теперь полный перевод «Евгения Онегина». Рыльским переведены также «Пир во время чумы» и сказки «О золотом петушке» и «О попе и работнике его Балде». Над переводом сказок «О царе Салтане», «О рыбаке и рыбке» и «О мертвой царевне» работает известный украинский переводчик Б. Петрушевский. Им же выполнен перевод трагедий Борис Годунов». Поэт Микола Бажан закончил перевод «Моцарта и Сальери». Поэт В. Сосюра перевел поэмы: «Кавказский пленник» и «Цыганы». «Полтава» переведена Саввой Головановским, «Скупой рыцарь» — Будавичем, «Бахчисарайский фонтан» — Е. Фоминым. Над переводом «Анджело» работает поэт И. Кулик, над переводом «Руслана и Людмилы» и «Каменного гостя» — Микола Терещенко. «Русалку» переводит Сведзинский. Молодой поэт Карский перевел «Братьев разбойников» и «Графа Нулина». Отдельные лирические стихотворения Пушкина переводят П. Тычина, М. Рыльский, Л. Первомайский, Масенко, Крыжановский, Терещенко, Сосюра и др. Избранная проза Пушкина переведена Б. Ткаченко. Общая редакция переводов поручена Максиму Рыльскому.

В Пушкинский комитет поступают, помимо того, из разных мест Украины десятки переводов отдельных произведений Пушкина. Некоторые крупные произведения переведены по несколько раз. Так, «Бориса Годунова», кроме Б. Петрушевского, перевели А. Сорока и Бриж. Над переводом «Бориса», по заданию Управления по делам искусств УССР, работает также поэт В. Сосюра. «Евгения Онегина», кроме М. Рыльского, для изд-ва «Молодий більшовик» перевел Кочур.

Государственное литературное издательство Украины «Держлітвидав» выпускает ряд произведений Пушкина в массовом и художественном изданиях. Тиражом в 50 тыс. экз. выйдет однотомник избранных произведений Пушкина, объемом до 60 печ. листов, с большим количеством иллюстраций. Кроме того, ряд произведений Пушкина выйдет отдельными книгами, в двух оформлениях: массовом (тиражом 20—30 тыс. экз.) и художественном (тираж 10—20 тыс. экз.), в том числе: «Евгений Онегин», «Медный Всадник», «Руслан и Людмила», «Дубровский», «Пиковая Дама». Массовыми изданиями выходят также все сказки, повести «Калитанская дочка», «Метель», «Станционный смотритель» и три книги лирики Пушкина.

Б. Т.

Пушкин и башкирский народ

В связи с приближающимся столетием со дня гибели А. С. Пушкина на башкирском языке выходит сборник 24 лирических произведений великого поэта. Отдельными изданиями в переводе на башкирский язык выходят «Борис Годунов» и «Пиковая Дама».

Во многих районах Башкирии ведется массовая подготовительная работа, которую связывают с развертыванием стахановского движения на предприятиях и в колхозах.

На страницах башкирских газет печатаются статьи: «Пушкин и башкирский народ», «Молодость Пушкина», в ряде газет — биографические очерки о Пушкине. В юбилейные дни Башкирским государственным академическим театром будет ставиться «Борис Годунов» на башкирском языке.

Радиозулы и станции систематически передают отрывки из произведений Пушкина. Вместе с этим по инициативе Юбилейной пушкинской комиссии при БашЦИКе проведены лекции о творчестве Пушкина для областного партийного актива и для актива в четырех районах Башкирии; ряд художников пишет картины на тему «Пушкин среди башкир» и «Пушкин в степях Башкирии».

Секретарь Пушкинской юбилейной комиссии при ВЦИКе Ш. Шагретдинов.

Пушкинские издания в Карелии

К столетию со дня гибели А. С. Пушкина Карельское государственное издательство «Кирья» издает 4 тома произведений А. С. Пушкина, каждый тиражом по 2500 экз. Первый том содержит избранную лирику и поэмы: «Медный Всадник», «Кавказский пленник»; «Граф Нулин», «Братья разбойники» и «Бахчисарайский фонтан».

Во второй том вошли сказки Пушкина: «Сказка о царе Салтане», «Сказка о попе и работнике его Балде», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о золотом петушке» и «Как весенней теплою порою».

Третий том содержит избранную прозу: «Капитанская дочка» (издана отдельной книжкой в 1935 г. в изд-ве «Кирья»), «Дубровский» (издана отдельной книжкой в изд-ве «Кирья» в 1935 г.), «Шиковая Дама» (издана отдельной книгой в 1936 г. в изд-ве «Кирья» в Петрозаводске, перевод Ялмари Виртанен) и «Повести Белкина».

Четвертый том — «Евгений Онегин». Перевод этого романа, сделанный в Финляндии, нуждался в коренной переработке. Новый перевод романа поручен мне.

Кроме вышеуказанных сочинений А. С. Пушкина, Карельский научно-исследовательский институт издает небольшой сборник статей о Пушкине. В сборник входят следующие статьи: 1) Пушкин о русском языке, 2) Пушкин в школах, 3) Пушкин в карельском фольклоре, 4) Пушкин в русском фольклоре, собранном в Карелии, 5) Карельские варианты пушкинских сказок, 6) Ганнибал в ссылке в Соловках, 7) Переводы Пушкина на финский язык в Советской Карелии.

Сборник рассчитан на 5 печ. листов, тираж — 1500 экз.

Переводами на финский язык лирических стихов и поэм заняты в Карелии Ялмари Виртанен и Тату Вятяйнен, в Ленинграде — М. Хело и М. Хусу, в Москве — Армас Айкия и Карь-Халмс. Пушкинский комитет в Карелии поручил окончательную редакцию переводов гг. Хиппенен, заведующему отделом школ и политпросветработы обкома, Ялмари Виртанен и литературоведу Вяйнэ Аалто.

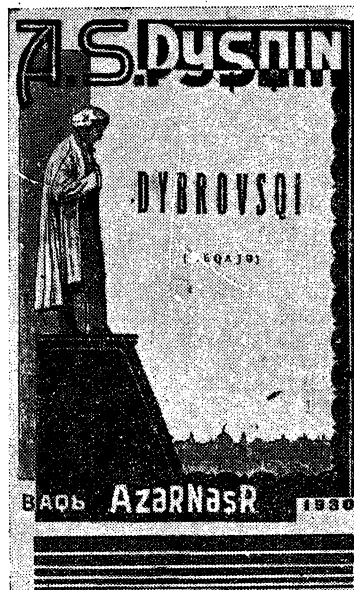
Я. В.

Пушкин в Калмыкии

Сталинградское краевое издательство к юбилейным пушкинским дням выпустило сборник сказок А. С. Пушкина. Сюда вошли сказка «О золотом петушке», «О попе и работнике его Балде», «О царе Салтане», «О рыбаке и рыбке». Тираж сборника — 20 000 экз.

В помощь пропагандисту будет издан специальный сборник статей о Пушкине,

Обложка
к «Дубров-
ского». На
туркском
языке. Баку.
Азербейр.
1930 г.

опубликованных в «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде» и «Литературной газете».

Кроме этого, силами местных литературоведов, критиков и писателей выпускается сборник критических статей о Пушкине.

Для начинающего читателя будет издан сборник пушкинской прозы.

Большую работу по переводу произведений Пушкина на калмыцкий язык проводит правление Калмыцкого союза советских писателей (г. Элиста).

Уже вышли из печати «Повести Белкина» в переводе Г. Давана. Сейчас т. Даван закончил перевод «Евгения Онегина».

Поэт Хосыр Сян-Бельгин перевел сказки Пушкина: «О царе Салтане», «О рыбаке и рыбке», «О попе и работнике его Балде», «О мертвой царевне и семи богатырях». Все сказки напечатаны в калмыцких газетах «Улан-Хальме», «Улан-Бахчуд» и издаются отдельной книжкой. Ранее Сян-Бельгин опубликовал перевод «Зимнего вечера» и вступление к «Медному Всаднику».

Поэт Кару Манджиев перевел «Памятник» и «Послание в Сибирь».

Организована пушкинская выставка, в районах на заводах и фабриках организованы пушкинские комитеты, краевой драматический театр ставит трагедию Пушкина «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Скупой рыцарь», специальное лекционное бюро силами местных литературоведов, научных работников и критиков проведет ряд лекций.

Краевое правление Союза советских писателей к пушкинским дням выпускает специальный номер литературной газеты.

Отв. секретарь Сталинградского союза советских писателей Гр. Смольяков

Пушкин в Чечено-Ингушетии

До сих пор произведения Пушкина не издавались в переводах на чеченском и ингушском языках, если не считать нескольких мелких стихотворений, переведенных ингушским поэтом Х. Муталиевым и помещенных в школьных хрестоматиях.

В 1936 г. Союз советских писателей разработал план издания пушкинского отнотомника. Для работы над переводами были выделены наиболее талантливые поэты и переводчики.

«Однотомник» выходит в Чечено-Ингушском национальном издательстве. В него войдут следующие произведения: «Капитанская дочка», «Дубровский», «Кавказский пленник», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Гасуб» и целый ряд избранных стихотворений: «Пророк», «Памятник» и др.

«Кавказского пленника» перевел талантливый молодой поэт Н. Музаев. Отдельные стихотворения Пушкина переводятся поэтами Муталиевым, Озиевым, Айсхановым.

Переводчикам приходится преодолевать немалые трудности. Главная трудность коренится в специфических свойствах чеченского и ингушского языков. Дело в том, что в этих языках ударение всегда падает на начальный слог. Поэтому ямбический размер, излюбленный Пушкиным, с трудом поддается переложению. Наши переводчики преодолевают это препятствие следующим образом: в начале каждой строки они ставят односложное слово. При таком условии ритмическая структура стиха дает полное впечатление ямба. Переводы Пушкина — хорошая школа для наших поэтов.

«Я учусь у великого поэта краткости и кристальной прозрачности мысли», — говорит поэт Музаев.

Переводчики Пушкина

Я перевел сказку Пушкина

До самых последних лет произведения великого русского поэта А. С. Пушкина почти не были известны удмуртскому читателю. В 1918 г. вышла «Сказка о попе и работнике его Балде» в авторизованном переводе Макс. Прокопьева, где были искажены и ритмика, и содержание, и даже название: «И поп дурак», хотя по замыслу переводчика, видимо, должно было быть «Поп и дурак».

Кроме этой сказки имелись переводы двух-трех стихотворений Пушкина, совершенно не характерных для его творчества в целом.

В 1933 г. я перевел «Сказку о попе и работнике его Балде» вновь, ни в какой степени не придерживаясь старого, про-

копьевского перевода. Специфика перевода поэтических произведений на наш язык обусловлена языковой особенностью. Дело в том, что удмуртский язык не только не имеет родов, но и ударения в словах, за очень редкими исключениями, приходится на последнем слоге, так что не все ритмические и рифмовые нюансы уловимы при переводе.

Тираж — 10 000 экз. на чеченском языке и 5 000 экз. на ингушском

Отв. секретарь Союза советских писателей Чечено-Ингушетии **Родзаевский**

Пушкин на удмуртском языке

Удмуртский Госиздат выпускает четыре книги пушкинских произведений: «Сказки», «Капитанская дочка», «Дубровский» и «Избранные стихотворения». К юбилейным дням выйдет пушкинский сборник, в который войдут «Повести Белкина».

Сказки — «Сказка о попе и работнике его Балде» в переводе Арк. Багай, «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о царе Салтане» в переводе Ал. Эрика вышли в одном сборнике, тиражом в 4 000 экз. Сборник напечатан крупным шрифтом, книга большого формата, рисунки художника Ф. В. Иванова.

К юбилею Удмуртгиз выпускает отдельными книгами произведения Пушкина: «Капитанскую дочку» и «Дубровского» в переводе Егорова, сборник избранных стихов, над переводами которых работают Лушанин и Эрик.

Райкомы ВКП(б) Удмуртской автономной республики проводят для партактива «пушкинские вечера». На эти вечера партийцы съезжаются в районные центры, зачастую с семьями, чтобы услышать доклад о творчестве великого русского поэта, отдельные его произведения или отрывки, из них в исполнении чтецов и артистов.

Арк. Багай.

копьевского перевода. Специфика перевода поэтических произведений на наш язык обусловлена языковой особенностью. Дело в том, что удмуртский язык не только не имеет родов, но и ударения в словах, за очень редкими исключениями, приходится на последнем слоге, так что не все ритмические и рифмовые нюансы уловимы при переводе.

Ритмика оригинала сохранена мною, а в рифмовке, в силу языковых особенностей, допущены некоторые отступления.

Исключительных трудностей в переводе сказки не было, поскольку подобные скалочные мотивы, образы и перепетии встречаются в наших народных сказках. По отзывам и прессы, и отдельных товарищей перевод мне удался.

Арк. Багай

Мамед Рагим о своих переводах

«В переводах я старался не только сохранить пушкинскую форму, красочный язык, народность, но, по возможности, и рифму... В процессе работы над переводами я изучил не только само творчество Пушкина, но и исторические материалы о его творчестве. Все это помогло мне понять настроения автора глубже, осмыслить образы, яснее представить идею произведения. Например, конец стихотворения «Послание в Сибирь», где говорится:

«...Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут»,

я переделывал несколько раз, переделывал не потому, что плохо, не художественно выходило, а потому что не ощущалось того бурного чувства, которое вкладывал в строки Пушкин».

Хамид Алимджан о своем переводе „Русалки“ и „Кавказского пленника“

«Прежде чем начать переводить, я ознакомился с литературой о Пушкине, характеризующей его эпоху, характер его произведений и место данных произведений в мировой литературе. Я прочел Белинского, Луначарского и ряд других представителей русской критики. Для перевода на узбекский язык «Русалки» я взял одиннадцатисложный размер узбекского стихосложения и для «Кавказского пленника» — девятисложный. Эти размеры мне казались наиболее приемлемыми для передачи пушкинского стиха. В процессе перевода каждое четверостишие мне пришлось переводить и давать в 7—8 вариантах. В день я переводил всего 20 строк. Я избегал буквального перевода, который принижал бы произведение Пушкина. Прежде всего я обратил внимание на содержание, на дух данного произведения и постарался передать на узбекском языке именно пушкинский дух «Русалки» и «Кавказского пленника». Переводя Пушкина, мне пришлось проделывать большую работу в области языка. Я использовал много узбекских народных слов, которых никогда не употреблял в моих стихах раньше. Работа над Пушкиным дала мне как поэту очень большой урок. Она научила меня, как нужно вообще работать над стихом. И, переводя каждую строчку гениального Пушкина, я каждый раз думал об этом. Каждая удачно переведенная мною строка доставляла мне очень большую радость».

Моя работа над переводом Пушкина

Трудную задачу возложила на меня Карельская пушкинская комиссия. Я должен частично переводить лирику Пушкина и под моей редакцией должен выйти первый том поэм и лирики Пушкина. Редактирование этого тома нелегкое дело, так как переводчики Пушкина переводят впервые и не каждый из переводчиков полностью владеет трудным этим мастерством.

Но еще более трудная работа впереди: мне предстоит заново переводить блестящий памятник мировой поэзии — «Евгения Онегина». Сначала мне было поручено сделать необходимые поправки к переводу, сделанному в Финляндии (книга там вышла в 1936 г., переводчик Лаури Кемиляйнен), но я в процессе этой работы увидел, что без нового перевода тут не обойтись. Это потому, что ради формы переводчик часто далеко отходит от оригинала и иногда прямо искажает содержание. Поэтому я в Карельской пушкинской комиссии ставил вопрос о том, что лучше уже не спешить слишком с изданием «Евгения Онегина», а дать необходимое для такой трудной работы время: пусть книга выйдет и не к столетию смерти Пушкина, а позже, но в безупречном переводе. Комиссия с моим предложением была согласна. По-настоящему работу над переводом «Евгения Онегина» я начну только в начале 1937 г.

Я. Виртанен

М. Мюшфик о своих переводах „Цыган“ и „Полтавы“

«В 1928 г. я впервые принял за перевод замечательной поэмы Пушкина «Цыганы» на тюркский язык и сделал это быстро. Но перевод получился неудачный. Было допущено много ошибок, вольностей и неточностей. Неудача меня постигла главным образом потому, что в процессе работы я не изучал тех необходимых материалов о творчестве Пушкина, которые раскрывают характеры персонажей произведения и настроения самого автора. Позже я это понял и решил сделать совершенно новый перевод «Цыган». Предварительно я занялся изучением тех материалов, которые относились к периоду путешествия Пушкина по Бессарабии и его работы над поэмой. По нескольким раз я прочитывал критические высказывания Белинского и только потом засел за перевод. Второй перевод получился удачнее. В нем я постарался избежать арабско-персидских выражений, полнее передать захватывающую пушкинскую характеристику, красочность образов и языка».

ПУШКИНА

Пушкинская текстология

(Библиографический обзор)

Первое посмертное собрание сочинений Пушкина в восьми томах было издано в 1838 г.; через три года, в 1841 г., было выпущено три дополнительных тома, составлявших преимущественно рукописное наследие Пушкина. В связи с выходом в свет именно этого издания были написаны знаменитые одиннадцать статей о Пушкине В. Г. Белинского. Великий критик отрицательно оценивал издание как по линии расположения материала, так и по качеству редактуры.

Второе издание собрания сочинений Пушкина вышло через четырнадцать лет, в 1855 г. Это второе издание, отредактированное П. В. Анненковым, было в то же время первым критическим изданием сочинений Пушкина. Оно состояло из шести томов, из которых первый том был занят «Материалами для биографии Пушкина», составленными П. В. Анненковым. В 1857 г. вышел седьмой дополнительный том. В связи с выходом в свет анненковского издания были написаны критические статьи о Пушкине Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым.

Анненковское издание сочинений Пушкина было перепечатано в двух изданиях Геннади 1859—1860 и 1869—1871 гг. С 1880 г. началась редакторская работа над Пушкиным сначала П. А. Ефремова, а затем П. О. Морозова, выпустивших целый ряд изданий. С 1887 г., когда прекратились авторские права наследников Пушкина на его сочинения, начался выпуск самых разнообразных изданий — и много-томных и однотомных.

С 1899 г. стало выходить собрание сочинений Пушкина, издаваемое Академией наук. За восемнадцать лет (1899—1917) было издано всего лишь пять томов, охвативших лирику Пушкина до 1828 г. и «Историю Пугачевского бунта», то есть сравнительно небольшую часть литературного наследия Пушкина. В 1928—1929 гг. вышел девятый том (в двух полутомах), содержащий критическую прозу Пушкина, и на этом незаконченное академическое издание, растянувшееся почти на

тридцать лет, было приостановлено. В настоящее время все в этом старом академическом издании (очень громоздком, содержащем все черновики и варианты) безнадежно устарело. Растянность издания на долгие годы обусловила неравномерность в его выполнении и разноречивость редакционных принципов отдельных томов. Издание это может быть полезно только специалистам для справок.

В ряду всех старых собраний сочинений Пушкина до наших дней сохраняет свое значение, конечно, анненковское издание как первое критическое издание сочинений Пушкина. Из позднейших изданий надо выделить издание Брокгауза и Ефрона под редакцией С. А. Венгерова («Библиотека великих писателей», 6 томов, 1906—1916), и восьмитомное (малого формата) издание «Просвещения» под редакцией П. О. Морозова (1903—1906).

Брокгаузовское издание очень ценно наличием в нем целого ряда вступительных статей, написанных авторами-специалистами об отдельных периодах жизни и творчества Пушкина и об отдельных его произведениях. Статьи эти очень неравномерно качества, но некоторые из них не потеряли значения и до сих пор. Недостатками издания являются, во-первых, его хаотичность, неясность общего плана (в издании трудно разбираться); во-вторых, полное отсутствие истории текста, вариантов и черновиков, а также и комментариев ко всей прозе. Текст брокгаузовского издания зачастую произволен, и сейчас, в связи с огромными достижениями пушкинской текстологии, представляется, конечно, совершенно неудовлетворительным. Так же неудовлетворительно по тексту и очень устарело издание «Просвещения» под редакцией П. О. Морозова. Однако при всех его недостатках это издание очень удобно, стройно по плану, снабжено краткими, но содержательными комментариями и должно считаться одним из лучших старых изданий сочинений Пушкина.

Советские годы были годами огромных успехов в деле изучения и издания текстов Пушкина. В состав полного собрания сочинений Пушкина именно в советские годы включен целый ряд ранее неизвестных произведений — с одной стороны; с другой — значительная часть литературного наследия Пушкина теперь свободна от тех цензурно-политических, редакторских и типографских извращений,

которыми она была обезображена в царское время.

Очень показателен рост изданий Пушкина за советские годы. Еще в 1918 г. было выпущено 21 издание книг Пушкина с общим тиражом в 212 000 экземпляров. В 1919 г., в пору экономической разрухи и гражданской войны, было напечатано 17 изданий с тиражом в 725 000 экземпляров. С октября 1917 г. по январь 1936 г. советскими издательствами было выпущено 248 изданий Пушкина, в том числе несколько полных собраний сочинений и отдельных произведений поэта. Общий тираж всех изданий — 6 390 000 экземпляров. Кроме того, свыше 30 изданий Пушкина (около 200 000 книг) вышло в переводе на языки народов СССР. Пушкин издан на языках белорусском, украинском, грузинском, армянском, узбекском, казахском, тюркском, туркменском, немецком, марийском и других. Об итогах текстологической и редакторской работы по Пушкину, проделанной в советские годы, можно судить по двум обзорам: Б. В. Томашевского «Издания стихотворных текстов» и Д. П. Якубовича «Издания текстов художественной правды». Оба обзора, помещенные в Пушкинском томе «Лит. наследства», дают критический анализ и оценку всем основным изданиям сочинений Пушкина за 1917—1934 гг. и важнейшим публикациям новых текстов Пушкина за это же время.

Самой первой попыткой дать советскому читателю подлинные тексты Пушкина, не искаженные ни цензурой, ни редакторами, очищенные от всяких наслоений и искажений, были издания отдельных произведений Пушкина в серии «Народная библиотека» (анонимной коллективной редакции) (Петроград, Госиздат, 1919—1920). Точные тексты, критически проверенные по рукописям и изданиям самого Пушкина, давала и другая серия петроградского Госиздата, выпущенная в 1923—1924 гг. В этой серии были изданы: «Каменный гость», «Дубровский», «Повесть Белкина», «Полтава», «Поэмы 1821—1824 гг.», «Борис Годунов», «Домик в Коломне», «Граф Нулин», «Драматические сцены», две части «Стихотворений». Отметим, что «Каменный гость» был издан с приложением вариантов и истории текста, а «Дубровский» был напечатан по черновым рукописям, заново прочитанным. Об исключительных трудностях прочтения и редактирования «Дубровского» можно получить представление по статье Б. В. Томашевского «Судьба «Дубровского» (Книга и революция», 1923 г. № 11-12 (23-24).

Из других изданий первых лет после Октябрьской революции нужно выделить критически проверенное издание «Евгения Онегина» (Пг., Госиздат, 1920) со вступительной статьей и примечаниями М. Л. Гофмана. В 1922 г. вышло критическое

издание «Гаврилады» под редакцией, с комментариями и статьей Б. В. Томашевского. В том же году вышел «Домик в Коломне» с приложением статьи М. Л. Гофмана «История создания и текста «Домика в Коломне».

Огромное значение для популяризации Пушкина имело издание однотомника избранных его произведений, осуществленное тем же Госиздатом в Петрограде. Критически проверенный текст однотомника был подготовлен К. И. Халабаевым и Б. В. Томашевским. В 1924 г. вышло в свет первое издание однотомника; в 1925 г. — второе, дополненное издание; в 1928 г. — третье, еще более дополненное издание. Четвертое и пятое издания, выпущенные в 1928 и 1929 гг., были перепечатками третьего издания без всяких дополнений. В 1933 г. вышло в свет шестое издание (на титульном листе ошибочно обозначенное как пятое), осуществленное без редакторской корректуры и вышущенное с нового набора без согласия редакторов. Это издание изобилует огромным количеством трубейших опечаток и от него следует предостеречь читателя.

В 1936 г. Гослитиздатом был издан новый однотомник избранных сочинений Пушкина под редакцией, с биографическим очерком и примечаниями Б. В. Томашевского. Нужно подчеркнуть, что в этом новом однотомнике вдвое более текстов Пушкина, чем в старом.

Этапное значение в развитии пушкинской текстологии, в деле приближения к наиболее точному подлинному тексту Пушкина имело полное собрание его сочинений в шести томах под общей редакцией Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, В. И. Соловьева, П. Н. Сакулина и П. Е. Щеголева, изданное в 1930—1931 гг. в качестве приложения к журналу «Красная нива». В работе над этим изданием принимали участие виднейшие пушкинсты-текстологи. Издание было задумано как «черновое» к неосуществленному академическому изданию. Все тексты Пушкина были проверены насквозь по рукописям и прижизненным изданиям. В результате этой работы было сделано много текстологических открытий: некоторые вещи даны были в новых редакциях, было прочтано много черновилов Пушкина, ранее считавшихся неразборчивыми, и т. д.

Полное собрание сочинений Пушкина, выпущенное в качестве приложения к «Красной ниве», в исправленном виде было переиздано Гослитиздатом в 1931—1933 гг. в пяти томах (последний, пятый том в этом издании состоит из двух полутомов). Не был переиздан только «Путеводитель по Пушкину», который мы отметили выше. В 1934 г. было выпущено второе издание полного собрания сочинений Пушкина в шести томах, а в 1935—1936 гг. вышло третье, исправленное и дополнен-

ное издание шеститомника. В настоящее время выходит четвертое издание. Но нужно отметить, что во всех изданиях шеститомника отсутствуют комментарии. К настоящему времени мы имеем только одно незаконченное еще, комментированное издание полного собрания сочинений Пушкина (в девяти томах малого формата), выпускаемое издательством «Academia». Текст этого издания в основном воспроизводит текст шеститомника, а комментарии рассчитаны на широкого читателя. К столетию юбилею Пушкина издательство «Academia» выпускает новое издание полного собрания его сочинений в высокохудожественном и роскошном оформлении (в шести томах).

Остановимся на судьбах юбилейного издания сочинений Пушкина, предпринятого Академией наук СССР. Подготовка к этому изданию была начата еще в 1933 г., когда состоялась специально созданная Академией наук конференция пушкинистов. В 1935 г. вышел в свет первый том юбилейного академического издания (том VII), объединяющий все драматические произведения Пушкина. Издание было задумано как широко комментированное, и том VII был выпущен с громадными комментариями, являющимися по существу исследованиями об отдельных произведениях Пушкина. В октябре 1936 г. произошла реорганизация плана академического издания в смысле отказа в этом издании от комментариев и перенесения комментариев в специальные сборники. К Пушкинскому юбилею должно выйти в свет несколько томов академического издания нового типа, со всеми черновиками и вариантами, но без комментариев.

В этом обзоре мы отмечаем только основные, лучшие издания сочинений Пушкина и не упоминаем о разнообразных изданиях отдельных его произведений, которых особенно много было в 1935—1936 гг. Мы сказали выше, что в советские годы были сделаны большие успехи в области изучения и издания текстов Пушкина. Ознакомлению с задачами и методами пушкинской текстологии, с той суммой сложных и тонких вопросов, которые встают перед исследователем рукописей Пушкина и редактором его сочинений, может помочь книжка Б. В. Томашевского «Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения» (Л., «Образование», 1925). В начальных главах этой работы дана картина судеб рукописного наследия Пушкина, сделан критический обзор всех основных изданий сочинений Пушкина, начиная с прижизненных, и даны показательные примеры из рукописей Пушкина. Аналогичной же задаче — введения в пушкинскую текстологию — может служить и книга С. М. Бонди «Новые страницы Пушкина» (М., 1931). В популярной форме Бонди показы-

вает конкретную работу пушкиниста-текстолога, раскрывает приемы изучения черновиков Пушкина и демонстрирует итоги и достижения текстологических исследований. Из книжки Бонди можно получить хорошее представление о том, как удается прочитывать черновики Пушкина, оставшиеся неразобранными в течение многих десятилетий, как, на основе анализа черновиков, открываются новые не известные ранее тексты Пушкина. Назовем и другие работы С. М. Бонди — его статьи: «Историко-литературные опыты Пушкина» («Лит. наследство», № 16—18) и «Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой лампе» («Временник Пушкинской комиссии», т. I).

Основные фонды рукописей Пушкина в настоящее время сосредоточены в трех государственных архивохранилищах: в Государственной публичной библиотеке им. В. И. Ленина (б. Румянцевский музей) в Москве, в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и в Пушкинском доме Академии наук СССР. Подробное описание рукописей, хранящихся в б. Румянцевском музее составлено было В. Е. Якушкиным и напечатано в «Русской старине» 1884 г. Труд этот, являющийся до самого последнего времени настольным справочником всех пушкинистов-текстологов, сейчас очень устарел. Ведется работа по подготовке нового описания — на основе всех правил современной текстологической техники. Образцовое описание пушкинских рукописей, хранящихся в Гос. публичной библиотеке в Ленинграде, сделано Л. Б. Модзалевским в брошюре «Рукописи Пушкина в собрании Гос. публичной библиотеки в Ленинграде» (Л., 1929). Рукописи, хранящиеся в Пушкинском доме, научно описаны Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским при участии других исследователей; «Описание» в ближайшее время выходит из печати в издательстве Академии наук СССР. Отметим, что ряд рукописей Пушкина, его семейные родовые бумаги, и пр. хранятся в Гос. литературном музее в Москве (см. «Летопись Гос. литературного музея», книга I «Пушкин». Редакция М. А. Цявловского, М., 1936, 604 стр.).

К сожалению, не все рукописи Пушкина стали собственностью советского государства. Отдельные пушкинские бумаги продолжают еще находиться в частных руках, а есть документы, находящиеся и за рубежом как в музеях и архивах, так и у частных лиц. Учета всех рукописей Пушкина по месту их хранения до сих пор не имеется. В силу этого до самого последнего времени были возможны находки, новых, не известных ранее рукописей. Подобные находки, конечно, еще будут и в дальнейшем.

Н. И. Мордовченко,

Книги и периодика 1936 года о Пушкине

Указатель дает список книг и статей о Пушкине, а также рецензий на издания Пушкина, появившихся в 1936 г. Регистрация материала закончена 1 декабря т. г. Таким образом в список включены книги, газеты и журналы, фактически вышедшие до этого времени. Новые материалы будут даны дополнительно по мере их выхода из печати. При составлении настоящей библиографии использованы следующие издания: «Временник» № 1, «Детская литература» №№ 1—18, «Звезда» №№ 1—9, «Звенья» № 6, «Знамя» №№ 1—9, «Известия» (январь—ноябрь), «Книга и пролетарская революция» №№ 1—11, «Красная новь» №№ 1—9, «Книжные новости» №№ 1—26, «Комсомольская правда» (январь—ноябрь), «Литературная газета» (январь—ноябрь), «Литература в школе» №№ 1—5, «Литературный Ленинград» (январь—ноябрь), «Литературный критик» №№ 1—9, «Литературное обозрение» №№ 1—20, «Литературный современник» №№ 1—10, «Литературная учеба» №№ 1—9, «Молодая гвардия» №№ 1—10, «Наши достижения» №№ 1—8, «Новый мир» №№ 1—9, «Октябрь» №№ 1—10, «Правда» (январь—ноябрь), «Резец» №№ 1—21, «Советское искусство» (январь—ноябрь), «Смена» №№ 1—10, «Театр и драматургия» №№ 1—10, «30 дней» №№ 1—9.

1. КНИГИ О ПУШКИНЕ

«Борис Годунов» А. С. Пушкина. Об. статей Б. П. Городецкого, А. Л. Слонимского и др. Под общ. ред. К. Н. Державина. Л. Гос. акад. театр драмы. 1936. 191 стр.

Голубев, В. Пушкин в изображении Репина. Под ред. И. И. Бродского. М.—Л. Академия наук СССР. 1936. 99 стр.

Желанский, А. Сказки Пушкина в народном стиле. «Балда», «Медведиха», «О рыбаке и рыбке». Опыт исследования по рукописям поэта с 2 фотоснимками. М. Гослитиздат. 1936. 159 стр. Рецензия — «Лит. газета» № 58. Стр. 4 (Я. Рошин).

Мэриме, П. Александр Пушкин. Пер., предисл. и прим. А. Виноградова. М. Жургазобъединение. 1936. 45 стр.

Новиков, И. Пушкин в Михайловском. Роман. — М. «Советский писатель». 1936. 368 стр. Рецензия — «Лит. современник» № 10. Стр. 214; «Лит. газета» № 63. Стр. 2 (В. Вересаев).

«Пушкин». Временник Пушкинской комиссии. I. М.—Л. Изд. Академии наук СССР. 1936. Стр. 424. Рецензия — «Лит. обозрение» № 18. Стр. 38—41 (В. Алек-

сандров). «Лит. газета» № 42. Стр. 4 (И. Сергиевский).

«Пушкин». Сборник. Публикации и комм. М. Беляева, Д. Благого, Т. Волковой и др. Ред. М. Цявловского. М. Жургазобъединение. 1936. 609 стр.

Штрайх, С. Первый друг Пушкина (И. И. Пущин). М. Жургазобъединение. («Жизнь зам. людей»). 1936. 48 стр.

Щеголев, П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Ред. и прим. М. А. Цявловского. М. Жургазобъединение. 1936. 400 стр.

2. СТАТЬИ О ПУШКИНЕ

Аграновский, И. В селе Михайловском. «Комс. правда» № 207 16/IX. Стр. 3. Азадовский, М. Источники сказок Пушкина. «Временник» № 1. Стр. 134—163.

Азадовский, М. Рецензия на книгу Пушкина «Сказки». (Изд. 2-е. Л.—М. «Молодая гвардия». 1933. 136 стр.). «Временник» № 1. Стр. 322—328.

Александров, А. Страна советов готовится к пушкинским торжествам. «Лит. современник» № 8. Стр. 194—216.

Александров, В. «Сеятель» и «Чернь». (К спорам о значении Пушкина). «Лит. критик» № 4. Стр. 43.

Александров, В. Рецензия на книгу «Временник». (Л.—М. Академия наук СССР. 1936. 424 стр.). «Лит. обозрение» № 18. Стр. 38—41.

Александров, В. «Шестисотлетнее дворянство». (О некоторых политических теориях Пушкина). «Лит. критик» № 7. Стр. 13—40.

Альтман, М. Роман Белкина. (Пушкин и Достоевский). «Звезда» № 9. Стр. 195—204.

Альтман, М. С. К истории текста эпиграммы «Там, где древний Кочерговский». «Временник» № 1. Стр. 215—217.

Арденс, Ник. Пушкин в музыке. «Известия» № 90 (16/IV). Стр. 3.

Аронсон, М. К истории «Медного Всадника». «Временник» № 1. Стр. 221—226.

Ахматова, А. «Адольф» Бенжамена Констан в творчестве Пушкина. «Временник» № 1. Стр. 91—114.

Ахметелн, А. В. Нерешенная задача (Пушкин и театр). «Лит. современник» № 8. Стр. 169—171.

Б. О. «Углубленный» Пушкин. (А. Глоба «Пушкин»). «Лит. Ленинград» № 48. Стр. 3.

Бел, Мих. Пушкин на экране. «Смена» № 9. Стр. 46.

Благой, Д. Из материалов редакции

академического издания Пушкина: «Временник» № 1. Стр. 368—377.

Благой, Д. Враги поэта. «Смена» № 9. Стр. 39.

Благой, Д. Пушкин на экране. («Дубровский»). «Известия» № 107 (9/V). Стр. 4.

Благой, Д. Рецензия на «Полное собрание сочинений» Пушкина, т. VII. (Л. Академия наук СССР, 1935). «Лит. критик» № 5. Стр. 232—238.

Благой, Д. Творческий путь Пушкина. «Смена» № 9. Стр. 29—30.

Бельчиков, Н. Добролюбов и Пушкин. «Лит. газета» № 7. Стр. 4.

Белявский, М. Земляки А. С. Пушкина в Москве. «Лит. газета» № 7. Стр. 6.

Бонди, С. Неопубликованные стихи. «Известия» № 131 (6/VI). Стр. 3.

Бонди, С. Неопубликованные стихи поэмы «Руслан и Людмила». «Смена» № 9. Стр. 27.

Бонди, С. Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой лампе». «Временник» № 1. Стр. 33—52.

Вальбе, Б. Н. Я. Чаадаев и Пушкин. «Лит. Ленинград» № 53. Стр. 3.

Вальбе, Б. Пушкин-очеркист. «Лит. учеба» № 3. Стр. 87—106.

Варшавский, С., Рест, Б. Отмщенный Пушкин. «Лит. газета» № 38. Стр. 2.

«Великий русский поэт». «Известия» № 131 (6/VI). Стр. 1.

Вересаев, В. «За то, что живой». «Известия» № 131 (6/VI). Стр. 3.

Вересаев, В. Жизнь Пушкина. «Известия» № 230—232, (3/X—5/X).

Вересаев, В. Около Пушкина. Заметки. «Звенья» № 6. Стр. 169—182.

Вересаев, В. Живой Пушкин. (О романе Ив. Новикова «Пушкин в Михайловском»). «Лит. газета» № 63. Стр. 2.

Викторов, В. Здесь жил Пушкин. «Смена» № 9. Стр. 40—42.

Винокур, Г. Об изучении Пушкина. «Лит. критик» № 3. Стр. 67—82.

Винокур, Г. Крымская поэма Пушкина. «Красная новь» № 3. Стр. 230—243.

Винокур, Г. Собрания сочинений Пушкина. «Книжные новости» № 4. Стр. 18—21.

Винокур, Г. Кто был цензором «Бориса Годунова». «Временник» № 1. Стр. 203—214.

Винокур, Г. Историзм и художественный вымысел. (А. Глоба «Пушкин»). «Лит. газета» № 56. Стр. 2.

Винокур, Г. О статье Н. Свирина «Пушкин и Восток» («Звезда» № 4. 1936). «Временник» № 1. Стр. 346—348.

Вяземский, П. А. Письма к жене за 1830 год. Пред. и комм. М. С. Боровковой-Майковой. «Звенья» № 6. Стр. 191—312.

Гард, Э. Потомки Пушкина. «30 дней» № 6. Стр. 92—96.

Гард, Э. Потомки. «Смена» № 9. Стр. 44.

Гареев, Э. Х. Как мы спасли домик няни. «Смена» № 9. Стр. 31.

Гвоздев, А. Пушкин в театре. «Лит. современник» № 8. Стр. 157—165.

Гинзбург, Л. Путь Пушкина к реализму. «Лит. Ленинград» № 26. Стр. 2.

Гинзбург, М. Пушкинские места. «Книжные новости» № 15. Стр. 20.

Гиппиус, В. Проблема Пушкина. (По поводу статьи Д. Мирского). «Временник» № 1. Стр. 253—261.

Голицына, В. Рецензия на книгу Пушкина «Поэмы» (М., Гослитиздат, 1936, 337 стр.). «Правда» № 179 (1/VII). Стр. 4.

Голлербах, Э. Портреты Пушкина. «Лит. Ленинград» № 45—50.

Голлербах, Э. Пушкин и советские художники. «Лит. Ленинград» № 52. Стр. 1.

Голлербах, Э. Поэмы Пушкина в иллюстрациях. «Лит. Ленинград» № 53. Стр. 3.

Гордон, Ю. Любимый поэт негров. «Смена» № 9. Стр. 45.

Городецкий, Б. П. Письмо Пушкина к «неизвестному». «Временник» № 1. Стр. 234—235.

Горький, М. О Пушкине. Ред. С. Балухатый. «Известия», № 223 (24/IX). Стр. 3; «Смена» № 9. Стр. 14—36; «Лит. учеба» № 8. Стр. 10—27.

Гроссман, Л. Пушкин и сен-симонизм. «Красная новь» № 6. Стр. 157—163.

Гус, М. Последний год Пушкина. «30 дней» № 1. Стр. 60—65.

Гус, М. Рецензия на книгу «Рукою Пушкина». (М.—Л. «Академия», 1935, 926 стр.). «30 дней» № 3. Стр. 75—78.

Д. — Наставник А. С. Пушкина и его запрещенная книга. «Книжные новости» № 18. Стр. 23.

Д. Н. — Пушкин под тайным надзором. «Книжные новости» № 27. Стр. 21—22.

Дарский, Д. Пушкин у книжного прилавка. «Книжные новости» № 8. Стр. 20.

Девিশев, А. Рецензия на книгу Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» (М. Детиздат, 1936, 16 стр.). «Детская литература» № 6. Стр. 35—40.

Де-Рибас, А. Письмо Пушкина к «неизвестной» 1822 г. «Временник» № 1. Стр. 227—231.

Дерман, А. Заметка о «Полном собрании сочинений Пушкина», т. VII (Л. Академия наук СССР, 1935). «Лит. критик» № 3. Стр. 198—199.

Десницкий, В. Пушкин и мы. «Лит. современник» № 1. Стр. 185—215.

Десницкий, В. Вступление к теме. «Лит. современник» № 4. Стр. 203—204.

Десницкий, В. Пушкин и современники. «Лит. газета» № 31. Стр. 2.

Дмитриев, Н. Пушкин на языках народов СССР. «Лит. газета» № 33. Стр. 5.

Дурьлин, С. Драматизированный Пушкин. «Театр и драматургия» № 8. Стр. 470—482.

- Дурылин, С. «Борис Годунов» на сцене. «Театр и драматургия» № 9. Стр. 515—528.
- Дурылин, С. Маленькие трагедии. «Театр и драматургия» № 10. Стр. 578—587.
- Евгеньев. Пушкин под надзором тифлисской полиции. «Лит. газета» № 54. Стр. 2.
- Ермилов, В. Книгопродавец, поэт и тов. Благой. «Красная новь» № 1. Стр. 248—252.
- Жданов, В. Массовые издания Пушкина. «Правда» № 93 (15/V). Стр. 4.
- Жевержеев, Л. Пушкинские акварели В. В. Самойлова. «Театр и драматургия» № 10. Стр. 595.
- Желанский, А. Новое о «Балде» и «Медведихе» Пушкина. (По рукописям поэта). «Звенья» № 6. Стр. 133—143.
- Жидков, Г. В. Три образа Пушкина в творчестве художников Палека. «30 дней» № 1. Стр. 66—71.
- Загорский, М. Детские годы Пушкина. «Театр и драматургия» № 6. Стр. 340—345.
- Закруткин, В. «Братья разбойники» Пушкина. «Красная новь» № 6. Стр. 169—189.
- Закруткин, В. «Разбойничий» фольклор в «Братьях разбойниках» Пушкина. «Резец» № 2. Стр. 16—18.
- Заславский, Д. Всемирное счастье и родина. «Молодая гвардия» № 2. Стр. 178—185.
- Заславский, Д. Рекорд критика Мирского. «Правда» № 237 (28/VIII). Стр. 4.
- Зобнин, А. Советские школьники и Пушкин. «Лит. современник» № 4. Стр. 223—244.
- Зон, Б. Пушкин — юному зрителю. «Лит. современник» № 8. Стр. 175—187.
- Измайлов, Н. Варианты «Полтавы». Неопубликованные отрывки из черновых рукописей. «Лит. газета» № 41. Стр. 5.
- Исаков, Ю. Зря пленительного счастья. «Лит. Ленинград» № 27. Стр. 3.
- Казанский, Б. Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. (Из собрания П. Шеголева). «Временник» № 1. Стр. 236—249.
- Казанский, Б. Драгоценные клочки. «Смена» № 9. Стр. 19—21.
- Казанский, Б. Дневник Пушкина. (По поводу интерпретации Д. П. Якубовича) «Временник» № 1. Стр. 265—286.
- Казанский, Б. Рецензия на книгу Л. Гроссмана «Карьера Дантеса» (М. Жургазобъединению, 1935 45 стр.). «Временник» № 1. Стр. 351—354.
- Казанский, Б. Письмо Пушкина Геккерену. «Звенья» № 6. Стр. 5—93.
- Казанский, Б. Загадочный отрывок Пушкина. «Звенья» № 6. Стр. 94—100.
- Казанский, Б. Накануне трагической гибели. (Календарь последних дней Пушкина). «Лит. Ленинград» № 53. Стр. 3.
- Кирпотин, В. Радость и печаль. «Лит. газета» № 53. Стр. 2—4.
- Кирпотин, В. Пушкин и крестьянская революция. «Комс. правда» № 207 (6/IX). Стр. 3.
- Кирпотин, В. Певец свободолюбия. «Комс. правда» № 130 (6/VI). Стр. 2.
- Кирпотин, В. Пушкинский идеал политической свободы. «Лит. газета» № 56. Стр. 2—3.
- Кирпотин, В. Мироззрение Пушкина. «Советское искусство» № 43. Стр. 2.
- Кирпотин, В. Проблемы искусства и общество в творчестве Пушкина. Статья 1 «Советское искусство» № 50. Стр. 2.
- Кирпотин, В. Тема возмездия в творчестве Пушкина. «Лит. газета» № 63. Стр. 2—3.
- Кирпотин, В. Наследие Пушкина и коммунизм. «Октябрь» № 9. Стр. 221—234.
- Кисин, Б. Рецензия на сборник «Борис Годунов». Рис. В. Свистальского. (М. «Academica», 1936). «Советское искусство» № 47. Стр. 3.
- Козмин, Н. Зарубежные автографы Пушкина. «Лит. газета» № 52. Стр. 6.
- Кондратьев, А. И. О портретах Пушкина. «Книжные новости» № 20. Стр. 21—22.
- Кондратьева, Т. Здравствуй, Александр Сергеевич! «Смена» № 9. Стр. 43.
- Косарев, А. Читайте Пушкина. «Смена» № 9. Стр. 5; «Комс. правда» № 207 (6/IX).
- Лежнев, И. Родоначальник новой русской литературы. «Правда» № 261 (21/IX). Стр. 4.
- Лозинский, Э. О Пушкине и исторических романах. «Лит. Ленинград» № 19. Стр. 4.
- Локс, К. Рецензия на книгу «Сочинения Пушкина» (Л. Гослитиздат, 1936). «Лит. газета» № 38. Стр. 2.
- Луговской, В. «Пушкин» трагедия Глобы. «Лит. газета» № 56.
- Мануйлов, В. Пушкин и театр. «Лит. современник» № 8. Стр. 183—189.
- Мануйлов, В. Образ поэта и его воспитательное значение. «Лит. современник» № 4. Стр. 205—217.
- Медведев, П. Павел Лужьянович Яковлев и его альбом. «Звенья» № 6. Стр. 101—133.
- Мейерхольд, Вс. Пушкин-режиссер. «Звезда» № 9. Стр. 205—211.
- Мейлах, Б. Пушкин в литературных объединениях декабристов. «Красная новь» № 1. Стр. 196—207.
- Мейлах, Б. Новое о политической эволюции Пушкина. «Лит. газета» № 38. Стр. 2.
- Мейлах, Б. Пушкин и теория «чистого искусства». «Лит. современник» № 5. Стр. 165—192.

- Мейлах, В. Добролюбов и Пушкин. «Резец» № 3. Стр. 20—21.
- Мейлах, В. Лирика. «Смена» № 9. Стр. 35—37.
- Мейлах, В. Пушкин «утверждающий» и «отрицающий». «Лит. газета» № 50. Стр. 4.
- Мейлах, В. Пушкин и литературная политика царского правительства. «Лит. газета» № 60. Стр. 3.
- Мейлах, В. О статье В. Виноградова «О стиле Пушкина». («Литературное наследство» № 16—18, 1934). «Временник» № 1. Стр. 342—345.
- Мейлах, В. Дайте подлинный пушкинский спектакль. «Лит. современник» № 8. Стр. 189—193.
- Мейлах, В. Пушкин в борьбе с царской цензурой. «Резец» № 21. Стр. 20—23.
- Мирский, Д. Мои критикам. «Временник» № 1. Стр. 262—264.
- Мирский, Д. Письмо в редакцию. «Лит. газета» № 50. Стр. 6.
- Модзалевский, Л. Новое о неосуществленном издании стихотворений Пушкина 1836 г. «Книжные новости» № 7. Стр. 19—21.
- Модзалевский, Л. Комментарий к произведению А. С. Пушкина «Тень фон-Визина». «Временник» № 1. Стр. 11—25.
- Модзалевский, Л. Из откликов на смерть Пушкина. «Звенья» № 6. Стр. 156—161.
- Модзалевский, Л. Мнимые экспромты Пушкина. «Временник» № 1. Стр. 219—220.
- Морачевский, Н. О пушкинских литературных страницах. «Лит. Ленинград» № 53. Стр. 3.
- Мордовченко, Н. О статьях: «Пушкин по документам архива М. Н. Погодина». Публикация М. А. Цяпловского; «Пушкин по документам архива С. А. Соболевского». Публикация М. Светловой. («Литературное наследство» № 16—18, 1934 г.). «Временник» № 1. Стр. 335—339.
- Мышкова, Л. О поэтике Пушкина. «Лит. учеба» № 9. Стр. 3—32.
- Николич, Д. Детище Пушкина. (К 100-летию «Современника»). «Резец» № 9. Стр. 18—19.
- Новиков, И. А. Вокруг письма Пушкина к Б. А. Адеркасу. «Временник» № 1. Стр. 231—234.
- «О Пушкине». Анкеты. (Писатели и читатели о Пушкине). «Лит. современник» № 3. Стр. 206—219.
- «Он был шахматистом». «Смена» № 9. Стр. 45.
- Орлов, Вл. Неизданные воспоминания о Пушкине. «Лит. Ленинград» № 53. Стр. 1.
- Переверзев, В. Ф. Пушкин в борьбе с русским плутовским романом. «Временник» № 1. Стр. 164—188.
- Попов, П. Существует ли неизвестный дневник Пушкина. «Лит. газета» № 53. Стр. 6.
- Поспелов, Н. Пугачин как читатель. «Книга и пролетарская революция» № 11. Стр. 31—41.
- «Поэт счастливого народа» «Лит. Ленинград» № 26. Стр. 1.
- Путята, Н. В. Заметка об Исаковском издании сочинений Пушкина. Комм. К. П. Пигарева. «Звенья». Стр. 161—169.
- Пушкин-собеседник. «Смена» № 9. Стр. 45.
- Пушкин о драматическом искусстве. «Лит. современник» № 8. Стр. 144—153.
- Разгром книжного магазина. «Книжные новости» № 9. Стр. 21.
- Рождественский, В. С. Стихи и сцена. «Лит. современник» № 8. Стр. 181—183.
- Рощин, Я. Рецензия на книгу Ан. Желанского «Сказки Пушкина в народном стиле». (М. Гослитиздат, 1936, 159 стр.). «Лит. газета» № 58.
- Рощин, Я. Рецензия на книгу «Полное собрание сочинений Пушкина. Том VII». (М. Академия наук СССР, 1935). «Лит. газета» № 24. Стр. 5.
- С. И. Рецензия на книгу «Рукопись Пушкина». (М.—Л. «Academia», 1935, 926 стр.). «Лит. обозрение» № 1. Стр. 37—39.
- Свириц, Н. Реализм Пушкина. «Лит. Ленинград» № 3. Стр. 3.
- Свириц, Н. Пушкин на переломе к реализму («Цыганы»). «Знамя» № 4. Стр. 234—256.
- Свириц, Н. «Подражание Корану» Пушкина. «Звезда» № 8. Стр. 221—242.
- Свириц, Н. Пушкин и фольклор народов СССР. «Лит. Ленинград» № 54. Стр. 4.
- Свириц, Н. Пушкин и грузинская поэзия. «Резец» № 21. Стр. 17—19.
- Сергиевский, И. Проблема тенденциозности у Пушкина. «Лит. критик» № 5. Стр. 54—70.
- Сергиевский, И. Историческая драма Пушкина. «Советское искусство» № 48. Стр. 4.
- Сергиевский, И. Горький о Пушкине. «Лит. газета» № 38. Стр. 2.
- Сергиевский, И. Рецензия на книгу Пушкина «Сочинения» (Л. Гослитиздат, 1936, 973 стр.). «Лит. критик» № 7. Стр. 187—192.
- Сергиевский, И. Мы — наследники Пушкина. «Советское искусство» № 51. Стр. 3.
- Сергиевский, И. Рецензия на книгу «Временник» № 1. (М.—Л. Академия наук СССР, 1936, 423 стр.). «Лит. газета» № 42. Стр. 4.
- Сергиевский, И. Рецензия на «Полное собрание сочинений Пушкина. Томы I, V». Изд. 3-е. (М. Гослитиздат, 1935). «Лит. обозрение» № 1. Стр. 35—37.
- Сергиевский, И. Новые издания Пушкина. «Книга и пролетарская революция» № 4. Стр. 15—16.

- Сергиевский, И. Опошленная биография великого поэта. (Г. Чулков — «Жизнь Пушкина»). «Лит. газета» № 56; «Уязвленная пошлость». «Лит. газ.» № 64.
- Слонимский, А. Стих и образ. «Лит. современник» № 8. Стр. 165—168.
- Сокольников, М. Пушкинские издания «Academia» «Книжные новости» № 10. Стр. 21—22
- Сорокин, В. Автографы великого поэта. «Лит. газета» № 58. Стр. 2.
- Спасский, С. Путь к Пушкину. «Лит. современник» № 4. Стр. 218—222.
- Спасский, С. Театр Пушкина. «Лит. современник» № 8. Стр. 177—181.
- Старчаков, А. Два поэта (Пушкин и Мицкевич). «Лит. Ленинград» № 50. Стр. 3.
- Степанов, Н. Пушкин о драматургии. «Лит. современник» № 8. Стр. 153—157.
- Тимофеев, Л. Лирика А. С. Пушкина. (О специфике лирической поэзии). «Литература в школе» № 1. Стр. 10—21.
- Томашевский, Б. За подлинного Пушкина. «Лит. современник» № 8. Стр. 171—175.
- Томашевский, Б. «Маленькие трагедии» Пушкина и Мольер. «Временник» № 1. Стр. 115—133.
- Томашевский, Б. К истории текста эпиграммы «Там, где древний Кочерговский». «Временник» № 1. Стр. 217—218.
- Томашевский, Б. Проза. «Смена» № 9. Стр. 32—33.
- Томашевский, Б. Рецензия на «Полное собрание сочинений Пушкина. Том V». (М. «Academia», 1935, 391 стр.). «Временник» № 1. Стр. 318—322.
- Тынянов, Ю. Кюхельбекер о смерти Пушкина, Грибоедова и Рыльева. «Лит. Ленинград» № 7. Стр. 1.
- Тынянов, Ю. Заметки о лицейских стихах Пушкина. «Временник» № 1. Стр. 200—201; «Лит. Ленинград» № 26. Стр. 4; «Лит. газета» № 32. Стр. 2.
- Федоров, Л. Академический Пушкин. «Книга и пролетарская революция» № 10. Стр. 18—26.
- Ходза, Н. «История Пугачевского бунта» и цензура. «Лит. Ленинград» № 49. Стр. 3
- Храпченко, М. Величайший русский реалист. «Комс. правда» № 7 (9/1). Стр. 3.
- Храпченко, М. Горе-исследователи. «Правда» № 261 (21/IX). Стр. 4.
- Цейтлин, А. Рецензия на книгу В. Виноградова «Язык Пушкина» (М. «Academia», 1935, 457 стр.). «Временник» № 1. Стр. 339—342.
- Цявловский, М. Скитания поэта. «Смена» № 9. Стр. 15—16.
- Цявловский, М. Заметки о Пушкине. «Звенья» № 6. Стр. 148—155.
- Цявловский, М. Печать о Пушкине при его жизни. «Книжные новости» № 11. Стр. 21—22.
- Чегодаев, А. Выставка Третьяковской галереи. «Лит. газета» № 61. Стр. 2.
- Чернышев, В. Пушкин и Ф. И. Вязьнова. «Звенья» № 6. Стр. 183—190.
- Что читать о Пушкине. «Смена» № 9. Стр. 42.
- Чуковский, К. Два поэта (Пушкин и Маяковский). «Смена» № 9. Стр. 17—18.
- Чулков, Г. О биографии Пушкина. «Книжные новости» № 21. Стр. 19—20.
- Чулков, Г. Жизнь Пушкина. «Новый мир» № 5, 8, 9.
- Ш. В. Говорят книги. «Смена» № 9. Стр. 38.
- Шебунин, А. Пушкин и «Общество Елизаветы». «Временник» № 1. Стр. 53—90.
- Шебунин, А. Пушкин по неопубликованным материалам архива братьев Тургеневых. «Временник» № 1. Стр. 196—200.
- Широкий, Ю. Приют трудов и вдохновения. «Смена» № 9. Стр. 24—25.
- Шкловский, В. Мятая жизнь. «Смена» № 9.
- Штейн, А. Рецензия на книгу А. Пушкина «Полное собрание сочинений. Том VI». «Лит. обозрение» № 20. Стр. 31—34.
- Штрайх, С. Рецензия на III том «Писем» Пушкина (1831—1833) (М.—Л. «Academia», 1935, 721 стр.). «Лит. критик» № 3. Стр. 238—240.
- Эйгес, И. Рецензии на книги Пушкина: «Драматические произведения» (Л. ГИХЛ, 1935, 215 стр.); «Избранные сочинения» (Харьков—Одесса, Детиздат УССР, 1935, 236 стр.); «Поэмы» (Л. Гослитиздат, 1935, 318 стр.); «Стихотворения» (М. Гослитиздат, 1935, 39 стр.). «Временник» № 1. Стр. 322—332.
- Эттингер, П. Пушкин за рубежом. «Книжные новости» № 12. Стр. 21.
- Эштейн, А. Проза Пушкина в русской критике. «Лит. современник» № 3. Стр. 183—205.
- Юнович, М. Творец литературного языка. «Правда». № 261. (21/IX). Стр. 4.
- Яковлев, В. Покушение на Пушкина. (О пьесе «Смерть Пушкина» (без автора). «Сов. искусство» № 13.
- Яковлев, С. Рецензия на книгу Пушкина «Сочинения» (Л. Гослитиздат, 1935, 975 стр.). «Лит. обозрение» № 8. Стр. 27—29.
- Якубович, Д. Перевод Пушкина из Шекспира. «Звенья» № 6. Стр. 144—148.
- Якубович, Д. Еще о дневнике Пушкина. (Ответ Б. В. Казанскому). «Временник» № 1. Стр. 283—291.
- Якубович, Д. Обзор статей и исследований о прозе Пушкина с 1917 по 1935 г. «Временник» № 1. Стр. 295—318.
- Якубович, Д. «Памятник Пушкина». «Лит. Ленинград» № 52. Стр. 3.

Н. Мацуев.

Пушкин в мировой литературе

Среди готовящихся пушкинских изданий научно-исследовательского характера очень большой интерес возбуждает труд Владимира Ильича Нейштадта, поставившего себе задачей дать исчерпывающую библиографию переводов произведений Пушкина на языки всего мира.

Работа В. И. Нейштадта «Пушкин в мировой литературе» впервые раскроет полную картину популярности творчества гениального русского поэта у разных народов.

Книга выйдет в издательстве «Academia» размером в 20 печ. листов, из которых 14 будут заложены библиографическим списком, остальные же шесть займет вступительная статья, посвященная анализу фактического материала и общим из него выводам. В. И. Нейштадту удалось собрать около 1600 библиографических единиц, то есть отдельных изданий, равно переводов и статей, помещенных в журналах, даже в газетах и имеющих отношение к Пушкину. Количество языков, зарегистрированных этой библиографией, выражается прямо баснословной цифрой — 80. Большая половина которой (47) принадлежит народам, населяющим Советский союз. Остальные 33 зарубежных языка относятся к странам обоих земных полушарий. Из восточных языков мы находим здесь турецкий, персидский, китайский, японский и корейский. Из европейских стран, странным образом, отсутствует одна лишь фашистская Португалия, у которой не нашлось ни одного пушкинского перевода.

Библиография распределена в хронологическом порядке по языкам и снабжена примечаниями и аннотациями, причем одна треть материала описана автором *de visu*.

Наряду с этим библиографический обзор имеет ряд статистических таблиц, наглядно характеризующих степень популярности Пушкина и отдельных его творений у разных народов. Так, мы узнаем, что общее количество пушкинских переводов почти равно во Франции, Германии и Чехословакии, доходя до 175. Зато в Англии имеется не более 40 таких переводов. Самой большой популярностью пользовались отдельные пушкинские про-

изведения во Франции, где, например, «Капитанская дочка» была издана в 26 разных изданиях, в том числе и школьных, где «Бахчисарайский фонтан» был переведен 13 раз, «Пиковая Дама» — 12, а «Борис Годунов» и «Сюжеты Белкина» — по 10 раз. В Германии же «Пиковая Дама» имеется в 12 различных переводах.

Во вступительной статье, которая до выхода в свет книги появится в пушкинском выпуске журнала «Красная новь» и в свою очередь переводится на французский, английский и немецкий языки, автор затрагивает целую группу пушкинских проблем.

Тут, во-первых, В. И. Нейштадт пытается дать обзор оценки Пушкина со стороны заграничной критики, начиная с 1823 г. В итоге оказывается, что Пушкин все время за рубежом причислялся к группе величайших мировых писателей и оценивался необычайно высоко в отличие от царской России.

Крайне любопытны и во многом совершенно новые выводы автора по поводу определенных отражений идей и замыслов Пушкина и влияния его на многих выдающихся писателей Запада. В. И. Нейштадт приводит несколько десятков таких конкретных примеров, которые во Францию тянутся от Мериме через Мопасана и Пруста до недавно скончавшегося Анри де Ренье, а в Германии — от Гейне, Ленау, Шамиссо и Нитцше вплоть до Райнера Марии Рильке.

Наконец отдельная глава книги посвящена пушкинским темам в зарубежной музыке и кино, например, отражению «Цыган» и «Кавказского пленника» в операх Вальтера фон Гете, внука великого Йоганна Вольфганга, «Пиковой Дамы» в опере французского композитора Галеви на либретто, составленное Скрибом, или же «Бахчисарайского фонтана» в опере чеха Франца Леопольда Мехуры и т. д.

«Пушкин в мировой литературе» В. И. Нейштадта, если даже не будет в полном значении слова исчерпывающим, что неизбежно при первом опыте подобной библиографии, и свободным от пропусков, все же явится ценнейшим вкладом в комплекс изданий по пушкиноведению.

П. Эттингер

Сдано в набор 31/XII 1936 года

Формат бумаги 70x108¹/₁₆ 4 п. л.
80 г. тип. знаков в 1 п. листе
Уполномочен. Главлита Б—11227
Заказ № 3825. Тираж 20.000
Типограф. изд-ва „Крестьянская
газета“, Москва, Суцневская, 21

Отв. редакт. С. И. АБРАМОВ

Подписано к печати 26/I 1937 г.

Техн. редактор Ф. ЩЕРБАКОВ

ЧИТАЙТЕ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
И ЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ИНФОРМАЦИОННО-БИБЛИО-
ГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„КНИЖНЫЕ НОВОСТИ“

„КНИЖНЫЕ НОВОСТИ“ информируют о печатающейся и выходящей в свет литературе по всем вопросам знания, информируют об издательской жизни в СССР и за рубежом, систематически печатают библиографические заметки о редких книгах, библиографию к знаменательным общественным датам и т. п.

„КНИЖНЫЕ НОВОСТИ“ рассчитаны на широкий партийный и советский актив, на библиотекарей и всех интересующихся книгой и следящих за книжными новинками.

„КНИЖНЫЕ НОВОСТИ“ с 1937 года выходят два раза в месяц, объемом в 4 печатных листа (64 страницы) каждый номер.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 месяцев — 12 рублей
на 6 месяцев — 6 рублей
на 3 месяца — 3 рубля

Подписка принимается в магазинах, киосках и уполномоченными Книзга, а также на почте и Главной конторой подписных и периодических изданий Книзга: Москва, Маросейка, 7.

цена 50 коп.

